

На память о службе
на крейсере

Легкий крейсер **"МУРМАНСК"**

Фото с сайта «Крейсер Мурманск»

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Минувшее столетие не зря окрестили «крейсерским веком» — эти универсальные корабли принимали самое активное участие в обеих Мировых войнах, сражаясь на всех океанах и превратившись в становой хребет флота. И сегодня крейсера являются самыми крупными, мощными и грозными кораблями после авианосцев, а с появлением крылатых ракет стали смертельно опасны даже для «повелителей океанов».

В этой книге собраны истории о людях, служивших на этих крейсерах, написанные с грустью, юмором и теплом.

- Борис Васильев (Кор)
 - - Непридуманные истории
 - Диверсант
 - Главкомовская стрельба
 - Военная тайна
 - Пехота
 - Детали
 - Адмирал
 - Танкист
 - Помоха
 - Кто сказал, что флот не пьет?
 - Еще два случая
 - Главкомовская стрельба — 2
 - Про политработников
 - Отловленный
 - Рассказ первый
 - Рассказ второй
 - Рассказ третий
 - Рассказ четвертый
 - Рассказы
 - 8 ноября 1969 года
 - 42 крючка
 - Анабазис
 - Босфор
 - Боцман
 - Братство
 - Бычки
 - ВЭЖ
 - Геморрой

- Дед Мороз и Молодочка
- Инглиш
- Эх, инженеры
- Иуды
- Кот
- Командир
- КРБГ
- Лисс
- Мудрый как змей
- На рейде[3]
- НГ
- Обезьяна
- Неглавкомовская стрельба
- Остановите музыку
- Невезение
- ПДСС
- О службе морской, о жизни такой
- Плотников
- Правила плавания
- Связь
- Пропущенное
- Секретные материалы
- Сосиски в томате
- Спирт
- Спорт, сука
- Тесть
- Шутка
- О национальной гордости чувашей
- Не вызовут...
- «Четыре года рыскал в море наш корсар»

- notes

1

2

3

Борис Васильев (Kor)

А мы служили на крейсерах

Крейсера, крейсера...

Крейсера, крейсера... Впервые увидев вас одиннадцатилетним мальчишкой — с центральной городской горы — спустившись по матросскому бульвару на площадь Нахимова — я кажется с первого вздоха влюбился в ваши хищные темно-серые корпуса, приплюснuto сидевшие в зеленой воде Севастопольской бухты. Довоенные еще «Слава» и «Ворошилов» — и новые — тогда «Кутузов», «Ушаков», «Жданов», «Дзержинский».

А потом, первый раз оказавшись на сигнальном мостике во время ночного выхода в море, — моя душа замерла от счастья этого беззвучно-стремительного полета по лунной дорожке, в той магической тишине крейсерского хода, когда, приглушенный удаленностью палуб и надстроек, шум нагнетающей вентиляции котельных отделений воспринимается как шум тока крови могучего организма, а отдаленные команды и доклады ГКП — как мысли, стремительно пробегающие в голове этого организма, всего лишь фоном, который не слышит сам организм, и остается лишь восторг своей силой, своей способностью заглянуть за горизонт...

Счастье и восторг полета...

Крейсера, крейсера...

Навсегда останутся в моем сердце стремительный всплеск ваших надстроек, сюрреалистическими ладьями выставших из чисто отдраенных палуб... Останется грозная мощь башен главного калибра, с маслянисто-шипящим шорохом броневых дверей.

Останется блестящая отточенность службы, с ее казалось бы ненужными — для постороннего человека — формальностями, вызывающими у непосвященных только недоумение...

И в этом — правда и суть ваша, крейсера...

Нет мелочей... Ведь и у птицы свободный полет возможен, если есть все перья...

Ах, как вы летели над морем, мои крейсера...

И вас нет... И нет флота...

Хотя может быть многие думают по-другому...

А я иногда — очень редко — еще лечу вместе с вами над застывшей полосой лунного света, туда, за горизонт, за пределы возможного, со сжимающимся от восторга сердцем, и чувством, что все еще впереди, и счастье, и жизнь, и дорога...

Крейсера, крейсера...

Борис Васильев

Непридуманные истории

*Есть на крейсерах такая
вахта — вахтенный офицер на
якоре. Главновстречающий и
проводжающий плавсредства,
подающий команды по кораблю, и
вообще мальчик для битья — в
некоторых случаях.....*

Был у нас уникум — офицер по снабжению Пульман Семен Семенович. Молдаванин. У них, у молдаван вообще интересные фамилии, у меня в богом проклятых 90-х служил например матрос Попа. А этот был Пульман. Но это к слову.

Габаритов Семен Семенович был соответствующих должности, то есть в поясе где-то 64–68 размера при росте 160. Трудно ему было — но на вахте якорной стоял — должность — то каплейская, над ним еще помощник третьего ранга...

Ну вот. Стоял крейсер на 2-х бочках — напротив госпиталя. Ночь, соответственно пароход спит, вахтенный офицер тоже подремывает, сладко переваривая зажаренную по спецзаказу курочку, дежурный где-то в низах, на обходе, тишина, покой.... Дремал Семен, конечно же, в рубке дежурного у правого трапа, на левом — вахтенный, все путем.

А в это время, один из подгулявших офицеров, не найдя себе объекта — или субъекта приложения сил, и будучи изрядно врезавши, решил вернуться на корабль. Судьба моряка занесла его на Корабелку, время позднее, транспорт не ходит....Куда?.. на госпитальную! Как эта святая мысль пришла ему в голову...

Прошел он через госпиталь — благо офицеров в форме туда пускали в любое время, и вышел на причал. Корабль — вот он, рукой подать, стоит, родной, светится огнями.

Стал наш герой пытаться обратить на себя внимание. Кричал, свистел — ну не знаю я, что он там еще делал — тщетно. Спит пароход. Не исключено, что командир вахтенного поста и слышал — да мало ли кто там, на стенке — тем более в госпитале шумит. Может псих. Пошумит — пошумит — санитары успокоят.

Семен Семенович же решил в это время на минуту оторваться от процесса пищеварения и пройтись куда — то. Ну — вахту верхнюю поверить, на сигнальном, на баке, или более тесно пообщаться с последствиями неумеренного потребления жареных куриц. Подозвал вахтенного, заинструктировал, как на звонки телефонные отвечать — и убыл.

Офицер же на Госпитальной, разуверившись в бдительность вахты на родном крейсере, разделся, форму увязал ремнем — лето, Севастополь — и вплавь.

Доплыл. Левый трап стоял, так что проблем не было — отрезвел только слегка, на борт, и, как был голяком — в каюту.

Ну те-с, возвращается Семен, отправляет вахтенного на левый трап — и вдруг, через секунду слышит там то — ли всхлипывания — то — ли повизгивания...

Туда... Стоит старшина, трясется — весь изжелто — зеленый и пальцем в палубу тычет. А на палубе...Мокрые следы...от трапа из-за борта...в офицерский коридор.....ДИВЕРСАНТ!

А после «Новороссийска» В Севастополе диверсанты у всех на слуху долго были...Вызвал дежурного. Доложил. Дежурный — старшему на борту. Тот тоже в ситуацию врубился быстро — доложил по команде на КП — и - тревогу.

Проснулся пароход, забегал. Доклад тем временем с КП бригады покатился не спеша по ступенькам служебной лестницы вверх, выше и выше...

Купальщик невольный хоть и был в «сходящей» смене — но! — тревога! — прибыл на пост. Доложились. Команда: «Осмотреться в отсеках. На корабле возможно нахождение не установленных лиц, проникших незаконно!» — Осмотрелись — вроде никого нет. Ждут. Затихло. Делать нечего. Командир боевой части спрашивает:

— А ты чего на посту, на сходе же был...? — Тот: так, мол, и так, и уже с юмором рассказывает про свой заплыв — не сопоставляя его с тревогой.

Но командир БЧ был а) более трезв, б) обладал большим служебным опытом. Поэтому старший на борту получил четкий доклад, что не установленное лицо установлено, и находится на боевом посту.

Доложили опять же по команде, получили полную охалку эпитетов к слову «мать» и характеристику состояния службы в особо извращенной половой форме, сыграли отбой...

«Пловца» показательно вздрючили на подъеме флага, а Семен стал на всю жизнь «Диверсантом».

Они такие, офицеры по снабжению. Диверсанты.

...Хорошо флот по тревоге не подняли, — не успели.....

Главкомовская стрельба

...Но не только стояли на якорях наши лихие крейсера. Ходили в море. Еще как ходили...

До сих пор помню фотографии курсантов нашего училища, оказавшихся на «Славе» (той еще! 1939 года постройки), в Средиземке, во время арабо-израильской войны 67 года. Выдали им тогда автоматы, по паре гранат, произнесли речь, что надо помочь дружественному арабскому народу, — и к берегам Египта. Пока шли — посадили с СДКа сержанта-морпеха, и тот на юте учил курсачей элементарным пехотным навыкам: как ползать, как гранаты бросать...

У нас потом ввели после первого курса практику в морской пехоте. Там за две недели всему понемножку учили. Даже танками объезжали. Да-а...

И суть-то не в этом, а в том, что на фотографиях со «Славы» веселых рож не было. Наоборот, даже на этих черно-белых снимках видно было, что народ, в основном, зеленого цвета. Говорят, за тридцать минут до высадки приказ отменили.

Все это к тому, что «ходили мы походами...» И стреляли и противолодочные задачи выполняли — крейсера 68-го проекта! Да!

И была стрельба на приз Главкома. Мероприятие ответственное, готовились к нему долго и серьезно, без шуток и дураков. Вообще, боевая подготовка советского ВМФ — недостижимый для сегодняшнего флота уровень. Как звезда в туманности Андромеды. Но это к слову.

Так вот, выходит наш «железный корабль» на такую призовую стрельбу. Ходить, слава богу, далеко не надо, у Севастополя где ни плюнь — полигон боевой подготовки; вышли, тревога, корабль к стрельбе главным калибром приготовили, получили «добро»...

...В такие минуты на «мосту» какая-то звеняще-напряженная тишина. Причем звенит она в буквальном смысле слова: зудят репиторы гирокомпаса, поют тахометры, гудит машинный телеграф, и все звуки вдруг слышатся отдельно, и все вместе сливаются в звенящий ансамбль тишины на Главном Командном Пункте...

С богом, как говорится.

Командир включает связь с командным пунктом артиллериста (БЧ-2), командует:

— Открыть огонь!

Все три башни главного калибра — на правом борту, стволы

на возвышении.

Ща — а - ас...

ка — а - ак...

Никак. Тишина.

Снова:

— Открыть огонь!! — пока еще в рамках командирского рыка, но восклицательных знаков больше.

Ща — а - а — ас...

Тишина.

Уже слегка истерично:

— Открыть огонь!!!!... - а на «мосту» — посредники, штаб, и, в общем, полна жопа огурцов... чтоб им всем.

...И вдруг из динамика трансляции слышат громко и отчетливо:

— Пу — м - м — м... — и, через время, нужное на перезарядку — Пу — м - м — м...

А потом голос штурмана:

— Товарищ командир, продолжать штурманам выполнение Главкомовской стрельбы?..

«Мост» затрясся от хохота. Смеялись все, кроме командира, в напряженке попутавшего на пульте трансляции включатели командных пунктов артиллериста и штурмана.

Ошибку свою он исправил сразу и хохот прекратился тоже сразу: чего хохотать под рев главного калибра...

И отстреляли-то, в общем, отлично, но приз не получили.

Уж очень смешно было его давать...

И опять про вахтенных офицеров на якоре. Заступает их на сутки трое, в принципе особенной ответственности нет, замена есть всегда, так что снять с вахты — без проблем. Вот так и бывало, что минут за тридцать до окончания вахты тебя снимают, и через пятнадцать минут — пожалуйста бриться, «Очередной смене приготовиться на вахту!»

У матросов на разводе рожи иронически — сочувствующие, а тебе — еще четыре часа. А могут и еще раз снять...

В мой первый флотский день рождения меня снимали дважды. Поэтому, заступив в семь утра, явился я домой в двадцать один, после смены, к остывшему столу и заплаканной жене. Гости, конечно, все разошлись.

Так что слова «Сдать вахту!» преследовали меня года четыре, пока я не стал старым капитаном, и меня допустили к дежурству по кораблю.

Все это для лучшего понимания ситуации, о которой собираюсь рассказать.

Поставили на наш «корабль» пехотный зенитный комплекс. Дело совершенно новое, ну и соответственно секретное. Приехали из Москвы целых два каперанга — из восьмого отдела — определять режим допуска на крейсер.

После вкусного обеда в командирском салоне и адмиральского часа, прогуливаются они, стало быть, в районе пусковой. Совещаются. Вдруг — явление. Блондинистый молодцеватый старлей. Фуражка — набекрень, пшеничные усы, фотоаппарат... Что?!!! Фотоаппарат!!!!

— Вы кто?!!!

— Фотокорреспондент «Красной Звезды», направлен отразить в фоторепортаже освоение новой боевой техники.

— А — а - а — а - а.....!!! — неслось от пусковой до каюты командира.

Тот — за телефон:

— Вахтенный офицер! Когда на корабль прибыл фотокорреспондент «Красной Звезды»?

— Не было, товарищ командир!

— А — а - а — а -!!! — это уже командир, и еще сорок два слова, из которых самые теплые — «Сдать вахту к такой — то матери!! Учебно-боевая тревога!»

Сыграли тревогу.

Старпом — с ГКП:

— Доложить, у кого на посту находится фотокорреспондент

«Красной Звезды»!

— БЧ-1 — нет, 2, 3... 5, РТС, службы и команды — нет!

— Осмотреть заведования!

Осмотрели. Нет!

Московские капризы в голос:

— Как же нет?! Такой блондин, с усами, фуражка набекрень...

Старпом тут же врубился:

— ПКЗД! (пункт командира зенитного дивизиона)

— Есть ПКЗД!

— Гайдин! Сука! Ты фотокорреспондент??!!

— Так точно!

— Десять суток ареста!!!

— Есть!

Военная тайна была сохранена.

Впрочем на Севастопольском базаре все эти тайны...

Когда на крейсере установили сухопутный зенитный комплекс, то кроме выпускников ЧВВМУПСа туда назначили несколько «зеленых» (т. е. общевойсковых) лейтенантов — зуровцев.

Прибыли они разместились... Сидят в каюте — святое дело в нижнем офицерском коридоре. Мрак. «Окошек» — иллюминаторов — в помине нет, в середине каюты — какой — то столб (пиллерс). Тараканы. Вентиляшка шумит... Тоска!...

Звонок. Берет один трубку, оттуда:

— Старпом у аппарата. Слушаю!

— Лейтенант Барсуков!

— Хорошо. К утру составить мне график ареста офицеров на сентябрь!

—!!!!

Блям! Отключился. Твою мать! Куда бежать, что делать? К соседу — на сходе. Через каюту — есть кто — то. Старший лейтенант Гайдин. Что? Как? — рассказал, что, боеготовность понижать нельзя, согласно корабельного устава не менее 30 % — на борту, на клочке бумаги приброесил, как все должно выглядеть...

На следующее утро лейтенанты — к старпому.

«Разрешите доложить!» ...и так далее, мол приказание выполнено, график готов...

Старпом врубался в то, что ему докладывают минут пятнадцать... Потом еще минут сорок объяснял, что такое флотская служба на доступном языке... «Сраная подкильная зелень» — звучало просто материнской лаской, по сравнению со всеми остальными словами...

После этого, те два или три дня, что «зеленые» еще ходили не переодетыми, старпома при виде их начинало корчить...

Ну, а потом их переодели наконец, и, как водится, начали готовить к несению службы вахтенным офицером на якоре. О некоторых особенностях этой службы я уже говорил.

Подготовили. То есть сдали они зачеты, продублировались, и — вот! Вот он сладкий миг — заступили!

А надо сказать закон крейсеров — по крайней мере, на Черноморском флоте в семнадцать пятьдесят — баркас для схода офицеров и сверхсрочников трапа. И ровно в восемнадцать он отходил. Ни минутой позже. Не приведи господи вахтенному офицеру задержать сход на берег боевых товарищей! Кроме сурового порицания от них самих можно было нарваться и на

порицание от старпома, которое приводило к снятию с вахты.

И вот стоит этот новоиспеченный вахтенный из «зеленых» на первой вахте. Баркас у трапа. Офицеров, сверхсрочников — полон кокпит. Снизу ор «Отправляй» — в смысле в рейс...

А у того — клин. Ну не помнит, как скомандовать на отход баркаса!!! (Баркасу — в рейс).

Но! Находчивость! Напор!! (Да еще вспомнилось, чему в училище учили):

— Маленькому кораблю от большого корабля — Шагом — Марш!!!

Как барказ не утоп от хохота — очевидцы передать словами не смогли...

...А лейтенант этот стал потом толковым моряком...

Лейтенант *** попал на крейсер после того, как чудом спасся с тонущего «Новороссийска». Выволок его на берег матрос — мастер спорта по плаванию.

С обоими меня служба свела на совсем другом крейсере, где один был моим командиром боевой части, а другой — старшиной «румынской» (минно-торпедной) команды...

Так вот после аварии на «Новороссийске» офицер этот стал слегка заикаться, и запомнился нам, молодым, как «Капитан... ранга е-е-е-бить».

Светлая ему память! Все его «воспитанники» стали достойными офицерами.

История эта рассказана им самим. Правда, за точность акцентов — не ручаюсь.

Поставили на наш «Железный корабель» сухопутный ЗУР, и налаживали его множество — как водится — гражданских специалистов — и! Специалисток!! На корабле!! В те далекие 60-е годы явление это было совершенно уникальным.

А лейтенант был молод, хорош собой, ну в общем «ПриЮтил» он в посту своем одну «специалистку».

Как через стальные переборки на крейсере нежелательная информация доходит до «вышележащего» начальства — загадка наукой до сих пор не разгаданная.

Но являются к нему в пост начальство. Кто уж там был — точно не знаю, но лейтенанта пытали серьезно. Однако, верный флотской традиции — стоя по колено в говне, и, смело глядя в глаза, отказываться даже от запаха — лейтенант не сдавался ни в какую.

Да только информация видимо прошла серьезно и четко, так, что начальство, ткнув перстом в один из ящиков ЗиПа грозно спросило:

— Что там?

— Д — д - д — детали!

— ЧТО?!

— Д — д - д — детали!!

— Открывай!!

Делать нечего. Открыл. На самом верху — розовые женские трусы!!!

— Ч т о!!! Э т о!!!

— Д — д - д — детали ж — женской о — одежды!

— Заика херов!!!!..

Наказали его конечно — правда не так строго, как можно

было бы ждать, и уж совсем неожиданно для источника информации...

Мол, хотел доложить.

Но заволновался, и не выговорил сразу!

Хотя это было совсем не так.

Вообще, кто бывал на крейсерах 68-го проекта, помнит, что была там такая вахта — вахтенный на полубаке.

Ходил этот вахтенный четыре часа с повязкой по левому борту, от второй башни до входа в верхний офицерский коридор. Палубу охранял.

Но! Не только палубу. На левый полубак выходили иллюминаторы каюты командира.

А командира нужно беречь для боя — это закон.

На нашем «корабиле» под иллюминаторами прямо, стоял рабочий стол командира.

Командиры, как правило, не обременяют себя пятнадцатичасовым разводом экипажа на работы и занятия (см. выше), и адмиральский час у них может слегка затянуться...

А кто стоит вахтенным на полубаке? — «Годки» из БЧ-2. Кому как не «рогатым» на якоре все дурные вахты тянуть? А «годок» — он любого борзого матроса построит, от командирских иллюминаторов шугнет, да и сам выглядит справно — здоровый (покидай-ка 4 года семидесятикилограммовые чушки главного калибра!), гладкий, чистый, в общем то, что надо.

Но на всякий вес есть свой противовес...

Где взял капитан (уже!) — лейтенант Гайдин адмиральскую фуражку и лайковые перчатки — история умалчивает. Но, тем не менее, перед окончанием адмиральского часа, подошел это он тихонечко на левый полубак, имея в руках указанную фуражку и перчатки.

Вахтенный на полубаке рыпнулся было, но, наткнувшись взглядом на кулак быстро остыл. Что делать, годковщину офицерскую никто не отменял, а Гайдин был «годок» «в законе» (говоря современным языком), да к тому же начальник, свой из «рогатых». В общем стушевался бравый вахтенный. А Гайдин тихонечко так в открытый иллюминатор командирскую адмиральскую фуражку на стол, на нее — перчатки, вахтенному — снова кулак — и ушел.

Долго ли, коротко ли, закончился у командира адмиральский час. Выходит он из спальни, протирая светлые очи в кабинет — и изумление его невозможно описать: На корабле! Адмирал!! Был в каюте!!! А я...А мне...У — у - у — у!!!

— Вахтенный офицер!!! Когда на корабль прибыл адмирал? Почему не доложили?...

— ...Да нет адмирала на корабле!!!

— А! Вы!..... (как умели ругаться командиры старых

крейсеров — описать не могу. Мне кажется, что для этого не хватит не только букв, но и всех символов в компьютере)...

...Учебно — боевая тревога! А вам — сдать вахту.

Командир — на ГКП. Играют тревогу.

Три минуты — это много, если правильно ими распорядиться, и оказаться в нужное время в нужном месте. Гайдин был рядом. Командир из каюты — Гайдин через иллюминатор — забрать фуражку — и на боевой пост.

Опросили боевые посты, осмотрели заведования, нет адмирала...

Отбой тревоги...

Командир входит в каюту — нет фуражки... Убыл адмирал. Был — и убыл.

— Вахтенный офицер! (уже новый) Когда сошел адмирал?

— ...Не сходил!

— А-а-а! Сдать вахту!

Остаток дня и следующие сутки командир провел в состоянии тревожного ожидания высочайшего раздолбона. Пароход жил по суровым законам военного времени...

Больше всего конечно пострадали два снятых вахтенных офицера.

Когда Гайдин признался, эти бедолаги чуть его не пришибли.

Ну да в общем — то на него сильно не обижались. Любили.

Даже матросы во время посиделок на баке напевали:

«Отпущу я для красоты
Как у Гайдина усы».

...так называли одного вполне заслуженного «старого капитана». Но сначала о том, кто же были такие «старые капитаны». На наших крейсерах указанное почетное звание заслужить было не очень легко — но, в общем — то и не очень трудно. Прослужи в первичной (каплейской) должности лет пять — и станешь старым капитаном. То есть уже не молодой, перспективный офицер, но и на «задвигание» вроде рановато — какое — то промежуточное состояние...

Но были, конечно, и особенно одаренные деятели — когда я пришел служить на крейсер, то несколько таких капитанов побольше старпома, капитана второго ранга (шестнадцать календарей!) офицерами служили. Нрава как правило спокойного, жили размеренной жизнью, четко осознавая дальнейшие перспективы службы...

Возвращаясь к рассказам о флотском житье — бытье, — трудно порою бывает удержаться от ненормативной лексики. Хотя в современной литературе (см Лимонов и др.), эта лексика стала скорее более нормативной, чем нормальный литературный язык.

Но ругаться народ не умеет. Редко у кого мат проходит в тему, так что не режет слух инородным телом в остальном тексте.

Это я все к тому, что в свое время, как одну из достопримечательностей «железного корабля», охарактеризовали нам старшего боцмана. Говорят, что Главком того времени Горшков любил под хорошее настроение послушать, как тот командует баковой командой при постановке на бочки. «Нормативных» слов там вообще не было. Но все всё понимали. Песня...

Так вот о мате. У «служилых» офицеров мат, не выпадая из речи в повседневной жизни, приобретает некие причудливо — завуалированные формы, например «Ёпки зеленые», «Мля»(уже общепотребительно) и так далее...

Но по корабельной трансляции — не приведи господи — только в соответствии с «Командными словами».

Так вот, стоит «танкист» на вахте, перед пятнадцатичасовым построением, сталть, старпом звонит и командует. «Форма одежды на малый сбор — бушлат, берет» — ничего особенного, сотни раз командовал...

Но тут что-то сработало не то — может задумался:

— Форма одежды на построение — берет, бушлЕт. Тьфу ёпть... БушлЕт берет...Тьфу ёб... Берет бушлат!...

И все это — по кораблю... Ну, заступил он через час по — новой...

А танкистом он стал из — за другого случая. Вахту до 72 года стояли в белых холщовых кителях. Мялись и пачкались они — страшно.

Нагладил он с вечера китель перед заступлением с четырех до восьми, повесил на спинку стула в каюте, чтоб не помять, и отошел ко сну. Лето, жара... Холодмашины на 68 м проекте — одно название, да еще и на якоре. В общем дверь в каюту — приоткрыта, на защелке, спит человек спокойно.

Капитан — лейтенант Гайдин ждал этого момента как манны небесной...потихонечку в каюту, и на погоны кителя цепляет заранее подготовленные танки — эмблемы танковых войск, вместо молотков...

В полчетвертого встал наш вахтенный, спросонья не обратил внимания, на то, что у него на погонах, оделся — и пошел на развод.

Все, кто разглядели эту красоту — хихикали про себя, но молчали. Ждали! Ведь в семь двадцать — прибывает командир. А цирковые номера выполняются до конца!

Семь двадцать. Подходит командирский катер.

— Товарищ командир... и так далее, все что положено.

Командир — со схода, свежий, отдохнувший:

— Б...ь!!! Что у тебя на погонах????!!!

Взгляд влево — не видно, оттянул погон:

— Ёпт!!! — вправо, оттянул — Ёпт!!!

— Тебе не на крейсерах, а на танках, на танках, кривые штаны — и в окопы!!! Развел здесь танкодромы...

... А потом командир рассказал всю правду о гнусном социальном происхождении предков данного индивидуума до четвертого колена включительно и безрадостном будущем его потомков.

День на корабле вступил в свои права...

Так и стал он «танкистом».

Пока не ушел на новый крейсер.

Помощником.

Чтобы продолжить крейсерские традиции.

На корабли ремонта — так уж всегда было, назначали по принципу «На тебе боже, что нам не гоже». То есть все снятые, пониженные в должности, пропившиеся и так далее, служили в ремонте. Нет, конечно, костяк офицерский сохранялся. Но все вакансии, и что до ремонта были, и возникшие в результате перевода наиболее толковых на ходовые корабли, занимали — ну скажем так — нестандартные ребята.

Одним из таких нестандартных был наш помощник. Помоха. Капитан 3 ранга Вилин. Противолодочник — от Бога. Командир одного из первых «поющих фрегатов». Говорят, это он на чистой интуиции — какая на 61 м проекте гидроакустика — загонял «вражескую» лодку в Средиземке до того. Что она всплыла. Факт это реальный, т. к. слышал я его из уст одного уважаемого (на полном серьезе) адмирала — была такая плеяда «плавающих» адмиралов, которые и штаб свой в море держали, и сами с парохода на пароход — из моря не вылезали. Впрочем адмирал тот фамилию Вилина не поминал. Забыл наверное...

Но к тому времени, когда я попал на крейсер, Вилин служил у нас помощником. За что его сняли — точно не знаю, то ли за неумеренную любовь к зеленому змию, то ли за кавалерийский наскок всей командой на заводские склады, после которого его фрегат чуть не утонул от лишнего груза, а в складах прогуливался свежий ветерок. В общем, попал он на «корабль» и служил там...

Якорный офицер третьей смены, после подъема флага обязан был прибыть к помощнику с вахтенным журналом, где тот записывал работы и занятия и расписывался. На первой же вахте меня предупредили — к помохе — только до 8.30. После 8.30 — лучше вообще не ходить.

Причина — самая простая. Сразу после подъема флага помоха опохмелялся (до подъема флага — ни — ни) и к 8.30 бывал готов. То есть совсем.

Между 8.00 и 8.30 — он просто расписывался в журнале и все. После 8.30 он видимо вспоминал, как, будучи командиром, принимал доклад о смене дежурных — и начиналось:

— М...л...я...я...я... Литена...а...а...нт! Тормоз коммунизма... И т. д. и т. д.

В общем, основную часть его речи занимали слова «Мля», и «Тормоз коммунизма».

Да. Сидим мы в каюте у одного из «Старых капитанов» — он и трое нас, лейтенантов. И вдруг посреди общего трепа один из

нас начинает выдавать все эти «Мля» и др. в точности голосом и с интонациями помохи!

«Старый капитан» среагировал как бык на красную тряпку:

— Кто на вахте?

А на вахте стоял наш коллега, инженер РТС Бурматов

— Так. Сейчас звонишь вахтенному офицеру, и голосом помохи приказываешь покрасить винтоотводы^[1] кузбасслаком. Понял?

— Понял.

— И чтоб срочно. До обеда. И доложить! Попробуй!

Попробовал, получилось. Похихикали. «Старый» пододвигает телефон — звони.

Звонит и со всеми «Мля», «Тормозами», «Литенантами» излагает приказание.

Через минуту по трансляции:

— Боцкоманде построиться... Корабельной школе боцманов построиться... Форма одежды — для работ!

На обед в салоне кают — компании офицеры собирались за пять минут до команды «Команде обедать». В салоне — роскошные красной кожи диваны и кресла. Два — у переборки кают — компании. В них обычно погружались помоха и командир БЧ-2 (он исполнял обязанности старпома, пока тот заочно учился в академии).

В этот раз у помохи физиономия была более трезвая, чем обычно, и какая — то виноватая, что ли, командир БЧ-2 хитро улыбался.

Когда все собрались, помоха в своей обычной манере начал:

— Мляяя... Тормоза коммунизма...

Но ВРИО СПК его прервал:

— Какой-то мудак — не побоюсь этого слова — голосом помощника (жест в его сторону) приказал покрасить винтоотводы кузбасслаком. Вахтенного офицера мы вдули. За подкол — спасибо. Гайдин, твоих рук дело?

Гайдин чуть не перекрестился:

— Да вы что? Впервые слышу!

Командир БЧ-2 внимательно на него посмотрел:

— Верю. Узнаю кто — убью (сказано было не так, но созвучно). Ну а пока — прошу к столу.

Лейтенанту Бурматову, больше всех пострадавшему в этой истории рассказали обо всем только после того, как главный «исполнитель» ушел к новому месту службы.

А помоха перестал говорить «Мляяя» — и далее по тексту — на утреннем докладе вахтенного офицера. Просто подписывал вахтенный журнал — и отпускал.

Как говорят: «Следите за своей речью»!

Кто сказал, что флот не пьет?

Да кто сказал, что флот не пьет?

Пьет. Пил. И будет пить, пока на кораблях служат живые люди...

Так вот об этом-то, об этом...

Пили мы. В смысле выпивали. И более того, иногда по — многу...

Но вот проблема всегда была — закуска.

То есть если у тебя в подчинении имеется матрос — вестовой — то ее нет — проблемы.

И вот собрались мы как — то небольшой такой компанией приговорить бутылочку спирта. Шила.

Да. Позвонил один из нас своему матросу, имевшему место быть вестовым, дал соответствующую команду, ждем...

Стук в дверь — заходит вестовой — ну там винегретик, баночка рыбных консервов, черняшки полбуханочки — лепота.

Дверь в каюту — на замок, вестовой сервирует стол — снова стук. Мы затихли.

Из-за двери — вопль ЗАМа: «Открывай!!»

Что делать...

Суета, нездоровый ажиотаж, — закуску в руки вестовому... Вестового куда... дверь в шкафчик открыли — и - туда, туда, вестового с тарелками, что в руках не поместилось — вниз, в ноги — дверь в шкафчик закрыли — у - ф — ф! — секунд за двадцать уложились...

Из — за двери: Открывай!...б...!...вас...!...твою...!...ё...!

Открыли.

Зам был небольшого роста и весьма подвижный. Казалось, что в каюту влетела маленькая вонючая ракета, которая рикошетила от переборок, металась из стороны в сторону, издавая какие — то малопонятные звуки — у... — х...х... — я...-вы... — м...-с...!

А бутылка шила стояла на столе!!

И он ее не заметил!!!

Он орал, тряс кулаками, плевался — и не видел стоящую на столе бутылку!!

И не было доказательств готовящейся пьянки!

Броуново движение зама по каюте все более замедлялось, слова становились все более осмысленными — но не было доказательств ...

И тогда.

Я не забуду этот момент.

Кажется, в искусстве это называют катарсисом.

А в разведке — моментом истины.

Зам — настезь — рванул — дверцу — шкафчика! — ... -... -

И ему в объятия

рухнул вестовой!

В полубессознательном, задохнувшемся состоянии...

Обсыпав его

с головы до ног винегретом...

Финал «Ревизора» отдыхает.

МХАТ — полный отстой.

Зам держал паузу.....

Мы изображали скульптуры Летнего сада.

Потом он вышел.

И все.

И тишина.

Еще два случая

И еще...

В советское время уволиться из кадров офицеру было трудно. Почти невозможно.

Но для советского человека ничего невозможного нет. Всей своей жизнью советский человек раздвигал границы возможного под мудрым руководством той партии, которая звала к расширению и углублению...

А мы служили на крейсерах. На тех самых крейсерах, которых уже нет в составе сегодняшнего флота, и которые последними олицетворяли высшую красоту корабельной архитектуры своими летящими над море надстройками, тяжелыми блинами башен главного калибра и стремительно — беззвучным движением над морскими волнами.

И уйти с них на гражданку...

На долгожданную, манящую гражданку...

Но два случая на моей памяти были. Хотя может быть это всего лишь байки...

Грустный.

Служил на крейсере лейтенант — механик. Командир котельной группы. И очень не хотел служить. Ни в какую. А его не отпускали.

И рапорта возвращались с уничтожающими резолюциями.

И просвета не было на этом крейсере, полном людской и крысиной злобы...

Тогда он решил, что чем так жить — лучше не жить.

Одел форму раз (все — белое), кортик, закатал рукава кителя — и вскрыл себе вены...

И не умер.

Кровь свернулась и перестала течь...

Тогда он спустился в машину, набрал обрез теплой воды, чтоб повторить попытку — и поднялся на верхний марс... Там его — в окровавленной форме раз, при кортике, с обрезом теплой воды в руках и обнаружил дозорный...

Его спасли.

И уволили.

Еще с училища запомнился старшекурсник — со странным тиком правой стороны лица.

Когда он молчал — все было нормально.

Но стоило ему заговорить — как всю правую щеку, угол глаза, правую часть шеи — искажала страшная, болезненная судорога. При этом голова его слегка дергалась вправо — вверх, как у капитана Овечкина из «Неуловимых». По первому взгляду — зрелище не для слабонервных. А причина проста — неудачно вырвали зуб. Повредили там что — то. Эскулапы флотские...их мать.

В «Расписании болезней» такой заразы не оказалось — значит годеи без ограничений.

Хоть застрелись.

И попал он на корабль. Служит как все. Но очень не хочет...

И вот... Стали примечать — каждый раз со схода приносит на корабль небольшой прямоугольный газетный сверток.

Ну раз принес, два, три...потом кто — то спрашивает:

— А что носишь — то?

— Кирпичи (с гримасами).

— Зачем?

— А вот наберу побольше (гримаса) и убью зама (гримаса).

Посмеялись... Про просачивание информации на кораблях я уже упоминал.

Дошло до «бычка» (командира БЧ).

Приходит тот к нему в каюту:

— Ты, говорят, кирпичи на службу носишь?

— Да (и шея, и щека, и голова...Б-р-р-р).

— Покажи...

Открывает шкафчик, а там — штук 20 — 30 кирпичей.

— Зачем?!!!

— А..(гримаса) вот...(гримаса) наберу побольше...(гримаса) и убью зама...(гримаса!!!).

Ну, конечно, по команде... Командир БЧ доложил — кому разбираться... Приходит в ту же каюту особист.

— Ну, что, мол, кирпичи носишь?

— Да. (и...Б-р-р-р)

— А зачем?

— А...(....) вот...(....) наберу побольше... (....) и убью зама...(....)

(...) (б-р-р).

И уволили его.

То есть здоров, да, проблем нет, рефлексы есть, и реагирует адекватно...но...

А вдруг...

«Адмиральский эффект» — явление хорошо известное. Сколько аварий произошло, когда на борту находится начальник — не сосчитать.

А тут — учение. Флот в море, плавает, лодки ищет, задачи отбатывает...все путем.

А мы, стало быть, противопожарный крейсер «Юрьев» — флагман. На борту — Главком, со всем его походным штабом, чтоб их всех сплющило и размазало, соответственно комфлота со своими, штаб дивизии...

Офицеров из кают по выселяли в кубрики, о мичманах говорить нечего, матросы на боевых постах медленно звереют и зарастают грязью.

И апофигеем всей этой карнавальной ночи должна стать ракетная стрельба по схеме «шашлык».

Это когда вся банда выстраивается поперек предполагаемого курса полета воздушной мишени, и палят. Ну не все, а кого назначат. Ну, там, основным стреляющим, страхующим, и так далее.

Да и комплексы разные, мы на тридцать километров лупить можем, «поющие» — на пятнадцать, СКРы — на восемь...

А воздушную мишень — ракету «пятерку» — с лодки братья — подводники запускают, тоже упражняются в выполнении стрельб. Но им — то легче, они отсюда, от Главкома километрах в ста, а мы туточки. Ходим, бортами свежепокрашенными сверкаем.

Лето, солнышко, лепота...

Ну, время «Ч» на подходе, построились мы в «шашлык», стреляющие — мы и «поющий», добывающие — СКР и МПКашка ОВРовский.

Стреляли зачетные стрельбы мы всегда первым комплексом. Не любило начальство второй — антенна на крыше, пусковая — прямо перед иллюминаторами ГКП, шум, грохот. А у нас — антенна — четырьмя площадками выше, пусковая — подальше, в носу. В общем мы в основном стреляли.

...Дальше — прямо по руководящим документам. Зарядили пусковые обе, приняли целеуказание обеими комплексами — цель тем временем в зону поражения входит. Пусковую согласовали, цель ведется устойчиво, еще бы, вместо моряков — операторов — мичмана, мастера военного дела сидят, помех нет...

Первому комплексу (нам то есть) — цель уничтожить, стрельба залповая.

Это значит тумблер на пульте комдива — в положении «Залп», одна ракета, а следом за ней, автоматом — вторая.

Комдив жмет «Пуск» — первая сходит, и вдруг спокойный такой доклад комбата — «Сброс боевого на балке».

То есть, ракета, которая стартовать должна сейчас — обесточена. Полено быстрее долетит. Снова на боевой выводить — минута пятнадцать секунд — улетит цель.

Комдив не растерялся, орет второму комдиву «Отдать пусковую!»

Есть у нас такой вариант — пусковые друг другу передавать...

А вторая пусковая — на углах заряжания, не согласована, пока согласовалась — цель уже в зону «поющего» зашла. Те успешно пару своих «Волн» пальнули и доложили...

А у нас в это время — первая ракета со второй пусковой в реве и копоты пошла, прямо перед иллюминаторами ГКП.

Главком на это дело посмотрел — ему конечно преподносят, что мол выполнили стрельбу в усложненных условиях, с передачей пусковых установок.

Тот головой покивал — и решил на крыло мостика прогуляться, — выпуклым военно — морским глазом лично посмотреть на окружающую действительность...

Спрыгнул с кресла, вышел на крыло.

.....Разбирались потом долго, и решили, что мол вследствие длительности переходных процессов в следящей системе переданной пусковой...В общем всякая наукообразная херня...

А визуально — после пуска первой, пусковая вдруг «жалом» как приноживающаяся кошка поводила... И в тот самый момент, когда Главком выкатился на крыло... ка-а-ак ахнет вторую — тумблер — то у комдива на «залпе» стоит...

Главком от этого явления обомлел слегка...Дедушка старенький...Да и иному немудрено не только обомлеть, а белье испачкать, когда дура почти двухтонная перед носом в режиме змей-горыныча стартует... Не все богатыри. Однакож схоронился за ограждением мостика, потом фуражку свою аэродромную поправил, и на ГКП...

А там — полный праздник!..

Мы стало быть три штуки за борт выгрузили — а мишень летит — хоть на экранах полный бенз и поражение...

«Поющий» парочку в полет отправил — летит, гадина, — а у них — поражение по всем параметрам!...

Тут очередь СКРа дошла — и тот парочку «Ос» запулил — ... - поражение...а она летит!!..

МПКашка ОВРовский — своих пару «Ос» добавил...

Летит зараза!!!...

Ну тут уж скомандовали истребителю сопровождения — и тот в конце концов таки завалил...

И всего было отправлено за борт в синее черноморское небо девять корабельных зенитных ракет и еще пара авиационных...

Ну доложили эту радость Главкому. Тот подумал — подумал и командует:

— Начальник УРАВ (управление ракетно-артиллерийского вооружения)! Черноморскому флоту в этом году на боевую подготовку ракет больше не давать. Они по расходованию боезапаса план выполнили. И еще. С этим пароходом (ножкой потопал) — разобраться лично. Что там у них за проблема...

Старенький Главком был... Да обмануть его трудно было. Так просто на мякине не проведешь...

.....

Эх и настрелялись мы потом...

Пока разобрались, что и где — еще шестнадцать пусков выполнили.

Зато опыта набрали — надолго хватило.

Вот такой «Адмиральский эффект»

Про политработников

Про политработников сказано уже немало.

И в основном плохо...

Но надо сказать, что были среди них разные люди — как и везде. Вопрос в том, что «Глупость каждого видна» (Петр 1) особенно, когда начинает человек говорить. А уж «политбойцу» без разговоров, речений, и т. д. — никак. Строевой еще может спрятаться за командными словами, разбавляя их иногда матом для связи, и не демонстрировать свой интеллект.

А у политработника главное оружие — язык. И тут уж имеющий уши да слышит...

Но, в общем — то я не об этом, не хочу осуждать или петь панегирики замам — они были кровь от крови и плоть от плоти народной.

Но вот если звание «политбойца» накладывалось на какие — то личные качества...

Пришло нас — лейтенантов на крейсер аж двенадцать душ — в том числе два политработника. Один из них — Турин — был уникален своим ростом. Как говорит Верка — сердючка — метр с кепкой в прыжке. Как и все малорослые люди имел он «комплекс Наполеона», то есть ходил не спеша, говорил (как ему казалось) внушительно и емко, в общем, компенсировал свой малый рост важностью (за порученное дело, надо думать) и серьезностью. В наших лейтенантских шутках, междусобойчиках, и — что говорить — пьянках участия не принимал, с серьезным видом отменяя все предложения, как не соответствующие его высокому статусу пламенного трибуна и воспитателя личного состава.

А стояли мы в «вялотекущем» ремонте. То есть крушили не торопясь работяги наш «корабль» — ну и что — то конечно восстанавливали.

Вот и восстановили, то есть отремонтировали галльон в верхнем офицерском коридоре. Все бы ничего, работает все исправно, но вот беда, писсуар установили на недостижимой высоте.

Ну ладно, поставили и поставили, акт приемки на выполненные работы подписали — и бог бы с ним.

Только галльон этот был в аккурат у каюты старпома. А старпом (16 лет на крейсере, с лейтенанта) учился заочно в академии. В командиры готовился.

Нуте — с. приезжает старпом из академии, приступает к исполнению...

Через день, в кают — компании, на предобеденном собрании

офицеров, старпом изрек:

— Мех (механик), а чего в моем гальюне писсуар так поставили?... Я прыгал, прыгал... Турину голову мыть, что — ли?

Салон кают — компании полег...

Турин с красной физиономией, как — извиняюсь — обоссанный выскочил вон.

Уж не знаю, опустили писсуар, нет, — меня на другой крейсер перевели.

Но, встречаясь с Туриным потом иногда на Минке, я все время представлял его голову в писсуаре — и не мог говорить с ним серьезно...

Хоть может он был и неплохой человек...

Отловленный

Назовем этот эсминец так. Эсминцам вообще всегда давали такие имена — «Быстрый», «Отчаянный», «Находчивый»... — а этот был «Отловленным»...

...Все дальнейшее — на уровне легенд и флотских баек, никакой ответственности нести не собираюсь... И вообще, если быть откровенным, все эти события — изложение рассказов одного «старого капитана», с которым мне довелось послужить на крейсерах.

Рассказ первый

На всяком корабле назначается заведующий корабельным арсеналом и арсенальщик. Заведующий — офицер или мичман из артиллеристов, арсенальщик — особо проверенный матрос. Из рабочих и крестьян (да-с, были когда — то на флоте матросы и из других слоев населения, типа интеллигенции), комсомолец, лучше — коммунист, особистами до четвертого колена прошупанный — в общем что говорит.

Вот и случилось заведующему арсеналом быть на сходе, на берегу то есть. Принял он, дело святое, на военно — морскую грудь хорошенько. А точнее — надрался значительно выше бортового номера, и посему соображал с трудом. И надо же такому было случиться, перед самым КПП на территорию причалов — не нашел общего языка с туземным населением... Слово за слово — набили ему морду лица установленным порядком, да и отпустили с миром — чего не бывает, дело житейское...

Тем же примерно временем — чуть раньше может, на эсминец патруль вернулся. Начальник патруля в кубрик спустился, арсенальщика растолкал, прими мол, пистолет и ножи. Тот спросонья — ладно.

А на 56-х проектах арсенальщику место спальное в аккурат над арсеналом выделяли. Только с койки прыгнуть, да люк открыть.

Сказал арсенальщик «ладно», а из теплой койки вылезать не захотел. Утречком мол...Сунул пистолет под подушку, ножи туда же, — и сны досматривать.

Тут как на грех — кривой и побитый заведующий арсеналом на трап взобрался. В груди — праведный огонь негодования на нанесенные обиды и жажда отмщения.

Пепел Клааса стучал в его сердце...

Залетает в кубрик, трясет арсенальщика:

— У тебя пистолет есть?

— (сквозь сон) Есть.

— Дай!

— Натё!

Вытаскивает из-под подушки — начальник требует — чего не дать...

Выскочил обиженный обратно на причал, добежал до КПП, за КПП, там туземцы, бывшие ему морду — еще толкаются...

— Кто меня бил?

Один, самый наверное наглый:

— Я!

— Так получи!

И всадил ему пулю в организм...

Хорошо не до смерти, промазал чуток спяну.

А в гарнизоне том офицеров гражданский народ лет десять
потом не трогал.

Опасались...

А вдруг?

Рассказ второй

И послали его, эсминец этот, на ракетную стрельбу. Он один из первых переоборудованных под ракеты «КСЦ» был.

Ракеты эти — разговор особый. Говорят, что когда Туполев это сооружение увидел — сказал, покумекав: «Аэродинамический урод, но летать будет». И как она летала...!!

Ну — с, вышли на позицию залпа, выгнали родимую на пусковую ферму, она крыльями взмахнула, кнопки нужные нажали, зарычала, соскочила — и - свечкой в зенит.

Проводили ее с ГКП изумленными взглядами, — куда мол это она? ...молчат все. Командир из кресла выпал, по мостику побегал, и говорит:

— Вахтенный офицер, запиши в вахтенный журнал: «Эсминец „Отловленный“ произвел запуск нового искусственного спутника земли!»

Но делать нечего, надо идти мишень осматривать... Благо ход у 56-х — слава богу, за тридцать узлов бежали...

Добежали... Ба — а - а.....

В корпусе мишени — дырка. Все как в книжке написано — поражение...

Ура и всеобщее ликование. Идут в базу...

Приходят, швартуются... На пирсе — куча «Волг», командующий флотом Беркут (тот самый, из Конецкого!) причал шагами меряет...

Командир — радостный, ракетную стрельбу успешно выполнил, сбегает по трапу, «рубит» строевым к командующему:

— Товарищ адмирал, эсминец «Отловленный» выполнил зачетную ракетную стрельбу, цель поражена!

У того — веко дергается...

— Поражена говоришь?...твою...Садись в машину!

Посадили командира в «Волгу» ...Едут...Все молчат...За город...деревня какая — то.

Подъезжают к усадьбе...

.....

В огороде лежит «КСЦ»-ука, а из под крыла — останки козы торчат...

Беркут:

— Поразил мишень, говоришь? Козлобоец! С тобой не против НАТО, мародерствовать среди населения бесполезно! Ведь еще куда — ни будь влепишь — всю жизнь не рассчитаешься!

— Так...как же...!??

— Как стрелял — так и разбирайся!

—

Так вот и стреляли...

На кого бог пошлет...

Рассказ третий

Такого вообще может, и не могло быть...

Пошел лейтенант один с эсминца этого в патруль.

Город большой, с одного конец в другой — часа два добираться. Но надо же такому было случиться, что маршрут ему назначили — ну прямо у самой общаги, где он с молодой женой квартировал...

Ходят они, значит по маршруту час, два, и все мимо дома... Огонь в окнах горит...домой хочется...

В общем, часа через три лейтенант у своего подъезда патрульных оставил, проинструктировал, чтоб ни — ни, никуда. А сам — пулей, к себе, на пятый этаж.

Открывает тихонечко дверь, в комнату... А там... Жена молодая... С мужиком... в семейной постели...голые..... ..

Вскочили. Срам пытаются прикрыть кое — как.

Лейтенант, не долго думая командует:

— К стенке!

Встали...

Тот пистолет из кобуры, затвор передернул, и.....

.....«Несчастливый» любовник обделался сразу...Слабы мужики, женщины покрепче будут.....

И открыл огонь. Но не на поражение, а:

...по люстре...

...по мебели.....

...по посуде.....

.....по стенкам.....

Перезарядил — обойма кончилась — и продолжил:

.....в потолок.....

.....в стены.....

.....куда попало.....

Закончил стрельбу, произвел контрольный спуск, как положено. Пистолет — в кобуру — и вниз, и, с патрульными — в комендатуру, сдаваться...

Сначала ему не поверили, но на всякий случай — в офицерскую камеру...

Послали по адресу группу — с дежурным особистом для проверки. Подтвердилось..... Из всех шестнадцати пуль только одна рикошетом в окно ушла, остальные — в комнате остались.

А на «возлюбленных» — живого места не было — побиты были кусками штукатурки, порезаны осколками стекла, в занозах

от мебельных щепок...

Но живые...

.....

А лейтенанта наказали за использование оружия при несении
патрульной службы не по назначению.

Рассказ четвертый

Разин.

Комбриг например, считал, что для полной победы воинской дисциплины над личным составом на нашем корвете, его надо вывести на рейд и расстрелять торпедами. Со всем экипажем. И только тогда, стерев трудовой пот со лба, можно будет сказать, что воинская дисциплина у нас установлена. Ненадолго.

Ну да вместо внешнего рейда в док нас поставили — время подошло.

Поставили, чистимся, жизнь идет потихоньку, то есть дни бегут — суббота... А значит увольнение. Любимого личного состава... Со всеми вытекающими.

Уволили, к двенадцати народ подтянулся в разной степени опьянения, тут же, на юте огребая от одной до четырех недель «без берега»...

Время — без пяти, оперативный уже интересовался...

Темы нет. Матрос у нас был, Артемом звали, Темой. Рост — под два метра, форма — шестого номера, плечищи — огого... как все здоровые физически люди — спокойный, как мамонт и невозмутимый.

Чу!

Грохот каких — то железок, мать — перемать...двигается к пароходу фигура, припадая и пошатываясь.

А надо сказать, что по случаю дока на борту старшим ЗАМ остался.

К описанному моменту он уж кругов сорок по юту нарезал. Мы — то в сторонке стоим, но слышим:

— Б...ь!! Убью суку!...Ах...! Ну...!

Короче говоря с внутренним голосом разговаривает.

Взбирается Тема на трап тем временем, цепляясь за леера, лапу — грабарку к уху, и запинаясь, пытается изложить, что мол прибыл без замечаний...

Причем видно невооруженным глазом, что он — в хлам.

Зам к нему подлетает, и

— Ты...е.....б.....! Как смел...е.....!

Тема первых секунд пять резкость наводил, не отрывая лапу от бески...потом видно разобрал, вздохнул глубоко, и:

— Пашшшел ты на хУй, кОзел, я тя в милицию сдам!..

Грабарками своими зама за грудки, да кааак метнет его за борт...

Ну, прямо Стенька Разин.

А не до смеху, в общем — то...в доке стоим, за бортом не водичка, а стапель-палуба. Причем лететь туда тоскливым кажется...

Зубами наверное,...уж не знаю...зацепился зам за леера... верещит не своим голосом что — то насчет спасите — помогите — вытащите...

Мы — в обалдении, ну честное слово, в ступоре каком — то...

А Тема тем временем у командира вахтенного поста на юте нож из ножен вырывает, и зама! по рукам!...по рукам!...

Зам на ультразвук уже временами переходит, руками перебирает...Какой на хер Стивен Кинг!.. (Впрочем, о нем еще в те времена и не слышали) — ужасы!..

Мы опомнились, навалились, впятером кое — как Тему скрутили, потом и зама вытащили...

Он потом недели две со скрюченными пальцами ходил, разжать не мог. Пальцы конечно, ручку не держали, так что партийно — политическая работа на это время замерла, на радость врагам мировой революции.

А Тема — что Тема, отсидел не «губе», и дальше служил, пока в дисбат не попал...сослуживцу селезенку отбил, когда тот в строю тянулся...

Случайно...

Рассказы

8 ноября 1969 года

— Я покажу тебе самое прекрасное на свете... — сказал он.

— Посмотрим... — сказала она...

По «хребту беззакония», все быстрее и быстрее, через Матросский, мимо «ямы», «ладьи», по небольшой лестнице, через ворота на бульвар, через «поцелуев мост», к «Прибою», сквозь клочья тумана поздней осени Города, они выбежали на мыс...

Лениво шевелящаяся изумрудно-черная вода у ног...

Туман...

Тишина...

Такая тишина на внутреннем рейде стояла только в эти минуты — и только в эти дни...

Тишина немолчного плеска волн о когда-то белый, а сейчас позеленевший камень набережных, тишина отдаленного гудения каких-то механизмов, еле слышного шороха шагов и приглушенных голосов, остро пахнущая мазутом и йодом, под силуэтами двух адмиралов, вырисовывающихся из абриса крыльев бронзового орла, навеки застывшего над водами бухты..... спокойными и мудрыми, видевшими казалось все и готовыми кажется ко всему...

— На флаг, гюйс, стеньговые флаги и флаги расцветивания — Смиррнаааа!!!

Переключкой от входа до самого устья речки пронеслось, отражаясь от воды и скал, отдаваясь эхом, сливаясь в удаляющееся -

аа-аа-аа...

И выкатившееся вдруг из-за белокаменных высот оранжевым апельсином солнце сдернуло завесу тумана, яркими бликами отразившись на лаковых бортах и лаковых волнах, заиграло в последнем золоте листвы платанов...

И змеиное шипение летящих с шиком вниз по туго натянутым вантинам флагов «Добро»

— Та. ащ... ка. ади... время вышло!!..

...ышло...

...шло...шло...

Опять пережат, усиленный корабельной трансляцией, и эхом ударяющий в скалы, колонны Пристани, отскакивающий упругими мячиками от бортов и надстроек...

— Л..аа..г...днать... ать... Ать...!..

И звенящая мощь оркестров, и перезвон склянок, и звуки горнов, настроенных специально слегка не в тон, и волшебное превращение суровых громадин.....

И, в мгновенно наступившей секундной паузе -
после «Вольно»

...оно...оно...

.....хрустальные звуки гимна Города, звенящими монетами
падающие на площадь, асфальт, бухту, корабли, казалось бы едва
слышные, но все же четко различимые:

.....Гордость русских моряков...

.....

Они стояли, взявшись за руки, с застывшими на эти секунды
сердцами, вдруг пропускающими удар за ударом, вытянувшись, и
кажется, встав на цыпочки, в безумии поднимающего и рвущего
душу восторга...

Мальчик в неуклюжей форме с двумя «галочками»
второкурсника на левом рукаве бушлата -

и девочка, тоненькая, как гитарная струна, с распахнутыми
озерами бездонных глаз...

.....Они не знали, что их ждет впереди...

.....Холодные чужие квартиры, дымящие печки, которые надо
топить углем, и — разлуки...

.....Болезни сына, и снова чужие квартиры, и разлуки.....

.....Железо, железо, железо, на долгие годы железо, ставшее
родным и более близким, чем жена и сын.....

.....И шторма, и одиночество мостика, и — разлуки.....

Они не знали этого.....

Они стояли, и слушали эту магическую тишину.....

Время вышло!.....

В нашей жизни, как опыт показывает, некоторые, ставшие уже привычными вещи — уходят безвозвратно...

У кого — то к примеру, — волосы выпадать начинают, у кого — то зубы, или другие к примеру полезные и нужные функции организма,...тьфу — тьфу — тьфу...(и постучал себя по лбу, как по самому лучшему в мире дереву).

Бывает... а у меня вот так с рыбалкой произошло.

Родился я в семье, где рыбалка в поколениях культивировалась, как самое что ни на есть полезное и нужное занятие.

Далекие предки — те и вовсе егерями у помещиков служили, профессионально то есть охотой да рыбалкой занимались, а кого помню — дед, отец, дядья, да что дядья, тетка — и та заядлой рыбачкой была. Сейчас, правда, по возрасту не занимается этим делом ...

И на всем вот этом вот единодушном фоне, я — вроде белой вороны был. Нет, конечно в семейных выездах на рыбалку всегда участвовал — а куда б я делся, коли дома один пес оставался, а то и его прихватывали — но азарта особого никогда не проявлял, не находя с раннего детства в ужении рыбы ничего особого.

Однако же в силу семейных традиций основы так сказать ремесла этого усвоил, и к окончанию школы практически стопроцентно мог поймать десяток — два плотвичек, или там окуньков на небольшую ушку или сковороду жарехи.

Благо рек, речушек, стариц и прочего водного пространства в округе было предостаточно.

Но, тем не менее, в семье меня рыбаком никогда не считали, так, сочувствующий без должного рыбацкого азарта...

Правда сказать, когда на флот попал, рыбалкой по первости действительно не занимался, да и смешно, честно говоря, ловить рыбу в замазученной воде Городской бухты, и воняла она до безобразия.

Тем удивительнее мне было увидеть на первой же боевой, как буквально через десять минут после постановки на якорь, борта крейсера украсились удочками, к концам которых прикипели, с горящими от азарта глазами, мичмана, лейтенанты, каплеи, капитаны третьего ранга.....

Но и на той боевой я рыбалкой не занимался. И некогда по молодости лет было, да и в силу незнания обстановки и неподготовленности к этому делу.

Правда, впоследствии все было возмещено сторицей.

Ловили мы везде — и все, что попадалось.

Хоть Средиземное рыбой и не очень богато, но попадались так таки и угорь, и зубан, и тунец, и карась, а уж про кальмара, скумбрию, сардину, ставриду — и говорить не приходится.

Разные конечно рыбы, а больше, пожалуй, всего мурена запомнилась нестандартным своим поведением.

Правда и повод для такого поведения был преизрядный — док наш подарок Городскому Аквариуму решил сделать, и мурену ту, свежетыловленную, прямо с юта — в лазарет, и — в ведро с формалином посадил. Тоже, понимаешь, естествоиспытатель Луи Пастер.

Очень ей это дело не понравилось — имею в виду ведро с формалином. И, соответственно в силу своей неподготовленности к такому повороту событий, и не имея видимо желания веселить Городскую публику своим видом в статусе экспоната Аквариума, она из того ведра выпрыгнула, и начала плясать на палубе лазарета какой — то зажигательный рыбий танец, чем — то смахивающий на фламенко, используя зубы в качестве кастаньет, задорно ими пощелкивая и посверкивая зелеными своими глазами... Зрелище то еще, я вам скажу.

Док этот танец прекратить в силу своей интеллигентности и привычки в основном скальпелем махать не смог, так что позвали сроченько боцмана с топориком килограммов на десять, и благополучно расставшись с головой где-то на пятнадцатом ударе, мурена эта, не возжелавшая внести свою лепту в науку кончила свою хладнокровную жизнь ...

Так что все обошлось, а на претензии дока, на порубленный в лазарете линолеум боцман гордо ответил, что он боцман, а не снайпер, и не фиг над людьми издеваться, съели бы просто, без затей, и никакого палубе урона...

Словом шло все своим путем, и приезжая домой, можно было теперь похвастать определенными успехами на ниве семейного увлечения.

Но, возвращаясь к началу отмечу, что сколько веревочке не виться...

Году этак в 83-м встали мы на якорь ненадолго, топливом да водичкой с совсем обнищавшими коллегами поделиться. Один пароход к борту приняли, второй — на бакштове, то есть веревке за кормой висит. Подаем на них воду, топливо, а я тем временем — дело святое — донку с юта вооружил.

Минут через сорок пять тралец, что на бакштове был напился, отдавать надо, значит — донку снимать.

Тяну.

Что — то тяжело... Потом легко... снова тяжело... не пойму

никак...

Всплывает наконец, метрах в двадцати за кормой... Мечта любого Средиземноморского рыбака...КАРАСЬ!!!

В длину метра полтора, в обхвате — сантиметров пятьдесят... (Ну рыбак, рыбак, но здоровый гад был!)

Ажиотаж поднялся, с бака тральца — советы сыплются, командир наш с моста прибежал, на юте народ заklubился, крики, шум..

Боцман крюк отпорный — уж не знаю, для каких боцманских нужд остро заточенный приволок...

Подтянул я карася тем временем к борту. Боцман крюком за жабры зацепил, подымаем помалу, кэп руководит, вокруг — азарт, болельщики...Гад морской смирно висит...

Вытягиваем.

Уже к леерам... уже на леера...уже кэп лично, как любимую жену обнял рыбину поперек тулова... уже через леера...

И тут эта проклятая зверюга, на последнем видимо издыхании — бьет кэпа хвостом... прямо по физиономии...

Он от неожиданности руки разжал, да еще и оттолкнул от себя, за борт. И эта сволочь, как бы выполнив свой последний долг перед всеми обитателями моря — падает за борт, оборвав леску, и безвольно плывет по поверхности.

Сдох окончательно...

Командир тральца орет:

— Отдавай бакштов! Я его счас догоню немедленно! Вытащу!

А течение несет себе тело... Только в свете прожекторов бок белый поблескивает на фоне черной воды...И ведь весь экипаж накормили бы...

Отцепили тралец, тот пошел, искал, и по радио говорит — нету, мол. Не нашел...

Может соврал. Его то экипажу — так вообще на неделю рыбу есть хватило б... А может и не соврал.

Только вот с тех пор — ни одной рыбины из вод — соленых ли, пресных ли — добыть я не мог — легальным конечно способом.

И чем дальше это я осознавал — тем в больший азарт начал впадать... И так ловить пытался, и этак... не клюет.

А рыбки свеженькой хочется.

Тем более, что заправляют нечасто, а эта не знаю как назвать нормальным словом водоплавающая — за кормой по вечерам весело так это играет серебристым боком, целой стаей.

Но не клюет ни при каких обстоятельствах...

Как отрезало.

Причем не только у меня самого, но и у всех подчиненных...

Бед...

А надо сказать, что в Средиземном мы регулярно за борт гранаты бросали, профилактически, так сказать, против возможного нападения боевых пловцов...

И вот граната бухнет, повсплывает рыбешка кверху брюхом на время, а потом, видно очухается — и снова за свое...

И ведь вспомнил кто — то, что рыбу глушить надо спаренным так сказать взрывом. Может промышлял на гражданке...

На следующий же вечер — шлюпку на воду, в нее двух гребцов, боцманят с сачками, лагуны сорокалитровые.

Верхнюю площадку трапа вывалили, два лагуна отходов с камбуза, шлюпка у кормы, за бортом прячется, две гранаты...

Отходы камбузные — за борт. Подождали малость, набежала живность морская...

Товсь!... Ноль!...Одну гранату с траповой площадки, и следом за ней — вторую...

Бухнула одна... Бухнула вторая.

И целое поле серебряное у борта...

Шлюпка из-за кормы выскочила, боцманята сачками замахали...

Десять минут — и килограммов сорок свежей рыбки...

Так вот и ловил с тех пор, на «сорок два крючка», как народ окрестил, гранаты — то РГ-42 называются...

Зато экипаж — завсегда с тех пор со свеженькой рыбкой был.

А на удочку — так и нет.

И уж сколько лет с той поры прошло — а все же так и нет.

Рядом сидят — ловят...напротив — ловят...езде ловят...а я — нет...

И что самое обидное — что сын мой — рыбака заядлый. То есть ловит.

А я нет...

В чем отличительная черта военных так это в умении решать поставленные задачи. Причем, как опыт показывает, если человек отслужил положим года полтора, или чуть больше, то порою и задачи-то ставить не надо. То есть он сам себе и задачу на текущий момент грамотно поставит, и выполнит ее, порою преодолевая препятствия самые немыслимые.

Примеров тому несть числа, но заострим свое внимание на классической литературе.

Давайте вместе вспомним, как Швейк решал поставленную самому себе задачу воссоединения с Лукашом... итак — Будейовицкий анабазис.

Его бы конечно не могло случиться, в наш век развитых коммуникаций, телефонов, телевизоров, самолетов, машин и так далее — если бы не русская лень к переменам.

Ведь действительно, вон, Питерцы, авангард прогресса и демократии на всем постсоветском пространстве — как лихо. в два касания избавились от гнусного — по их просвещенному мнению коммунистического наследия в виде названия собственного города. Не то, что некоторые.

Правда до сих пор остается невыясненным, избавились ли вместе с этим названием и от звания «город-герой» — а то ведь «Город-герой Санкт-Петербург» звучит несколько, согласитесь сюрреалистично с одной стороны, а с другой, всех гостей города по-прежнему гордо встречает надпись на гостинице «Октябрьская» что против Московского вокзала — «Город-герой Ленинград». верно, что есть нечто странное во всем этом. А уж про адресацию писем «Город Санкт-Петербург Ленинградской области» говорить вообще не чего, глаза начинают немедленно косить в разные стороны, и хочется для приведения в порядок разбегающихся мыслей и глаз — выпить — отчего наверное, некоторые товарищи, приезжающие в наш чудесный город, и ознакомившись с упомянутой надписью немедленно же и делают это. Вследствие чего, нахождение в городе над вольной Невой для некоторых — да что там греха таить — почти для всех — превращается в нескончаемую вереницу возлияний, приводящих порою к тому, что придя в себя уже на подъезде к своему городу, ну Москве например, народ начинает лихорадочно соображать, а не пригрезилось ли ему все...

Так вот, примерно такой же «заворот мыслей» происходит и в других случаях, которые как раз и связаны с упомянутой русской

ленью к переменам. Здесь не лишним наверное будет отметить, что эдакий философский пофигизм, явственно проступающий в глубинке, в отличие от северного мегаполиса, считающего себя почти европейцем — накрепко роднит Россию а Азией, и ее философическим взглядом на жизнь. И бури всяческих перестроек и ускорений, проносящихся над бескрайней русской равниной ничего — то не меняют в мирозерцании народа, оставляя за собой разрушенную промышленность и сельское хозяйство — но не трогая сути русской души, которая, поминая опять же классика, продолжает с недоуменным лицом чесать в собственном затылке, задаваясь извечным же вопросом: «Куды гонют?»

Так что в отличие от вечноспешащих мегаполисов, провинция не торопится к капиталистическому счастью, и если бы в конце концов «ветры перемен» победили неторопливое бытие и к примеру старинный русский город Вятка обрел бы свое исконное название, эта история никак бы не произошла, но...

— В Москве документы сдашь в РАО ЕС. Вот по этому телефоны позвонишь.

... Это меня коммерческий директор инструктирует... Вообще он мужик хороший. Поорать только любит — да уж у кого что от воинской службы осталось. Меня к нему привели когда — с виду — не подступись, пиджак малиновый, галстук с ослом американским, ...что мол делать умеешь? А я что — за плечами 27 календарей... все умею, если расскажешь как... А лучше всего умею не копать. То есть можно конечно и копать — но не копать лучше... — все, говорю, умею... Тот заулыбался — ну — ясно, говорит, школа. Я сам подполковник — тут мне полегчало слегка... отвлекся я что-то на воспоминания...

...а потом на поезд — и в Киров. Билеты Ира(секретарша, значит..) заказала.

О чем с директором завода говорить — знаешь, договор готов. Закончишь там все — на поезд и — обратно. На всякий случай — вот тебе мобильник, позвонишь, согласишься.....Гля-я-я-я...мобильник дает, только-только фирма игрушку приобрела... Ну, сталбыть надо все с лучшим виде...

.....Все понял?

— Да!

...Ну не «Так точно» же отвечать — хотя и тянет.

Чемодан-вокзал-столица.

Уж не знаю, как сейчас в РАО с коммерческими фирмами работают — а уж тогда... В общем протолкался я между подъездами этого самого РАО весь — то божий день. Устал как

собака, ладно — билет есть, вокзал Ярославский, в поезд рухнул — спать...

Утречком, выспавшийся, выползаю. Город-как город. Такси.

— Улица металлургов, один.

— Нет проблем, командир, поехали.

Едем. Доехали. Вышел. Блин. Завода никакого нет. Таксисту:

— А где тут чугунолитейный завод?

И вдруг Харон мой пропадать из виду начинается. Согнулся я, заглянул в машину — а тот с кресла съехал почти, где-то на педалях валяется, за живот держась.

Просмеялся, и:

— Слушай, ты у меня уже одиннадцатый.

— Не понял?

— Ну одиннадцатый, кто сюда на чугунолитейный завод приезжает. Нету у нас чугунолитейного.

— Это Киров?

— Киров. — и опять в покатушки. До меня доходить начинается. Киров мой вроде в Калужской области должен быть. А вокзал в Москве — Ярославский..

— Киров — какой?

— Киров кировской области...

Ля-я-я-я...

Хорошо, мобильный есть. Звоню...

— Да. Я. Докладываю...

Хорошо говорит...

Вот уж точно, коммерческий поорать любит.

Ладно. Выключаем его к едрене фене. Задача нам поставлена — поставлена. Решать надо — надо. Вперед. В Киров Калужской.

На вокзале — никаких поездов до Москвы — нет. А на те что есть — нет билетов. Та-а-ак. Самолеты? Понял, не летают. О! Я ж военный. Хоть и бывший. Где у нас тут комендант...

Хорошая у нас служба ВОСО. И в ВОСО. Веселые ребята. Любят над чужим горем посмеяться. Хотя и советы дают. Например автобусом, до Сыктывкара, столицы, блин, Коми. А тамошнему коменданту — он позвонит, посмеются вместе над такой историей, ну и билет до Москвы на самолет закажет.

— Ну как, пойдет?

А что тут думать — вечером в Москве, завтра — в Кирове... Калужском, чтоб ему пусто было.

— Пойдет.

Позвонил он, посмеялись опять же надо мной с коллегой своим, договорились.

В общем еду в автобусе. Что — то тревожит, чувство какое-то неприятное, а что — понять не могу. Но засыпать стал.

Устраиваюсь поудобнее — что-то мешает. А! Мобильный. Включить надо. О, звонит.

— Ты где? — это коммерческий

— В Сыктывкар еду.

— К-куда?

— В Сыктывкар. Оттуда билет на самолет до Москвы забронировал.

— И?

— Утром в Кирове буду..

— Ну...!!!!

Мне потом рассказали — шеф, когда про Киров Кировский узнал — слегка из себя вышел. То есть сначала секретаря — Иру — пытался папкой с заказами билетов — пришить слегка, но отошел потом, когда увидел, что заказ-то правильный, в Калужский Киров был.

Ну а уж после моего сообщения — что мол в Сыктывкар еду — совсем затих. Валерьянки пару стаканов принял — и затих.

Курил только, и всех спрашивал — безответно конечно — какой его черт дернул еще одного военного в фирму взять, мол дури его собственной хватает на всех, а инициативу проявлять в другом месте надо, то есть совсем не в поездках по нашей необъятной стране... Но под вечер все-таки пришел к мнению, что все не так уж и страшно, и хуже бы значительно было, ежели б я в этот самый Киров через Улан-Уде, к примеру ломанулся, в стремлении выполнить поставленную задачу. в Сыктывкаре меня, когда к коменданту пришел, нормально встретили. Улыбались только сволочи мерзенько Ну да не страшно, не такое видели.

Но в самолет-таки посадили, полетел..

.....

Добрался я до Кирова этого в конце-то концов. Туда, вишь автобус простой ходит, да и на электричке тоже можно. Вопросы порешал, все ладненько., - и в обратный путь.

Звоню, докладываюсь, так мол и так, убываю.

Шеф — ничего, давай, мол... Но маршрутом все же поинтересовался — то есть расспросил, когда, куда и на чем еду.

Полностью понимая, что в общем и целом мое путешествие выглядело несколько необычно для обыкновенной командировки — я, двигаясь утречком на работу нехстати вспомнил «Будейовицкий анабазис».

Нехстати потому, что когда я заглянул в кабинет шефа, мечтательно курящего утреннюю сигарету, и произнес — «Осмелюсь доложить, шеф, я опять здесь!»...

..... В общем когда шеф пришел в себя, он оттащил меня к хозяину, чтобы я сам рассказывал свою эпопею.

Видимо хозяин тоже любил Швейка.

Так что командировочные и проезд мне оплатили.

Только после всего этого, в командировки я стал ездить очень редко...

Босфор. Февраль 85го.

(Внутренний монолог с командами и докладами)

... Светает. Команда позавтракала. Пора. Где старпом?.. Ага...
Доброе...

— Добро!

— Учебная тревога. Корабль к проходу узкости приготовить!

Сейчас доложат... Устал... Вчера — Дарданеллы, ночь — Мраморное, остается Босфор... холодновато. Смотри-ка, на берегах снег лежит! Хм... Испортилось что — то в небесной канцелярии... Хорошо, солнце. Хотя вон там, на севере — тучки клубятся...

— Товарищ командир, корабль к бою готов!

— Есть. Действуй по плану.

— Расписанным по проходу узкости — по местам! Арсенальщику — вверх!

...Это заму гранату и пистолет выдать. По юту будет ходить. Якобы если кто прыгнет — его гранатой...Бредятина...

...Тряхнуло пароход — боцман якоря к отдаче готовит... Как там у его команды внешний вид — шинели — норма, спасательные жилеты — норма. Америкосы снимать будут. Пусть снимают. Говорят, в ЦРУ есть фотографии всех, кто светился на палубе во время прохода Босфора. Бог с ними. Хотят на наши рожи любоваться — флаг им в руки...

Штабные приперлись. Пассажиры. Был бы хоть штурман штабной — толк, моему помог... А эти...

А вот и командир лодки. Отпускник. Вроде мужик неплохой.

Пусть стоят, смотрят...

— Сверка приборов курсоуказания. Курс по гирокомпасу — ... градусов. Товсь — ноль! Курс — ...градусов!

— Сверка корабельных, встроенных в приборы и наручных часов. Московское время — ...часов...минут Товсь — ноль. Московское время...

— Товарищ командир! Сверка приборов курсоуказания и часов произведена. Замечаний нет. Погода ветер — 350градусов — 15 метров в секунду.

— Есть.

Ну да, ну да... Сверка — это чтоб потом если что у всех одно время было...Так. Локация в строю, на крыльях моста, на пеленгаторах — офицеры, связь проверена. Что — то хмарь пошла... Да ладно, холодно, тумана не будет...

— Международная станция «Рейд» включена!

Так, шестнадцатый канал...тишина...обычно тут болтовни много...

— Рашн во шип! Рашн во шип!..... Денджер!...

Что они там про опасность. Только и понял — советский военный корабль и опасность. Плохо без языка...

— Штурман! Извещения по проливной зоне срочные были?

Нет ничего. Наши обычно предупреждают. И эскадра молчит... Пошли они на хер, эти турки со своей опасностью...

Станция радиолокационная у меня одна. Кретины, думали не знаю каким местом, вторую не поставили. Но не подводил старичок «Дон». Хотя... Были вроде пару раз сбросы высокого. Тьфу, тьфу, по дереву постучать...

— «Дон», шкала?

— Полторы мили!

— Включить пятимильную!

Посмотрю сам. Хм. Странно. Никого не видно. Что-то пусто вато сегодня. А, утро раннее...Может, не проснулись еще...

— Шкала полторы мили!

— Есть!

— ПЭЖ — ГКП!

— Есть ПЭЖ!

— Петр Николаевич, как дела?

— Нормально!

— Внимательно на реверсах, входим!

— Есть!

С богом как говорится. Все проверили — да вроде все. Что там старпом копається?

— Товарищ командир! Корабль к проходу узкости готов!

Поехали.

— Вестовой! Чаю!

Вестовой у меня хороший парнишка. Молдаванин, Чекран. Готовит хорошо... Дед говорил, что предки наши — из Молдавии, то ли Чекран — то ли Чекрану... Черт его знает, чушь какая в голову лезет...

.....вот и Кызкулеси показалась. Леandroва башня. Островок на входе...или на выходе... Или встречает в Босфоре, или провожает. Как Херсонесский маяк в Севастополе...

Паромов что — то нет. Обычно они здесь на Золотой Рог бегают, лезут наперерез..

Турки на берегу синие — отсюда видно, что замерзли. Их бы в наши морозы. Снег в Босфоре...Бред какой — то. Не увидел бы сам — не поверил.

О, первый мост...

— Штурман! Определяй место!

Все время под мостом штурману это команду. Сначала обижался... Теперь вроде понимает, что подшучиваю.

Чай. Хорошо.

— ГКП — машина! Прошу правой машиной самый малый. Падает давление масла!

— Правая вперед самый малый! Руль — лево пять! Рулевой — удерживать курс! Доложить новое нейтральное положение руля!

Черта не зовешь, так он сам придет. Туда их всех маслопупов в растак. Где механик!

Опять правая. Мало, что газоход оторвался, выхлоп в машину частично идет, теперь...

— Нейтральное положение руля — лево три градуса!

— Есть.

Что там мех... Блядь!

— Штурман, место якорной стоянки!

Чего я его дергаю? Бухту Золотой рог прошли, значит напротив банки Умурьери... А до нее — как до Луны раком, весь Босфор...и решение. Идти или встать на якорь... Встать можно. Ну нарушу правила плавания в проливной зоне, ну вздрючат...Не в этом дело... Под палубой моста — экипаж. Сплаванный за эти семь месяцев. И доверяющий... Решай...

— ГКП — машина! Прошу правую — стоп! Давление масла — ноль!

— Причина?

— Разбираемся!

— Правая — стоп!

— Рулевой! Нейтральное положение руля?

— Лево пять!

— Есть.

Т-а-а-ак...Какая там у нас реакция парохода на перекладку руля при одной машине...ага, тридцать пять секунд в сторону стоящей, и минута двадцать — на работающую. Ёбт...А здесь левые, на работающую... И парусность! Она сожрет время при таком ветре в левый борт — у меня почти две тысячи квадратов... «Крузенштерн», блин...

Так, левых поворотов... эти пройдем. А вот Галатасарай...там вправо — и влево. Вправо — не пережать — машина и ветер помогут — а влево раньше надо, раньше, а ход?

— Штурман! Путевая скорость!

Пока прямо идем — прикинет...Надо посчитать...

Ничего себе! Снег! Заряд. Наверное на севере так...Б...! Гюйсшток не видно! Вот это да...

Где эти штабные... Слияли. Ладно, на мосту посвободней

будет.

Прошел снег. Хорошо, что заряд короткий,... локация работает.

— Машина — ГКП!

— Есть!

— Петр Николаевич, что там?

— Давление масла — ноль. Разбираюсь...

Сука!.....проходили мы Дарданеллы без гирокомпаса...но тогда я старпомом...командир тогда молодцом...спокойный как мамонт, на глаз. А машины две были. И погода была — лето...

Опять чушь в голове...советоваться не с кем, решать надо...

Левая надежна...Не подводила...

Идем!

Все. Спокойно, без нервов и воплей.

Опять заряд...Чтоб ему пусто... А уж вот он, Галатасарай...

Хорошо ни встречных, ни поперечных... Недаром турки орали денджер, денджер. Опасность, мать их...

— Чекран, чаю!

Чай, горячий. И идем себе потихоньку...

— Товарищ командир, путевая скорость — три узла!

Нихера себе!..На одной машине — минимум пять должно быть. Течение — полтора — два узла...да еще северный ветер — да, все Эгейское трепало как тряпочку. Хорошо в островной зоне волне разгуляться негде. Вот тебе и три узла...Хоть течение в морду, пароход управляется... А по лагу шесть...нет, почти семь... Лихо.

— Товарищ командир! Прошу три градуса вправо по компасу. Выкатываемся на встречную полосу!

Совсем штурман обалдел...Где он там?

— Штурман! На правое крыло!

Выскочил. Ну — ну. Пусть посмотрит. Какие еще градусы вправо, и так почти по берегу идем.

— Товарищ командир! Прошу пять градусов влево по компасу!

От урод. Наопределялся там в штурманской рубке.

Все правильно. Ветер — слева и еще левая молотит — снос. Да в общем пусть докладывает. Ага... Стал на ГКП выглядывать, поглядывать глазом на обстановку. Хотя не все время кверху задницей в карте торчит...Вот Борода — это был штурман... А этот... да ладно, что бог дал. Да и на боевой проблем не было...А тут растерялся мал — мала...А вот рекомендации его сейчас не торопясь, не торопясь принимать.

Опять заряд.....Ну, сука!.....Прошел...

Как там офицеры на пеленгаторах, на крыльях моста?.....Н

да-а-а...

— Чекран! Офицерам на пеленгаторы — чаю горячего!

Сигареты кончились... Вроде две пачки было...

— Чекран — в каюту ко мне, со стола две пачки сигарет!

Слава богу — рулевой толковый. Грек. На счастье отбил его у особистов — не хотели пускать на боевую, мол к родственникам в Грецию сбежит. Не сбежал... А друга его не смог отбить. Так и не ходит в море. А с этим за семь месяцев с полуслова понимаем друг друга... За семь с половиной... Твою мать! Семь с половиной... Жена писала, сын совсем от рук отбился. Трудно ей, растет пацан...

— Товарищ командир, время поворота вправо на курс.....

Приплыли, Галатасарай.

— Руль право десять!

Не мало?... Нет, не мало... покатались... Заряд!!

— На «Доне» сброс высокого!

— Штурман, секундомер, время!

Свой на «Океане» — тоже...

— Блядь! Локацию в строй! Убью!

Сколько идти... так... три узла... две с половиной минуты — при восьми... полторы минуты — на реакцию парохода... снег проклятый!!... снос вправо...

— Руль лево десять!

— Товарищ командир, рано!

— Выполнять!

Так... три минуты прошло... при трех узлах надо пять... встречных не было...

— Руль лево пятнадцать!

— Рано!

— Лево пятнадцать!

...четыре минуты... Зашевелился пароход...

— Лево двадцать!

Покатались... На правое крыло... Там вешка на трехметровой изобате... Прошел заряд... Нормально... почти... вот она, вешка, в десяти метрах от борта... УХ.....

— «Дон» в строю!

— Уроды!

Ладно... Теперь легче... теперь все в порядке... почти... что там в машине?

— Машина — ГКП! Что там у вас?

— Лопнул приводной вал масляного насоса!

— Ну, б...! Заменяйте!

— Нет в ЗИПе!

— Варите!

Та-а-а-ак...кто у нас хорошо варит?...Да...

— Мичману Гашеву прибыть в мехмастерскую!

— Машина!

— Есть!

— Сварите — меня позовете. Сам проверю!

Вот, теперь почти все время прямо...Умурьери...Вздохнуть можно...

— Товарищ командир! Подходим к разрешенному месту якорной стоянки!

— Есть! Идем дальше. Время до поворота?

— ...минут!

— Есть!

Гляди, небо светлеть стало... Что меня в этот раз так мордой возит по асфальту... Устал...

Встречные пошли...Значит кончились безобразия...

Тоже мне, денджер, денджер...прошли, твою мать...не говори гоп...на выходе сейчас наверное...Ух, нихера себе...что это за чудо?

— Бугель, это платформа, исполни семьдесят один.

— Пошел.

Это он меня на семьдесят первый канал по международной радиостанции зовет. Что — то голос знакомый...Кто бы это мог быть?... Бугель — общий позывной военных в Босфоре...вот, семьдесят первый..

— Бугель, это платформа, как у вас?

— В норме.

— Это твой Курган — два, как понял?

Замкомбриг. Что его на эту штуку занесло?... Катамаран, два корпуса, вышка буровая...

— Понял, узнал...

— Чего ты полез, турки же пролив закрыли. Ты один и шел!

— Извещения не было, вот и пошел.

— Ну ладно, не лихачь там!

— Есть!

Лихачь!..Тут ползешь как вошь беременная...

— Товарищ командир, время поворота!

— Есть!

.....выползаем...Нда-а-а-а...Маланьина свадьба...А мы полегонечку, правее, и пойдем, пойдем. Даже если в турецкий полигон влезем — да пошли они на хер. Им сейчас не до контроля, кто там в полигон лезет...они сейчас всю эту толпу в Босфор с двух концов загоняют, по порядку номеров...

— Боевая готовность номер два!

— Товарищ командир, боевая готовность номер два

установлена!

— Старпом, рули. Я — в машину.

.....

Потом он спустился в машину и долго смотрел на черный кусок металла, длиной сантиметров пятнадцать, сломанный почти посередине...

И ждал, когда его сварят.

И сам, вспомнив, как работал на заводе контролером ОТК, проверял биение, зажав вал в токарный станок, и заставлял переваривать, пока биение стало почти незаметным...

А потом поднялся в свою каюту, и увидел там накрытый стол, две бутылки югославского бренди — и командира ремонтирующейся в Югославии лодки, которого вез в отпуск...

А потом они пили бренди, болтали, и командир лодки сказал:

— Да...Еще один такой проход — и яйца можно сдавать в утиль за ненадобностью...

Они посмеялись, и выпили еще...

А потом доложили, что машина введена в строй...

А потом, всю ночь до Севастополя, пока старпом был на мостике, он не мог уснуть, он все считал время, поворачивал, вспоминал, что командовал и говорил... и прокручивал, прокручивал этот проход в голове бесчисленное количество раз...

.....

А потом, в Севастополе, жена — вдруг погладила его по вискам и сказала:

— Ты поседел...

Довелось мне тут побывать на праздновании трехсотлетия Кронштадта..

Конечно, не как официально приглашенное лицо, а так, шпакон гражданским походил значит по городу, вспоминая места «боевой славы» лейтенантской, поностальгировал. Между прочим и корабли посетил, открытые для посещения гражданской публики. Исплевался. Такое состояние кораблей, что кажется, экипажей на них и в помине полчаса назад не было, и приборку элементарную там не делали неизвестно сколько.

Вот и вспомнилось...Кронштадт...Боцман...

Уж сколько анекдотов про рассеянных ученых рассказывают — не перечесть.

Вот Вооруженные Силы нашей страны — я Советский Союз конечно имею в виду — на такого рассеянного ученого в чем-то смахивали.

То есть в главном — лучше в мире нет, и боеспособность, и готовность, и так далее.

А где-то в каких-то мелочах — ну полная беспомощность и бардак страшный. И случались в этом бардаке совершенно на первый взгляд вещи немыслимые.

Это все конечно, я о прошлом веке, о двадцатом.

Сейчас в Вооруженных Силах от былой их славы только, пожалуй, только ядерная дубинка да бардак и остались.

Причем последний до невероятных размеров разросся, никто ничему не удивляется, никого ничем не удивишь. Года два-три назад, когда я в Город приезжал, да знакомых встречал иногда — еще дергался от изумления, как, например, можно на должности третьего ранга — капитаном второго ранга стать, а уж на должности второго ранга — сам вроде бы бог велел каперангом ходить.

А потом как-то успокоился. Может они, нынешние служат лучше нас, давешних... а может слово заветное знают...ладно, Господь все равно ведь по делам судит.

Отвлекся я как всегда, но вот о прошлом.

Начало восьмидесятых, дорогому Леониду Ильичу еще месяца четыре осталось, застой в разгаре.

А мы в аккурат на боевую собираемся. В Средиземное море, соответственно.

Подготовка по полной программе, все путем (не нынешним, не нынешним), неделя до выхода остается, задачи все отработали, проверки прошли, запасы на борту.

И даже время на предпоходовый отдых экипажу выделили — как положено.

Вызывает меня командир, прибываю, он сидит — мрачный. Соображаю, что еще случиться могло... а он:

— Плохо дело, старпом. Боцмана особисты в море не пускают.

— За что?

— А предшественник твой за что сидит? То-то. А боцман по его делу проходил, год условно получил. И год-то прошел давным давно, да только вот ребятам этим не докажешь ничего — осужденным на боевой делать нечего.

— А на замену кого?

— Да с соседнего парохода дают на боевую. Говорят ничего...

Ладно. Жалко было боцмана — смерть. Очень толковый был морячина, хоть и молодой.

Корабль покрасить — нет проблем, палубу всю верхнюю стеклом оциклевать (да, да, было такое, деревянная палуба у нас была, и циклевали мы ее стеклышком битым) — будьте любезны.

И порядок на корабле и в кают-компании мичманской держал любо-дорого.

Возвращаясь опять к началу истории, состоянию кораблей нынешнего Балтфлота, думаю, если бы мой боцман такое увидел — балластину на шею и утопился б со стыда. Жуткое это все же зрелище для нормального морского глаза..

Ну да ладно.

Делать нечего, пригласил я боцмана в «Шайбу», ресторанчик это такой на выезде из Города, если не знает кто. Баранина в горшочках тамошняя на весь полуостров славилась, да, посидели, выпили мал — мала, сказал я ему все это дело. Неофициально, чтоб хоть как-то сгладить...

Очень тяжело он переживал. И ведь странно что — вокруг Европы — можно, а в Средиземку — ну никак нельзя.

Перебдели в общем слегка туалетные работники.

Суть да дело, откомандировали боцмана в штаб бригады, и в море ушли с богом.

Службу отнесли хорошо, даже отлично, вернулись в аккурат к Новому Году, отдохнули после похода почти без замечаний, разве только лейтенант один Деда Мороза избил — я об этом как-то рассказывал.

Числа пятого-шестого января вызывает командир меня. В каюте начальник штаба бригады сидит, скучным глазом переборки разглядывает.

Командир мне:

— Старпом, боцман наш пропал. То есть был был при штабе

— и пропал куда — то. Шум пока не поднимали, да и обнаружили то, что пропал неделю как. Ты там разберись дня за два-три. Не найдется — будем дезертиром объявлять, в розыск подавать.

Что ответить?

— Есть! (в обалдении).

Пошел, собрал друзей боцмана — поговорил, мол, жалко мужика, дезертирство — это серьезно...

Один — старшина команды артиллерийской, земляк боцмана, тоже Кронштадтский, поморгал, поморгал, и говорит:

— Три дня? Не подавайте в розыск, найдем.

Через день захожу в каюту после обеда — сидит на диванчике какое — то мурло гражданское. Джинсы, рубашечка джинсовая, волосы до плеч. Меня увидело — встало:

— Здравия желаю!

Боцман! Ну, ёпть! Ну, б...! Ну...!!!

— Где был?

— В Кронштадте!

— Как в Кронштадте? А что делал?

— Мясником в магазине работал!

— Пи...шь, сука!

— Никак нет!

И — фотографию показывает. Действительно, стоит за прилавком мясного отдела, в белом халате, шапочке, нож мясницкий в руке...

— Рассказывай!

...Недели три бродил он по бригаде неприкаянный. Не определили его к делу сразу. Пока деньги были — все ничего, лето, пляж...

Деньги к концу. Он к начштаба, мол зарплату пора платить. А тот видно не в духе был — какая мол на хер зарплата, шляешься черт-ти где, нехера не делаешь, пошел ты...

Боцмана это дело обидело. Что он, виноват что ли, что его кусок работы отняли, а другого не выдали?

Зашел к мичману — помощнику кадровика, так мол и так, жрать нечего, жить не на что, поеду я на заработки. Тот похихикал, мол давай.

Боцман на последние деньги билет — и в Кронштадт, на родину.

Приехал, походил-походил — жить — то надо на что-то, стал грузчикам в гастрономе помогать.

Пьет умеренно, работает хорошо, грузчики и продавщицы его зауважали. Дальше — больше. Стал мяснику помогать. Тушу вчерне разрубить, подтащить, утащить...Деньги пошли.

А тут мясника увольняют — то ли по жалобе, то ли еще за

что.

Кому работать — а вот он, помощник. Назначили его мясником.

В общем, пока мы в Средиземном — он карьеру сделал. Да, а документы у него вообще никто не спрашивал, свой, Кронштадтский, все его с детства знают, городок-то маленький...

Так и работал, пока жена земляка — артиллериста не доложила, что мол ой-ой-ой, Надо бы в Город появиться...

Вот он и приехал.

Доложил я командиру это дело. Собрали малый военный совет — начштаба бригады приехал, командир, зам. Что делать будем?

Судили-рядили-порешили. За все месяцы боцману денежное довольствие выплатить, плюс тринадцатый оклад, за безупречную службу.

И — или вернуть в исходное состояние, если захочет, то есть боцманом — или начать процедуру увольнения, в карточку взысканий — поощрений взысканий написать, на «губу» пару раз посадить — и выгнать с флота — но опять же ежели сам захочет.

Спустился я в каюту, боцману все это рассказал. Он говорит — подумаю. Ушел к себе.

Через часа полтора заходит ко мне, постриженный, в форме.

— Разрешите приступить к исполнению дел и обязанностей?

— Добро!..

.....

Вот так.

Да, а начштаба тогда поклялся, что особистов победит, и боцмана в море пустят.

И пустили.

Так-то.

Любить свое дело надо...

День кончается...

Почти...

На тралец, вышедший из дока загружен весь боезапас, и он умиротворенно и тоже слегка устало стоит под бортом, постукивая дизель-генератором.

Можно почитать. Просто полежать и почитать одному.

Не принимая никаких решений.

Забыть, что месяц спал на шнуровых зарядах.

Как там князь Мышкин?...

А Наталья Филиповна?...

...липовна...

Строчки ползут, буквы сливаются...

Сейчас, еще одну секундочку.....

Д-з-з-з-з-з...

— Тащ командир, пост связи, серийная из Главного Штаба!

Рывком, книгу — в сторону, тапки, пилотка — хорошо, что еще не разделся — ...

«...Вам...сняться...следовать...оказать помощь аварийной подводной лодке»

— Мостик — пост связи, командир. Учебная тревога. Корабль экстренно к бою и походу приготовить!

Хорошо, что мех не успел разобрать главный двигатель, с утра планово-предупредительный ремонт дали... Это хорошо...

Тральщик — пинками, пусть на якорь становится, кранцы на борт.

Локация? На высоком.

— Пошел шпиль! Внимание личного состава! Корабль следует в район Гибралтара для оказания помощи аварийной подводной лодке. Требую от всех...Командир.

— На клюзе?

— Семьдесят пять!

— Обе товьсь вперед!

Черт. Тунисских рыбаков в море полно...

— «Дон», доложить по целям!

— На пятнадцатимильной шкале наблюдаю...тридцать...восемь целей!

Мать их.

— Товарищ командир, гироскоп не в строю!

— В чем дело?

— Планово-предупредительный ремонт, я гиросферу менять начал, вы же график утвердили...

У-у-у-у, штурмана... Правильно Петр их...

— Управление кораблем — по путевому магнитному компасу! На РЛС «Дон», курс — ноль, на вахту заступить старшине команды радиотехнической! Данные по целям — по изменению курсовых углов!

Таких задачек ты еще не решал...ладно. как там у Канецкого, упрямся-разберемся...

— Якорь встал!... На клюзе сорок!

— Обе вперед самый малый! Механик! о готовности дать полный — доложить!

Старпом!

— Есть!

— На левое крыло, я — на правом!

— Старшина радиотехнической команды вахту на локационной станции «Дон» принял!

— Есть. Сокращение дистанции до целей двадцать кабельтов — докладывать!

Меньше двадцати — каждую минуту.

— Машины готовы к даче полного хода!

— Обе вперед полный!

Па-а-а-плыли...

...Эти тунисские ребята рыбу ловят...Все в огоньках «Занят ловом рыбы. Не могу уступить дорогу»... Их в душу...А что ругаться, все кушать хотят...

Этих проходим...прошли..

— Цель справа, курсовой тридцать, дистанция двадцать!

— Курсовой тридцать, дистанция восемнадцать!

— Курсовой не меняется, дистанция пятнадцать!

— Право пятнадцать!

Побежала влево...кормовой гакабортный... еще немного, не будем снасти рвать... Разъехались.

— Лево пятнадцать, на прежний курс!

— Слева сорок семь, дистанция двадцать!

— Слева сорок семь, дистанция девятнадцать!

— Лево на борт!

Покатились...прошли...

— Цель слева шестьдесят пять, дистанция восемнадцать!

Лево руля...

.....

— Цель справа тридцать два, дистанция шестнадцать!

— Дистанция четырнадцать!

— Право на борт, обе вперед средний

.....

.....

Второй час...жарко...майку хоть выжми...хорошо — ветерок...
Сколько их еще осталось...две...нет, три...

— «Дон», доложить по целям на носовых курсовых углах!

— Наблюдаю три цели. Дистанция увеличивается!

Вроде прошли... ну Никола Морской, хранит
водоплавающих...

— Цель справа восемьдесят, курсовой не изменяется,
дистанция быстро сокращается!

— Обе вперед малый...

Это уже не рыбак. Прет узлов восемнадцать. И не наш, про
наш бы сообщили. Вражина. Черт его ночью разберет...

— Штурман, что с гирокомпасом?

— Собрали, вводим экстренно!

Ну вот. Вползаем в Тунисский пролив... тут поспокойнее.
Хоть дорога и торная, а рыбаков нет...

— Гирокомпас в меридиане!

— Есть!

Молодец, штурман, быстро управился, зря я его ...Теперь
нормально, теперь штатно, пошли...

...Когда вот так, просто идешь — оно вроде бы даже немного
скучновато... Море и море... День да ночь...Слева Африка, справа
— Алжиро — прованская впадина, пути торговые в стороне...

— Товарищ командир, наблюдаю четыре цели, Цель номер
один — пеленг... дистанция... цель номер два...

— Штурман, элементы движения!

Вот, видимо и встретились...

— Пост связи, вызывай лодку в открытой!

—

— Товарищ командир, связь с лодкой установлена!

— Есть, фазу на мостик!

— Есть фаза!

— У аппарата командир, добрый день! Как обстановка, какая
нужна помощь?

— У аппарата командир, меня ведут два фрегата. Они меня
пишут! И еще сухогруз какой-то часа четыре рядом тащится!
Отгони!

— Что пишут?

— Шумы мои пишут, портрет гидроакустический! Отгони
срочно!

— Постараюсь. Находишь на связи постоянно!

Отгони. Фрегаты американские. Справа и слева от лодки. А
сухогруз — не сухогруз, контейнеровоз. Эти ребята запросто по
восемнадцать узлов бегают, а тут ползет за лодкой ...может
прикрывает лодку чужую...пес его знает... ладушки-ладушки,

поиграемся... Кто там шагает правой?

— Учебная тревога! Управление кораблем с верхнего мостка!

—

— Корабль к бою готов! Управление с верхнего мостика!

— Рулевой! Лодку и фрегаты видишь?

— Так точно!

— Держать левому фрегату в последнюю треть корпуса! Чтоб нос точно туда смотрел! Понял?

— Понял!...Легли на курс...градусов!

— Так держать!

Так кто там шагает правой? Мы шагаем! и теперь у этого моримана мы — цель, которой надо уступать дорогу...

— Пост связи! Передать на лодку — курс не менять!

— Есть!

.....

— Приказание передано!

Ну так что там наш американский друг? Как у него дела? Правильно. Давай, давай, подальше от наших черных подводных лодок! Руки прочь! И гидроакустику тоже!

— Старпом! БОКА^[2] к постановке!

— Есть!

—

— БОКА поставлен!

А вот вам еще подарочек. Мало мои машины грохочут славно — недаром после боевой механик все подушки амортизационные меняет, мы еще БОКА погрохочем.

Как слышно, господа заморские? Понял. Правый фрегат па-а-шел себе по плану, правильно, все равно ты больше ни хрена не запишешь...Плыви себе...Вот именно...как цветок в проруби...

— Пост связи, передай на лодку, становлюсь в кильватер, дистанция три кабельтова, курс, скорость не менять. В случае необходимости — уходить вправо.

А мы влево двинем...

— Сигнальный! Набрать и пристопорить сигнал «Провожу учения по маневрированию, находится вблизи ордера опасно»

Батюшки, а что это с лодкой — то? Морду — то обо что они себе так разворотили? Понятно теперь, почему она аварийная, и в надводном положении идет...

.....а всплыли они неудачно. Прошли Гибралтар — и всплыли, то — ли просто оглядеться, то — ли на сеанс связи. Только всплыли — то они в аккурат в борт теплохода «Братство», который мирно вез в Одессу откуда-то из Америки то — ли муку, то — ли зерно...

Экипаж теплохода такой подлости не ожидал, а поскольку

дырка образовалась в борту преизрядная, нормальным порядком погрузился в шлюпки и — к берегу.

Самое смешное, что несмотря на громадную дыру, эта самая то — ли мука то — ли зерно разбухли, и дырку закупорили... И брошенное экипажем «Бртство» прибило к африканским берегам, как приз братьям арабам. Что уж с ним дальше стало...

А лодка, отделавшись развороченным легким корпусом на морде, нырнула себе... И только потом, посла доклада получила приказание «Всплыть и следовать...»...

— Лево руля. Встать в кильватер подводной лодки. Дистанция — три кабельтова. Локация — шкала — полмили, изменение дистанции докладывать немедленно!

— Есть!

Что там наш американский коллега? Ага, мне в кильватер встает. Добро ему. Не препятствовать.

— Сигнальный! Действия американского фрегата докладывать.

— Есть! Цель воздушная, прямо по курсу, курсом на корабль!

Ну это пожалуй «Орион».

— Цель воздушная — патрульный самолет «Орион». Курсом — на корабль.

— Есть!

Пусть ему. Как там зам вещает: «Напрасно в бессильной злобе американский капитализм...»

Ух ты! А вот это зря братья подводники развлекаются...

— Пост связи! Передать на лодку: Не рекомендую запускать сигнальные ракеты в лоб американским самолетам. Нарушаете советско — американское соглашение.

— Есть!

— Приказание на лодку передано.

— Есть.

Ну вот...Вроде легче..

— Товарищ командир, американский фрегат поднял флажный сигнал по советско-американскому соглашению!

— Разобрать!

— Сигнал разобран. «Провожу полеты вертолетов, прошу не мешать моим действиям».

Твою...

— Фрегат уклоняется вправо, дистанция сокращается!

Быля-я-я... Это он на мой правый борт выходит. Я дорогу должен уступать. И вертолет, гад, выкатил! Мстит, сука, за давешнее...Т-а-а-к...

— Дистанция сокращается! Форштевень фрегата поравнялся с кормой корабля! Траверзное расстояние — тридцать метров!

До чего у америкосов рожь мерзкие...ухмыляются, сволочи...
На крыле командир наверное... Ух, ё...

— Старпом! В «Справочнике по международному морскому праву», в конце — протест о нарушении МППСС есть, а?

— Так точно!

— Т-а-а-ак... Что они там. Ага. Правило тринадцать нарушают. А ну, по шестнадцатому каналу ему озвучь!

— Есть!

— И в пост связи, пусть открытым ключом на международных частотах отстучат!

— Есть!

— Рулевой! Вахтенный офицер! Предельно внимательно!

— Фрегат производит запуск вертолетного двигателя!

— Вижу!

Что старпом копается...

— Пэж — ГКП. Быть готовым дать назад самый полный!

— Есть!

— Старпом! Передал?

— По «Рейду» — передал. Отдал в пост связи.

Ну что ты за сволочь, не боишься ничего...ну давай...

— Фрегат уваливает вправо!

Есть бог на море...

— Прямо по курсу — цель надводная!

— Опознать!

— Цель прямо по курсу — сторожевик, наш!

Ффу-у-у! Вдвоем легче...

— Товарищ командир! СКР «Б*» вызывает на фазу.

— Давай на мостик!

Ну вот...на борту у них комбриг, он теперь над нами старший.

— Старпом, БОКА убрать!

—

— БОКА убран.

— ПЭЖ-ГКП. Машины — меньше двадцать оборотов.

Дистанцию можно теперь увеличить, СКР амеров быстренько прогнал, он теперь далеко, так нагличать не будет.

И когда день пролетел...Смеркается...

— Управление кораблем с ГКП!

Все. Теперь спокойно... Теперь до точки пойдем спокойно...

.....

И только потом, когда в точку пришли срочно из Города всевозможные штабы, и командующий флотом, чтобы разобраться с лодкой...

И потом, когда все решилось, и лодка ушла домой, на Север,

а штабы — домой, в Город и Москву...

И еще через сутки после этого — когда шторм срывал с якоря,
и надо было «штормовать»...

Только потом...

Князь Мышкин...

.....Наталья Филлиповна...

и наползающие друг на друга строчки...

и покой...

Это даже не история, так, байка, правда с абсолютно реальными корнями.

Так уж случилось, что было у меня на крейсере два командира БЧ-2, и оба — личности весьма легендарные.

Первый — то есть к которому я и пришел лейтенантом — тонул в лейтенантские поры на «Новороссийске», был вытаскен на берег матросом. С этим же бывшим матросом — ставшим мичманом они не расставались почти всю службу.

Даже и уволились почти одновременно.

Ну а после «Новороссийска» служил мой будущий «бачек» на «Железном Феликсе», там и познакомился с «грозной ракетной техникой», и заслужив по праву звание первого ракетчика черноморского флота — получил назначение на новостроящийся вертолетоносец, где наши судьбы и пересеклись незадолго до его увольнения по возрасту.

Так что в какой-то мере мы — молодые офицеры-ракетчики, гордились, когда называли его фамилию в качестве своего начальника. Знал его без преувеличения флот, и не раз я слышал восхищенное цоканье языком, что мол да, такой и прикроет и с начальством поговорит если надо. Что и верно — как за каменной стеной с ним жилось, ни разу, ни при провале стрельб, ни при авариях — а было, было, ракету на ракету насаживали, носом в попку — ни один офицер не пострадал. Всегда — техника виновата. Умел Шеф пользоваться технической документацией, где на титульной странице, сразу после названия комплекса написано было «экспериментальный образец».

И отдохнуть — тоже славно умел. Новоприбывших офицеров БЧ-2 «прописывали» не где ни будь, а во всефлотско — известной «Козьей жопе» — кабачком под рестораном «Приморский», куда заблаговременно направлялись два техника-мичмана с немалой канистрой шила корабельного, и целью «забить» местечко для дружного офицерского коллектива БЧ-2.

Не вру. Меня «прописали» именно так.

Но все хорошее — кончается когда ни будь — и ушел наш Шеф на пенсию. В 47 лет, с должности командира БЧ-2 крейсера, не прослужив за всю свою жизнь ни дня на берегу. Светлая ему память. Сейчас наверное таких не найдешь.

Но не будем о грустном — назначили нам на смену Шефу личность вообще легендарную — капитан-лейтенанта Чукина.

Легендой он стал еще лейтенантом, а к моменту назначения

— был очень толковым офицером — каплеев просто так на должность второго ранга не назначают. Пил правда. Но об этом я рассказывал уже, а сегодня — как же он флотской легендой стал.

Так вот служил он как положено лейтенанту, ничем особым не выделяясь — пока не пришло время отпуска.

На флоте — как и везде в Вооруженных силах лейтенант узнавал о том, что он со вчерашнего дня в отпуске обычно сменяясь с дежурства или придя из патруля.

Так и здесь, докладывает он о смене с вахты, а старпом ему:

— А какого собственно хера ты еще здесь. Время — двадцать часов, а с нуля — ты в отпуске...

— А...У...Э...

— Да что ты мекаешь, отпускные — у финансиста. Вот проездные не выписали. Ну придешь завтра.

Делать нечего. К финансисту. Ну а тот деньги — то ему выдал, но посоветовал: ты мол мне адрес оставь, куда поехать собрался, я лучше проездные тебе почтой pošлю, если завтра придешь — старпом тебя из отпуска отзовет, есть у него такая практика. Отпуск — то объявлен приказом, а то что вызвали на другой день — служба...

Совет полезный, как тут не воспользоваться.

Уехал он в отпуск. Отдыхает себе неделю, вторую — нету письма с проездными. Он — телеграмму на корабль. Пришлите мол, поиздержался в отпуске.

Тишина.

Вторую шлет.

Тихо. Отпуск-то кончается, на пароход надо. Третью, «Молнию».

Старпом, в сердцах, после двух телеграмм, да еще и «Молнии» — а тут проверки разные, не до лейтенанта — возьми и брякни почтальону:

— Да ответь ты ему — пусть пешком идет...

Моряк оказался грамотно подкованным — и без вопросов телеграммку с текстом «Иди пешком. Старпом» — отстучал в места проведения отпуска.

Все как помянуто хорошее кончается когда-то, кончился и отпуск у лейтенанта.

Нету его.

Не прибыл то есть в часть.

На всякий случай — начало семидесятых. Дисциплина — ой-ой-ой.

Второй день нет.

Третий. Впору дезертиром объявлять и в розыск.

Не тут то было.

Приносит почтарь телеграмму старпому.

«Иду пешком. Прошел Тулу. Целую — Чукин.»

Немые сцены и другие проявления изумления нервно пьют валерьянку по сравнению с реакцией старпома.

Немедленно нашли деньги и отправили лейтенанту на проезд.

А он так и остался — Целую Чукин.

Беда есть такая на флоте — ВЭЖ-21 называется.

Может конечно быть, что поправит меня кто-то, что мол, вовсе даже не беда, а вполне полезная для флотской жизни вещь, и без нее совершенно прожить невозможно на флоте.

Не знаю, не знаю... В моей памяти эта штука совершенной бедой сохранилась.

Причем, как это в жизни и положено, случАев с ее участием несколько было, но вот хорошо запомнились два — первый — трагедия, а второй — как положено фарс.

Ну да наверное, пора беду эту самую представить поподробнее.

Насос это. Водяной эжекторный. Почему двадцать один — не упомяну за временем. По внешнему виду — две трубы в виде русской буквы «у» сваренные. Один конец к пожарной магистрали подключается, другой конец — суется туда, где чего откачать надо, воду из магистрали подали — и пошло дело по принципу простейшего пульверизатора, из двух трубочек — кто в детстве делал, так вспомнит.

Все эти технические так сказать подробности — к тому, что насосы эти часто на кораблях стационарно закрепленными стоят. Ну там трюм в машинном отделении осушить, еще какую гадость за борт откачать... И дело то как раз в том, что если в насосе этом пожарную магистраль не к тому концу подсоединить — он из откачивающего превращается в нормально накачивающий... То есть вместо того, чтоб осушать и откачивать, наоборот совсем.

Где вы видели таких идиотов, чтоб наоборот подсоединяли, спросите?

Вот об этом то и рассказ, причем, еще раз замечу, что случаев таких за военно — морскую службу значительно больше было, я здесь только крайние изложу.

В самом конце семидесятых еще ходили на боевую службу в Средиземное море эсминцы проекта 30-бис. Кораблики — первый послевоенный проект, красавцы конечно, последние полубаковые, но к сожалению к боевой службе в средиземке совершенно не приспособленные... Жутковато было на их народ смотреть после нескольких месяцев.

Так вот один такой эсминец с помощью беды этой флотской и сожгли.

Причем, по словам непосредственного назовем его так организатора безобразия, «человека — легенды», пожизненного старшего лейтенанта Вовки Карамзина было это совсем просто.

Так вот, сходил этот эсминец на боевую, задачи все порешал успешно, оценка чуть ли не отлично...

И надо же было такому случиться, что вместо родного Санузлава, по окончанию в Город завернули. Что такое после боевой в порту оказаться — это надо хоть раз почувствовать... В общем и целом — расслабуха полная, со всеми вытекающими последствиями.

Но постояли они там дня три — четыре — и в родную базу. Идти всего ничего, ночь.

Нуте с перед вечерним чаем, около двадцати одного часа спускается помянутый Вова Карамзин в котельное отделение — а он в аккурат командиром котельной группы подвизался, проверил, как народ вахту несет, пайолы соответственно поднял, в трюме посмотреть что там и как, а там — что и говорить, тридцатка бис «с приставкой Пальма» — как на флоте пошучивали. Это вам тот еще агрегат.

Словом в трюмах водичка плещется — «вам по пояс будет» — , а сверху — как водится мазут флотский.

Вова тут же старшего вахты отодрал показательно, чтоб службу помнил, и приказал, соответственно, ВЭЖ включить, воду из трюмов откачать за борт — с мазутом вместе.

Если вы интересуетесь за экологию — их есть у нас... Имеется ввиду экологических документов. Но кто же на тридцатках их читал? — Тем более, что цистерн для льяльных вод на этих кораблях отродясь предусмотрено не было.

Дал он значится команду, и чаек пошел пить.

Старшина вахты — годок, опыт помноженный на мастерство, молодого матросика мордой в ВЭЖ ткнул — и тоже на чаепитие отправился... Ну а уж молодой ВЭЖ включил. Наоборот конечно. То есть нормально воду в трюм качает. Проверять ему недосуг, у него вахта «на горении», то есть за котлом следит...

А котлы надо сказать штука весьма раскаленная. Хоть и облицованы специальным шамотным футеровочным кирпичом, но поверхность весьма горячая, да еще и после боевой, повторюсь, пока в море ходили — прогорело кое — где помалу.

Суть да дело — накачалась в трюм водичка до самого пода котлов — так на флотском языке низ котла называется, мазут что на поверхности нагрелся, соответственно — ну и вспыхнул.

Дальнейшее на языке официальных документов называется «Пожар в котельном отделении.». Хорошо пароход горел, но потушили однако, правда не без жертв.

Так и стал Вова старлеем пожизненно.

Трагический конечно случай.....

Ну а в конце 80-х, на эскадре, а Средиземном, сообщают мне

как-то вечером, что мол завтра — начальник штаба эскадры к тебе пожалует, с пароходом твоим познакомиться.

Ладно, что успели — подчистили, прибрали...

А пароход — то у меня действительно своеобразный был. Для выполнения специальных задач, в том числе, дизель генераторов там в два раза больше было, чем надо бы для обычной жизни. И размещались они отдельно — два в машинном отделении, а два в носу, в носовом энергоотсеке, как раз под палубой бака.

И надо здесь отметить, что мы только из похода пришли. Механик запросил добро что-то там в машине поковырять, ну и чтоб дизеля не шумели — на носовой энергоотсек питание перевел.

Наступает утро, пришел начштаба...

Походили с ним по пароходу, до бака дошли...

Он:

— Чего это у тебя тут стучит?

— Носовой энергоотсек

— Показывай.

Спустились. У моряка вахтенного — форма одежды, повязка, доложил как надо. Дизеля грохочут... Порядок... И тут...

Начальник штаба к уху моряка наклоняется и орет — дизеля-то перекричать надо:

— Открой пайолы!

Ну да. Все правильно. Хотел мой бравый вахтенный трюма осушить слегка. Конечно.

Под самые пайолы — водичка с соляжкой на поверхности плещется...

Начштаба от удивления — глазам своим не поверил видимо — наклонился поближе — и тут...

У него из верхнего кармана тропической куртки авторучка, красивая такая, фирменная, — выскакивает — и - вот дизеля грохотали, но честное слово, я четко услышал этот издевательский «ЭЛП!», когда ручка в эту соляжно-водную суспензию плюхнулась с брызгами...

...Никогда ни до, ни после не видел я, чтоб адмиралы с такой скоростью бегали.

Догнал я его только на трапе, где он уже успел разорвать задницу на свастику дежурному, вахтенному офицеру, старпому, и всем остальным, кто попадался на глаза...

Со мной он попрощался весьма скажем так сдержанно, при сходе с борта, типа:

— Ну...командир...ну...я...б...!!!

Водичку мы конечно по вечерку да вечернему ветерку с берега — откатали за борт, авторучку — хоть и искали не

нашли...

Нукание начштаба в двойку по итогам недели вылилось...

Ну да пережили и это.

Такой вот фарс этим самым ВЭЖем.

А кто-то может и не верит, что беда.

Точно беда.

Геморрой

Доктора эти разные... понапридумывают слов всяких... да еще с синонимами — для просторечивого употребления — одни, для мждусобойных разговоров — другие... А нормальные люди от этого страдают, получается.

Сколько лет уже прошло...

Казалось бы давным — давно пора все забыть, а вот не забывается. Как услышу где слово «гайморит» — все снова перед глазами встает.

Что такое землякам попасть в одну часть — рассказывать не надо. Подарок судьбы. Ну а уж если с одной деревни — так и вообще говорить нечего.

А мы в училище сразу трое поступили — с одной деревни. Правда оба моих земляка постарше были, один так и вообще год перед поступлением у отца моего в школе лаборантом трудился — но тем не менее.

Двое нас попали в одну роту и даже один взвод, а третий — совсем в другую.

Но как бы то ни было, только уж особой — то дружбы у нас не получилось, то есть в отпуск конечно вместе ездили, и оттуда тоже, а вот в училище или в отпуске как-то не очень вместе крутились — может просто разными людьми оказались, а может еще чего.

Ну да в общем то дело даже не в этом.

Родители мои — матушка особенно — регулярно в письмах про жите — бытие спрашивала, и постоянно про земляков поминала — мол напиши, как и у них дела.

Обычно что родителям пишешь — нормально все, что еще. Но вот угораздило одного из земляков моих — как раз того, с которым в одном взводе были — приболеть. Ничего в общем страшного, гайморит обыкновенный, положили в санчасть, пролечили, может даже и прокололи — но как раз только он из санчасти вышел — матушка моя очередное письмо присылает. И снова — как там да что.

Отписал ответ, что у меня мол все нормально, а вот Вовка Воронов — в санчасти с гайморитом лежал.

Отписал и забыл. Проходит недели может две, захожу в класс на самоподготовку — уж не помню, где задержался, народ — то в общем в основном по местам сидел. Чувствую — как-то странновато на меня поглядывают.

Потом старшина класса спрашивает:

— Ты Воронка (так его по фамилии кликали) не видел?

— Да нет — говорю — не видел.

— Ну счас он тебя кончит. Письмо из дома получил, прочитал, тебя обматерил — и искать побежал. Убить обещался.

Покопался в памяти — да вроде ничего ... Жду.

Минут через пятнадцать влетает в класс Воронок, глаза бешеные, щеки горят — и - меня за грудки... Ну и текст соответствующий ... самое приличное — «Убью, сука», остальное — за рамками нормативного..

Кое — как отцепился. Поорали друг на друга, пока не пришли в себя маленько. Спрашиваю, мол объясни наконец связно что случилось-то.

Тот опять слюной брызгать... Но объяснил наконец то, сквозь мат опять же и брызги... Получил из дома письмо, в котором матушка — его теперь уже — пишет, что он крайне нехороший человек, плохой сын, гуляет направо и налево, и вообще, вон мать Вити (моя то есть) сказала, что ты (он то есть) болел триппером...

Повторюсь — жители мы оба были деревенские, а там резонанс подобного рода событиям громкий получался... Так что весть серьезная... Мне честно говоря поплохело даже. Не писал ведь ничего такого.

Но не докажешь ведь, да и народ в классе орет, что мол сволочь ты последняя, раз такое про товарищей говоришь а тем более матери.

Поклялся я тогда перед всеми, что письмо, которое матери написал попрошу назад прислать, и объяснить заодно, откуда ноги растут у такой информации.

Прислала мне матушка письмо мое назад.

Там конечно все правильно — три слова о том, что Вовка мол в санчасти лежал...с гайморитом.

А вместе с моим письмом — и свое прислала, пишет, что мол не обижайтесь, такие уж мы, матери мнительные насчет своих деток, и дело — то мол ведь как было:

Стоят они с матушкой Воронка в одном магазине в одной очереди... Как твой — А как твой — Да нормально — И мой нормально — А мой написал, что твой в санчасти лежит... с эти... как его...гайморитом ...Чем? Да гаморроем вроде ... А-а-а-а! Я так и знала, что у него гонорея...!!! На весь магазин... в деревне...

Прочитал я письмо — и свое и мамино народу, убедил, кое — как что не совсем уж сволочь...

Хотя конечно хорош гусь.

С тех пор правда никогда, ни о себе, ни о родственниках, ни о знакомых ничего такого родителям не писал.

Вот и до сих пор не пишу.

Только при слове «гайморит» — ежусь слегка...

Дед Мороз и Молодочка

Мы возвращались в Севастополь тридцатого декабря.

Настроение — прекрасное, за «боевую» — отлично, и в сердцах и в природе благодать.

На «мосту» собралась небольшая компания — Командир, зам, командир лодки, экипаж которой мы везли из Тартуса на межпоходовый отдых, и я. До подхода было еще время, трепались — ни о чем и обо всем. И черт меня за язык дернул:

— Ну что, Новый Год начнем с грубого нарушения воинской дисциплины?

— Почему?

— А Молодочка в комендатуру попадет. Он к Севастопольским патрулям непривычный.

Надо здесь сказать, что буквально за неделю до выхода — а уходили мы в августе — назначили нам лейтенанта-«дзержинца», воспитанника славного города Питера, Молодочку. Такая у него фамилия была. Ну, неделя перед выходом — сами понимаете — все в беготне и суете, так что на берег он если и ходил, то днем и по делу, города совсем почти не знал, а уж Севастопольскую комендатуру и патрулей-тем более. А у нас, их бывало немеряно — не Питерская вольница...

Выглядел лейтенант — как сказать — как настоящая молодка — румяный, выющиеся темные волосы, почти не брился — в общем, юнец — юнцом. Но офицером оказался толковым, в море показал себя хорошо, и к тому же оказался кандидатом в мастера спорта по боксу.

Командир посмотрел на меня недобро, пробурчал себе что — то под нос вроде «Типун тебе на язык»- и на этом закончили...

Ну а потом заход, встреча, и тд...

В праздники командир всегда оставался на борту. Но, когда второго я прибыл на службу — на корабле его не должно было быть. А он был, и в весьма — не сказал бы раздраженном — каком — то озадаченно-ироническом настроении.

— Ну, что? Напророчил, туды его в качель?

— А что?

— А вот что:

...Первого числа Молодочка был в «сходящей» смене, и, попросив разрешения пойти позвонить, убыл с корабля.

Забрал его сегодня утром из комендатуры сам командир, которому посоветовал, мерзко хихикая, это сделать комбриг. И для хихиканья были свои причины.

Позвонил, стало быть, Молодочка — не знаю кому уж там —

и пошел на пароход. Первое число. Народ или спит, или догуливает, кабаки закрыты, скукота. Город вымер. Сел он на рейсовый катер, переехал на Северную, и двинул пешочком в сторону Куриной, к пароходу.

Идет не торопясь, время есть, спешить некуда. Навстречу — Дед Мороз — кому еще в Новый Год на дороге встретиться?

— О! Лейтенант! Один! Пошли со мной!

И излагает ему Дед Мороз, что идет мол, сейчас «поздравлять» девок из ВОХРОВСКОЙ общаги, где у него масса знакомых, и они конечно не дадут погибнуть в Новый год лучшим представителям Советского флота и зимней фауны, и готовы встретить их по традиции — со стаканом в одной руке, огурцом в другой — и подолом в зубах.

Почему нет? Чем на пароход, к любимому личному составу!!!

Пошли.

Да не тут — то было. Не сложилось что-то у Деда Мороза — не пустили их в одно общежитие, выгнали из другого...

В общем, дело к вечеру, дни в январе короткие. Идут они, несолоно хлебавши — и тут Дед Мороз говорит:

— Слушай, а зачем нам вообще эти бабы? Давай я тебя,... а потом если хочешь — ты меня!...

А происходило это все в те славные «застойные» времена, когда флот еще ходил в море, а нетрадиционную ориентацию не то, что на показ — весьма скрывали.

Уж не знаю, действительно ли тот Дед Мороз был с «голубизной», или с пьяных глаз симпатичная физиономия лейтенанта ему в «снегурочку» обратилась, но эффект от его слов был сногшибательный — в прямом смысле этого слова.

Короче говоря, подоспевший во время — или не во время патруль застал такую картину: орущий благим матом Дед Мороз — и мудохающий его — весьма профессионально (КМС!) лейтенант.

Ну, Дед Морозов бить не рекомендуется... Забрали обоих — лейтенанта в комендатуру. А Деда Мороза — в милицию.

Рассказ лейтенанта выглядел весьма фантастично, но связались с милицией — совпало с тем, что поведал Дед Мороз, поверили, но отпускать не стали — до решения коменданта.

Комендант — тоже не чужд юмору — посмеялся, и проинформировал комбрига, а уж тот не преминул посоветовать командиру лично забрать Молодочку из комендатуры. Чтоб тот Дед Морозов больше не бил.

Так все и закончилось — подавать в сводку его не стали, устно комендант доложил командованию, там тоже посмеялись, да и ладно, пусть им...

Молодочку наказали так, символически...

Но грубый проступок среди офицеров «политбойцы» нам все-таки засчитали...

Задания иногда получаешь — диву даешься... Иду себе спокойно, никого не трогаю, телега вдруг из штаба спускается:

«Следовать через точки....., ... предполагается, что в данном районе находится утерянная во время шторма антенна ГАС (гидроакустической станции) американского фрегата. Антенну можно обнаружить по сидящим на ней чайкам. При обнаружении поднять, исполнение доложить.»

Ага. Вот щас все чайки на нее и сели. Шторм — то действительно был, и сейчас море балла три, так что чаек и в помине нет. Они же не такие дуры...

Ну да команду дали — мы сполнили и доложили. И пошли через указанные точки. Чаек пугать.

Сигнальцы, заинструктированные насмерть — бдят, поощрение за обнаружение чаек обещано, едем потихоньку. Море — пустое, тишь и благодать...

Тут на локации цель нарисовалась. У нас ведь как — все, что вокруг объявилось — цель. Идет практически контркурсом, скорость небольшая — торгаш, видимо.

Нарисовалась, через малую толику времени визуально обнаружилась, из — за мрази предгоризонтной выползла. И только выползла — с двух сразу прожекторов сигнальных блымять начала.

Поведение для всяческих иностранных пароходов нехарактерное. Они нас, советских, обычно гордо не замечали.

Может наш? Ответил мой сигнальный, Переморгнулись туда — сюда, — старшина вахты докладывает: «Ничего тащкомандир понять нельзя! Чушь какая — то!»

Обматерил их, как водится, мол семафор принять, и то не можете!... А идем все также, контркурсами, разобраться что за пароход — невозможно, силуэт один...

И тут «Рейд», международная станция оживает:

— Во шип, Во шип, Плиз ансе ми! (Военный корабль, военный корабль, пожалуйста ответь мне).

О, думаю...

Ладно, отвечу.

— Ай эм рашн во шип. Ху а ю? (Я русский военный корабль. Кто ты?)

—

Вот тут я не понял. То есть ничего из того, что он мне радостно брызгая слюной заорал с подвыванием по аглицки... Ну и отвечаю соответственно:

— Донт андестенд ю! (Не понимаю тебя).

Тишина секундная...Потом с изумлением каким — то в голосе:

— Ду ю спик инглиш? (Говоришь по английски)

— Ес, э литтл (Да, немного)

—

Опять брызги в микрофон. Ни хрена не понял.

— Донт андестенд ю!

Снова тишина секундная.

— Ду ю спик инглиш?

— Ес э литтл

—

— Донт андестенд ю.

А уже меньше мили до встречи осталось. На пароходике (видно уже, что пароходик может тысячи на полторы водоизмещения, сухогруз каботажный), видимо ребята в легкий ступор впали. Русские или пьяные — или издеваются. Или пьяные издеваются.

— Ду ю спик инглиш?

— Ес, э литтл.

—

.....

.....

На этот раз мой радиокорреспондент говорил побольше и поэмоциональней. Причем значительно.

А уж почти поравнялись.

— Ду. Ю. Спик. Инглиш!!!

— Ес, э литтл.

— Гив. МИ. Май. Пойнт!!!! (Дай мне мое место).

Ха! Так бы сразу и сказал. А то поет про какие — то алтитюдды! Потерялся, родимый во вчерашнем шторме... И локация видимо сдохла...

Продиктовал я ему широту и долготу, цифры, слава богу помнил как сказать... Он потом минуты три все в микрофон «сенькал» — благодарил.

Но чувствовалось, что вместо соплей давешних в голосе у него смех.

И пошли мы в разные стороны.

Он — по своим коммерческим делам, а я — чаек пугать.

А с английским — до сих пор плохо.

Подводило меня это пару раз — уже в другой жизни. Ну да и история это совсем другая...

Эх, инженеры...

Бесшабашное совершенно офицерское племя, не имевшее подчиненных — ну в лучшем случае одного мичмана, и населявшее каюты крейсеров.

Разные. Кто-то на «Мост» рвался, кто-то — наоборот, в технику лез почему зря.

А у нас один был — тот нестандартным решением стандартных вопросов запомнился.....

Бывает так иногда, и компания в «Обеспечивающей» смене нормальная подобралась, и на вахте по счастливому случаю никто не стоит, и происшествий никаких — тишь, гладь да божья благодать.

И возникает тогда желание. Выпить конечно, чего ж еще, не к любимому же личному составу в кубрик идти, песни петь да сказки сказывать... Тем более, что этот самый состав в аккурат кино смотрит, пароход вымер почти.

А тут еще группер связист пришел, слезами умываясь: бычок ему в кои веки полтора литра шила выдал, а Рашидик (группер) от радости, видимо, совсем с ума сошел, графин драгоценный с шилом в держак каютный поставил — и на объект приборки пошел. А тут — приборщик, знающий, что воду в графине менять надо — в каюту. Ему-то совершенно невдомек, ведь у Рашидика отродясь шила не только что в графине, в пузырьке аптечном в жизнь не бывало, ну и сменил воду. То есть эти самые полтора литра — установленным порядком в раковину вылил, и свежей водички из крана нацедил.

А Рашидику завтра на матчасти работать, под это и бычок расщедрился.

Беда в общем.

А надо сказать, что ко всем прочим бедам наш, артиллерийский бычок — совсем шила нам не давал. Предшественник его, старый, опытный и умный — тот всегда по бутылке каждому ежемесячно выделял. А этот — молодой, нас, групперов всего на пару лет старше — не давал. То есть вообще. Даже когда действительно нужно было. Зато сам со схода придет, с бодунища, полстакана — до подъема флага, полстакана — после подъема флага врежет — и сидит в каюте свет погасив. Не лежит в койке, а именно сидит. Ни решить с ним ничего, ни добиться от него кроме «нах..». Крепко мы за это на него обижались.

А тут еще комбат артиллерийский — шила, говорит у бычка

— целая трехлитровая банка в сейфе стоит. Сам видел.

Справа-слева бумажки какие-то, а между ними — банка. Так и говорит. И глаз у него блестит подозрительно, и слюна, чувствуется — рот наполнила...

Вот и думай, как ее родимую извлечь...то есть в каюту-то войти можно...ключи — не проблема...и сейф — тоже секрет Полишинеля... Только вот не хочется следов оставлять — печать с сейфа срывать, то-другое...

Вот тут-то и проявилась нестандартность инженера нашего.

Надо говорит сейф — снизу дрелью. Дырочку малую сделаем, пробьем банку снизу гвоздем, стечет, дырочку — пластилином залепим, красочкой мазнем — следов не останется. Сейф — то, кстати, а бычка на переборке висел, да и сам из себя — так, сейф — не сейф, ящик железный.

Идея конечно вполне дурацкая. Ну да что возьмешь с обалдевших от боевых будней младших офицеров, про которых очень справедливо сказал популярный в узких кругах Володя Ульянич:

«Сижу я в железе и снова сижу
На мачту залезу — на город гляжу
Я снова и снова о сходе тужу.
Которое лето в железе сижу.
В железе обильно растет интеллект.
Я делаюсь сильным и мудрым как кнехт...»

и так далее...

Слово и дело. Проникли, дрель вооружили — две минуты — готово. Есть дырочка.

Гвоздик, молоток, стук-стук — ан фигушки. Не бьется баночка. Слышно, как в сейфе подпрыгивает, да поплескивает, но — не бьется.

Инженер наш упомянутый посмотрел-посмотрел на это дело — и щас, говорит. Держите тару под сейфом. Ушел.

Через минуту примерно — бабах!!! — удар по переборке из соседней каюты! Сейф тряхнуло ощутимо, слышно — звяк! — и потекло...и из дырочки сделанной, и из щелей в дверце... Хорошо, обрез сразу взяли, не стеклопосуду.

Пока стекало — инженер явился. Я, говорит ногой по переборке, переборки-то хлипенькие, из АМГ профильного, прикинул, что должно сработать, и вот сработало, смотри.

Слилось. Ну не три конечно литра, но достаточно.

Дырочку мы потом залепили, замазали красочкой — и нету ее, дырочки...

Отлили связеру нашему незадачливому — и в дело остальное употребили. По природному назначению продукта, так сказать.

Прошла ночь — утро. Бычок со схода является как всегда — с легким нарушением деятельности вестибулярного аппарата и полным астигматизмом в очах. И как водится — нырк в каюту, к подъему флага готовиться.

За все время совместной службы его таким обалдевшим и вкусно благоухающим одеколоном на подъеме флага я не видел...

Пришел он в себя наверное только к обеду, и то видимо кто-то из коллег-бычков его пожалел.

На предобеденном сборе в кают-компании он только дар речи и обрел.

Первый раз, говорит, в закрытом и опечатанном сейфе, банка шила — вдребезги.

Загадка природы какая-то.

Как же. Загадка природы... Физика...

И в конце, справедливости ради добавить хочу.

Идеи-то конечно инженера были, что да — то да, но...

Как всегда — о политработниках.

Вдохновителем, организатором и руководителем этой акции был освобожденный секретарь парткома крейсера. Его каюта как раз соседней была.

Чудны дела твои, Господи...

Хочется о вечном порассуждать...

О так сказать нетленном.

О том, что уже больше двадцати веков волнует души людей.

Да.

Хочется...

И сразу, в связи с этим — в голову приходит:

Ходил по Галилее проповедник с учениками.

Проповедовал, Учил, Исцелял...

О добре и чести говорил...

Нда-а-а-а...

Был у него ученик один... Иудой звали.

Знакомо?

Наверное всем знакомо, все нынче грамотные, и уж эту — то Книгу всяко читали. И вот об этом — то, об этом и порассуждаем, а?

Об Иуде и детях его.

Кто сказал — детей не было?

Были и есть у Иуды дети.

Не от семени его, не из так сказать чресел, но от души Иудиной.

От подлости его, той, которая всех нас так волнует столько лет уже...

И что...характерно:

Через эти вот расстояния, на рубеже двадцать первого века, — вдруг полезли, как грибы после щедрого летнего дождя в рост — дети души иудиной...

А рассуждать-то хочется начать 1991-го года... С того, памятного...

После путча уже, когда все успокоилось, но что впереди будет — еще непонятно, разговор у меня состоялся.

Друзья мои гражданские вопрос задали: «А с кем бы ты был, окажись в тот момент в Москве?»

Ну, в общем-то привычный вопрос: «А где вы были во время путча?»

Но задан — то он был мне, носившему в то время погоны. У меня в те поры — да и до сих пор ответ на это один:

«У военного человека есть присяга и устав. Там все написано о выполнении приказа».

Говоря проще получил приказ — исполни.

Если у тебя есть сомнения в целесообразности выполнения приказа — исполни его, а после обжалуй, в установленном так

сказать порядке...

А если ты встаешь на путь прямого невыполнения приказа — ты уже не военный. И надо тебя судить...

Так вот, будь я на месте тех, кто получил приказ о вводе войск в Москву — будучи военным я обязан был его выполнить... или не выполнить — и не считать себя более военным человеком.

А к чему бы все это я? Да к позиции отдельных так сказать военных...

Позиции господ — «товарищей» Шапошникова, Грачева и Лебеда — как раз тех, которые ОТКРЫТО НЕ ВЫПОЛНИЛИ ПРИКАЗ Министра своего, Язова.

Уж раз на эту стезю встали, то прежде чем совершить это уголовно наказуемое с точки зрения действующего законодательства преступление, они должны были доложить своему Министру, что выполнять его приказы они не собираются, не считают себя более состоящими не военной службе, со всеми вытекающими последствиями...

А уж потом, собрав своих подчиненных — сообщить им о своих действиях, и, после этого отдавать приказы, тапа:

«Учитывая, что приказ Министра Обороны я считаю неправильным, я его выполнять отказываюсь, с военной службы ухожу, и призываю всех последовать моему примеру — НЕВЫПОЛНЯТЬ ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ!...», ну и так далее, по фантазии.

Да-с!

Как вам это?

А есть другие позиции?

И как расценивать фактические деяния указанных господ? В каком аспекте?

Ходили за Учителем...

А потом, поцеловав на прощание — к Каифе, за тридцатью себрюжниками...

Осина по ним плачет.

И вот вопрос возникает — а не расширить ли слегка — на один порядок всего-то круг названных персон?

А?

Что получается?

Кто же пришел к власти в стране?

Иудины дети?

И тогда?

А в каком же времени мы живем?

Когда нами иудины дети командуют?

Как там, у Иоанна Богослова про царство антихриста?

Конечно, конечно. Я совершенно согласен — но! Приди к

власти человек, искренне, всю жизнь боровшийся с существующим режимом...Ну там Буковский какойнибудь, Щаранский, Сахаров, в конце концов...разные другие там борцы — диссиденты.

Боролись, побороли, встали у власти.

А вот так, съев последнюю краюху хлеба со стола Учителя — потихоньку уйти в ночь с задачей — ПРЕДАТЬ!

Вот и задумываешься.

И думается уже не первый год...

Его звали Кот.

Как и любой корабельный кот, он имел любимое место отдыха — на подшивке газеты «Правда», лежавшей на запасном столе в кают-компании.

Когда вестовые накрывали стол-«табльдот», Кот спал совершенно спокойно, даже не реагируя на звон тарелок ложек и вилок.

Но стоило раздаться команде по трансляции, оповещающей о конце приборки и зовущей офицеров в кают-компанию, Кот счастливо потягивался, выпуская когти, и жмурился, зевая.

Скоро будут кормить.

Кота любили все. Может быть, кто-то из матросов и обиделся бы на него, найдя где-нибудь на объекте заведования продукты кошачьей жизнедеятельности — но никто и никогда их не находил. Как Кот решал этот вопрос — не знал никто, но всех это устраивало.

Так что врагов у Кота не было... почти...

С подшивки «Правды» гонял его Зам — кто-то когда-то пошутил, что, мол, коты тянут темную энергию, и не зря, мол, не зря Кот на «Правде» спит...

Но с Замом Кот смирился, как смирился за всю свою короткую жизнь с отсутствием вокруг братьев и сестриц. Его принесли на Корабль совсем маленьким Котенком, только-только попробовавшим молоко из блюдца.

За то время, пока Корабль готовился в море, Котенок подрос и к выходу на долгие месяцы в море мог уже обходиться без молока.

В принципе, у него был еще один враг, Комдив, но Комдива уже два месяца не было на Корабле, и жизнь Кота стала в два раза спокойнее.

Кот совсем не хотел становиться врагом Комдива, но тени занавесок иллюминатора так весело играли на загорелой блестящей лысине Комдива... а Коту так хотелось поиграть...

Царапины на лысине зажили быстро, оставив после себя белые полосы и обиду на Кота в душе Комдива, так что пока тот

был старшим на борту, «вывозя» молодого Командира на первую боевую, у Кота был настоящий враг.

Потом Комдив сошел на другой корабль... — и тут кто-то пошутил насчет «Правды»... Жизнь без врагов не получалась... Но, в общем, это не сильно печалило Кота, ведь он не знал другой жизни.

По вечерам Кот любил приходить в каюту Командира. Здесь так сладко дремалось под теплым светом настольной лампы. А когда становилось скучно, можно было лапами постучать по дергающейся в руке Командира палочке, марающей бумагу, или на крайний случай крутнуть мягкие лопасти вентилятора... а потом подойти к холодильнику.

Конечно, кот не знал, что такое холодильник, но он точно знал, что вот из таких белых шкафов, откуда слегка веет холодом, всегда достают что-то вкусное.

Командир часто разговаривал с Котом и почти никогда не ругал.

Правда, иногда командир закрывал дверь в каюту, и оттуда начинало так вкусно пахнуть...

Но потом Командиру сказали, что Кот тоскливо сидит под дверью каюты иногда... ну, когда Командир запирается... и с тех пор Командир хлопал дверью холодильника, Кот слышал этот звук и бежал со всех ног в каюту... А командир чесал его за ухом и называл почему-то «шестеркиным»...

Обычно жизнь корабельных котов осложнена соседством крыс, но Кот попал на странный Корабль — на нем не было ни одной крысы.

Хуже всего Коту приходилось, когда Корабль попадал в шторм, он никак не мог привыкнуть к качке, и иногда ему казалось, что эти мучения придумывают злые люди, чтоб специально отравить его спокойную жизнь.

Но в общем-то легкую качку Кот переносил спокойно.

Когда корабль зашел в иностранный порт, Кота сначала долго искали, а потом нашли на площадке у самого гюйсштока, напряженно поводящего носом, ведь даже сюда, на рейд доносились какие-то чужие, береговые запахи.

Кота взяли на барказ и отвезли на берег.

Там Коту стало почему-то совсем плохо, ему трудно было ходить, ведь берег не качался под лапами, и вокруг было столько всего незнакомого, и запахи, запахи...

Кот очень испугался, распушил хвост, поднял шерсть на загривке, потом лег на брюхо и категорически отказался куда-нибудь идти, пока его снова не забрали в барказ, и палуба под ним снова привычно закачалась...

А сегодня на Корабле было какое-то странное — для Кота — настроение. Все ходили веселые, шутили и за хвост Кота дергали как-то весело, не хотелось даже обижаться.

Все говорили «Домой, домой» и вместо привычных синих штанов и шортов одели черные и синие длинные брюки.

Да и ветер был какой-то странный, холодно-неприятный и в то же время зовуще-бодрый.

Впрочем, к вечеру все успокоились, и, как всегда на ходу, когда командир был на мостике, Кот пошел прогуляться по кораблю.

Сначала он сходил в кают-компанию, но двери были закрыты, и даже вестовых не было на привычном месте.

Тогда Кот спустился палубой ниже, туда, где была кают-компания мичманов, но и там было темно и пусто...

Оставалась одна надежда — камбуз. Кот иногда заглядывал туда по ночам, когда почему-то очень хочется есть. Но сегодня с камбуза доносился к сожалению не очень приятный запах жареного... и даже слегка горелого.

Кот не очень любил жареное, он с БОЛЬШИМ удовольствием ел вареное или даже сырое мясо или рыбу, а тут пахло жареным. Очень сильно пахло.

Дверь на камбуз к удивлению кота была приоткрыта, и когда Корабль покачивался, тихонько хлопала.

Кот давно знал такие повадки корабельных дверей и поэтому смело проскочил, когда дверь в очередной раз полуоткрылась.

Как всегда в ночные часы на камбузе было пусто — то есть в этот раз совсем пусто, не было даже дежурного кока, который обычно во время таких визитов разговаривал с Котом и срезал ему кусочки мяса с косточек.

Вернее, он был где-то здесь, рядом, запах его ощущался, но самого кока не было видно.

Кот повел туда-сюда усами и вдруг заметил между большими горячими котлами, к которым он в общем-то очень не любил подходить, ботинок. Ботинок как раз и пах дежурным коком.

Сам Кок лежал, неловко повернув голову как раз между котлами и что-то тихо мычал.

Все это Коту очень не понравилось.

Раньше такого не было и не должно быть теперь.

Надо было что-то делать.

Кот дождался, когда дверь с камбуза приоткроется, и выскочил в коридор.

Некоторое время он соображал — что же делать, ...он никогда не встречался с такой ситуацией... и тут Коту стало страшно. Он не понимал отчего, но действительно он испугался...

и поэтому, может быть, от подступившего страха, а возможно от того, что он действительно не знал, что делать, — Кот заорал...

Ведь в сущности он был еще совсем не взрослым Котом, скорее, он себе представлялся большим, сильным и взрослым, но на самом то деле он был совсем еще Котенком, к тому же совершенно не знавшим кошачьей жизни.

Но орал зато он от души. Так громко, что проходивший рядом с люком палубой выше матрос-дозорный услышал его мяв и спустился к камбузной двери.

Дверь очередной раз приоткрылась на качке, и дозорный, увидев лежащего кока, бросился к нему, потом, громко крича какие-то слова, — которые кот почему-то слышал чаще всего от людей на корабле — убежал, потом снова прибежал, уже не один.

Вместе они вытащили кока из-за котлов и куда-то унесли.

Некоторое время по кораблю гремели команды, звенели звонки и бегали люди.

Потом все успокоилось. Кот тоже как-то сразу успокоился — ведь крики, звонки, команды — это все было правильно, как всегда.

Когда окончательно стихла беготня, Кот отправился спать под трап на мостик — там лучше всего было дожидаться, когда корабль снова проснется, и снова вестовые откроют кают-компанию...

.....

Днем, когда Кот как всегда потягивался на подшивке «Правды», а офицеры уже собирались к обеду, зашедший в кают-компанию Командир почесал кота за ухом, погладил и сказал:

— Вестовые! Котяру накормить от пуза, возьмите у продовольственника консервов рыбных. Надо его за вчерашнее поощрить.

И снова погладил Кота.

Кот так и не узнал, что своим мяуканьем он помог потерявшему сознание Коку, которого той же ночью и прооперировали. Кок сейчас лежал в лазарете, и все рассказывали, какую тревогу поднял вчера Кот.

Да в общем-то Коту это было и не особенно интересно.

Но зато он понял слова «рыбные консервы» и «накормить», и это ему понравилось.

Жизнь в общем-то удалась.

Разные командиры бывают.

Кого-то любят, кого-то не очень, кого-то просто ненавидят — чего уж скрывать.

Нашего — скажем так — любили не очень. Можно даже сказать, что вовсе не любили. Побаивались — да, уважали — да, но не любили.

А я — так вообще слюной брызгал иногда — так с ним контакта не было...

Но вот случай один произошел — и повернулось что — то. И командирские рыки принимать легче стало.

В семьдесят восьмом заходил отряд кораблей в Алжир. Ну Алжир — это не только страна, и столица у них Алжир, и порт Алжир соответственно. Хороший порт, молами защищенный.

Так вот ставили нас туда четыре буксира, и все равно за кран портовый слегка зацепили. Причина-то простая, молы так поставлены, что особо не развернуться, тем более такому, как наш крейсер. Кому поменьше — легче конечно, а нам с нашими двумя с лишком стами метров, высоченной палубой, с ее парусностью, и водоизмещением в шестнадцать тысяч — весьма сложновато.

Вот поставьте на стол левую ладошку ребром, слегка согнув пальцы. Это — северный мол. А правую — тоже ребром — примерно на уровне начала пальцев левой, и перпендикулярно ей. Это — восточный мол.

Вот туда, за восточный мол нас затащили, и поставили кормой к причалу, в аккурат параллельно восточному молу.

Все это так сказать диспозиция.

Суперпозиция. Крейсер, паросиловой, стоит кормой к причалу с отдачей обеих якорей. Водоизмещение и длина — смотри выше.

То есть чтобы выйти, надо отдать кормовые швартовы, выбрать якоря, повернуть направо под углом девяносто градусов, пройти восточный мол, по дуге вдоль северного, и по его окончании повернуть влево, градусов на сто двадцать... В общем лежащая латинская «S» в обратную сторону.

Наверное уже утомил подробностями, но что делать, в них-то и дело.

Ну так вот, визит был официальный, и прошел с блеском.

Посол СССР на борту крейсера официальный прием давал. Послы все были, и по результатам — почти все — в хлам. Правда инглишмен почти сразу ушел. Однако запомнился тем, что хоть и

в гражданском был, но на трап поднялся, по стойке «Смирно» встал на верхней площадке, голову — вверх и влево — флаг поприветствовал. И обратно когда сходил — то же самое. Морская нация, ничего не добавишь. А венесуэльцы — те первыми укачались, так, что жену посла их на руках с парохода выносили.

Последними из «капиталистов» фээргэшник с женой убыли, ну а «соцлагерь» до утра гулевали.

В общем оторвались ребята хорошо.

Через день — уходим.

Меня кэп всегда на швартовки ставил — а может совпадало просто. Но на этом выходе вахтенным офицером как раз я стоял.

На борту — соответственно штаб эскадры, значит на «мосту» — все кому нужно и не нужно, во главе с командиров эскадры.

Приготовились к «бою и походу» штатно, за два часа, крейсер, повторяю паросиловой, пока главные котлы ввели, пока то, се.

И вот после доклада старпома «Корабль к бою и походу готов», Кэп берет микрофон, включает ПЭЖ (пост энергетики и живучести), и дает команду механику, всех матросов, которым нести вахту у котлов и машин на выходе — подменить и построить на мостике.

Минут через десять — пока подменились — построились.

Кэп прошелся туда-сюда, и говорит:

— Моряки! Я решил выходить из порта без буксиров, самостоятельно. Справимся?

Вопрос конечно интересный, тем более что в машине им пополам, что там решили, исполняй, что машинный телеграф показывает, да и все. Промычал народ что-то типа «Так точно» в неопределенном наклонении...

А кэп продолжает:

— Якоря обтянем втугую, если удастся — выберем максимально. С отдачей кормовых швартовов — корабль начнет набирать инерцию вперед. Как только якоря встанут — я дам ход. К иллюминаторам!

Подошли морячки к иллюминаторам, смотрят — прямо перед носом — мол. С разбегу в него вписываться — ой как не хочется...

— Как пройдем форштевень БПК (у нас слева большой противолодочный стоял) — машины враздрай (то есть одна вперед работает, другая назад, кто морскую терминологию не знает). Возможно придется сразу работать полными ходами. Разворачиваемся — и пошли. Только если зазеваетесь, или машина вовремя не отработает — на молу сидеть будем. Поняли?

— Так точно!

Да уж.

А Кэп каждого из «машинеров»:

— Ты все понял?

— Так точно

.....

— По местам.

Разбежались.

Ну — «слава КПСС» — это тогда вместо «Помолясь»...

А дальше — как задумано. Обтянули якоря, кормовые отдали, па-а-алетели...

— Якоря встали!

— Обе вперед малый!

— Машины отработали!

— Обе вперед средний!

— Машины отработали!

— Правая назад полный!

— Машина отработала!

— Прошли нос БПК!

— Правая назад малый!

— Якоря чисты, к немедленной отдаче готовы!

— Левая вперед малый!

— Правая стоп!

— Правая вперед малый!

— Машина отработала!

— Руль право десять!

— Корабль катится вправо!

— Правая вперед средний!

— Руль лево двадцать!

— Левая стоп!

— Корабль катится влево!

— Левая вперед малый!

— Штурман, курс!

— Товарищ командир, курс.....градусов!

— Обе вперед средний!

Выскочили! Если только это слово применимо к слону в посудной лавке, лихо развернувшемуся на пятке, и выскочившему из этой самой лавки...

А сзади шапуля — загляденье.

В отступление, на секундочку.

Шапка для паросиловых крейсеров как бы фирменным знаком качества была.

Еще когда в далеком 68-м мы выходили в море на старой, 1939-го года постройки «Славе», и при проходе бонового заграждения нагнетающая вентиляция котельных отделений вдруг начала бешено выть — старые, заставшие еще войну мичмана радовались: «Годки шапочку дают!»

В принципе, когда паросиловой корабль идет — над трубой никакого дыма нет, при хорошей организации и обученности котельных машинистов.

Но!

Традиция на Черноморском флоте была — при последнем проходе бонового заграждения, перед самым увольнением в запас — шапку дать. Попрощаться, так сказать.

То есть так врубить котлы, что шапка черного дыма вылетала из труб корабля.

Причем самое во всем этом безобразии главное было — «отсечь» эту самую шапочку. То есть опять же так котлами управлять, что дымление из труб мгновенно прекращалось. Как отрезанное.

По этим вот признакам и определяли подготовленность котельных машинистов. В этом и был высший класс и высшая подготовка всей четырехлетней службы.

Начальство конечно ругалось, за «шапку» наказывало, но однако ж иногда, неофициально между собой поспоривали, у кого годки четче «шапочку» выдадут.

Да-а-а.

А тут уж, возвращаясь к теме рассказа — не до отсечки было. Весь Алжир в черном дыму. Пароход — он и есть пароход.

А на набережной — весь дипкорпус Алжира, наблюдают.

Командир эскадры по мосту мечется. Вторую сигарету чуть не в засос вытягивает:

— Ну, командир, ну лихо, ну утешил...Есть еще моряки...

Вышли мы. И пошли. А под вечер — телеграмма из Главного Штаба. Цитирую по памяти, уж может в чем и ошибаюсь:

«Ретранслирую телеграмму, полученную по дипломатическим каналом Министерства иностранных дел.

„Столица Алжира и дипкорпус с восхищением наблюдали за блестящим маневрированием крейсера. Никогда до этого корабль такого класса не выходили из порта Алжир самостоятельно. Советские моряки за четыре дня визита сделали для укрепления авторитета СССР больше, чем можно было ожидать. Посол СССР в Алжире“».

Стоит ради такого служить, а?

И сейчас считаю, что стоит.

И надеюсь, что нынешние моряки тоже служат не только ради зарплаты, но и ради вот таких моментов, когда сделано дело, и сделано хорошо, и сам рад этому.

И чье-то еще доброе слово еще больше греет и радует, и душа

поет, и хочется жить и жить.

А командир...

Чем больше лет с той поры проходит, тем понятнее он и ближе становится.

И все плохим казавшееся теперь полным вздором представляется.

А вот такие моменты — все ярче и ярче.

Так наверное и должно быть.

Раньше, в застойные так сказать, времена, большое внимание «рабочим династиям» уделяли. Вот и у нас в семье тоже «рабочая династия», только флотская получилась. Скоро век, как мои родственники морю служат. При этом, повторяю, династия именно рабочая, так как в общем уж очень больших высот в службе никто особенно не достиг, но по полжизни отдавали морю почти все родственники, да и до сих пор отдают...

Мы как-то даже смеясь почти целый офицерский экипаж сформировали, и командир был, и помощник, и механик, и связист, и штурман (правда «минус политработник») и даже химик.

И не без того- на боевой в Средиземном встречались иногда.

Но история — то не об этом вовсе, а о КРБГ-5.

Это — корабельный бета-гамма радиометр. Хорошенький такой приборчик, и цена у него, тоже, хорошая. Вместе с серебряно-цинковыми аккумуляторами — на стоимость «Волги» ГАЗ-24 тянул. Но про цену я потом узнал.

К каждому такому приборчику источник ионизирующего излучения прилагался, для тестирования. Ну источник, кто не знает — коробочка пластмассовая, в ней — капелька металла.

Радиоактивного.

Присказка кончилась.

Я обязанности старпома принимал далеко то родной базы.

Не знаю как другие — а для меня эта должность выстраданная и выслуженная была, и ощущал я себя ну прямо как тот молодой старшина из рассказа Канецкого — йогом высшей квалификации. Все могу. Все умею. И все время себя как бы со стороны наблюдаю.

Командиры боевых частей рапортами доложили, старшины отдельных команд — тоже. Вопросов нет. Осталась химия, которая на кораблях второго ранга — прямо на старпома замыкается. Тут проблемы оказались. Какая-то там железка разграбленной оказалась, что-то еще по мелочи. А в самом конце приема химии подходит командир отделения и тихонько так докладывает, что мол нету одного источника радиоактивного излучения.

Что? Источник? — а, ерунда. Придем в базу — новый получим (говорю же, йог!)

Принял я дела и обязанности — и закрутилось — задачи сдавать, времени на подготовку нет почти, а нигде конь не валялся, в общем, белка в колесе, задачи конечно подавали, к

межфлотскому переходу подготовились, проверки прошли — вышли.

Про этот источник — что-то и не вспомнил никто из проверяющих. Ну и я позабыл — не напоминают — конечно забудешь.

Пришли в Город, опять — отработки, задачи, док, ввод в первую линию — «не до грибов» — по меткому выражению.

Но, в конце концов — вышли на боевую. Служилось — без кривды скажу — в удовольствие. Вот уж сколько лет прошло, а такой радости от службы, причем не только у меня — что бы я смог один сделать — у всего экипажа, от командира до последнего молодого матроса — ни до ни после не было.

Служим. Постепенно — а корабль на эскадре лет шесть не был, привыкают к нам, и оценки нормальные пошли, и все по-хорошему.

Пока телега не пришла. А в ней — все честь по чести, мол так и так, один незадачливый подчиненный, мечтая насолить начальнику, заправил под обивку стула последнего личнокраденый источник ионизирующего излучения. Вследствие чего начальник госпитализирован с раком простаты. Посему — работникам ООКГБ проверить, а командованию — допустить к проверке... и т. д.

Вызываю химика. И тут то он мне и напомнил забытое обещание добыть новый источник... взамен отсутствующего...

Непохорошело слегка.

Как уж мы там решали и крутили — не упомню. Однако ушел от нас товарищ удовлетворенный полностью. Все источники на месте, хранятся правильно... и т. п.

Но проверка-проверкой — а проблему-то надо решать.

А тут как раз — по соседству, в точке — на одном суденышке братец мой — химик обретался. Были у нас такие группочки — отделение, командир отделения — офицер, сидели по разным пароходам в точках, для решения некоторых «спицифицких» задачек.

Прихожу к нему. Так мол и так, что посоветуешь. Он — чуть не в истерику, что мол источник этот восстановить нипочем не получится, и вообще мол извини, брат — но жопа у тебя. То есть в полный рост.

Нда. Посидели, чайку попили, и тут мысль военная — то есть по определению — парадоксальная мне в голову приходит. Ладно. Если нельзя восстановить — значит надо уничтожить. Путем списания.

А можно ли — говорю — брат, к тебе официально обратиться, за помощью в ремонте того же КРБГ.

Тот на меня посмотрел слегка недоуменно — в принципе — отвечает — можно. Старшина команды моей — техник по этим как раз приборам. Мастер военного, так сказать, дела. Но толку — ... Проще к сириякам обратиться. Да только кто же даст.

Ладно, говорю. Обращусь — а ты уж будь добр — не отказывай. На том и порешили.

Пришел я на родной пароход, вызвал к себе химика своего. Поговорили мы за жизнь и службу — и -...

Дней через восемь, на докладе по результатам проворачивания химик озвучивает, что мол, КРБГ из кормовой аварийной партии — не в строю.

Доложил я это дело Кэпу, и между прочим — в группе химиков на соседнем пароходе — мастер военного дела есть. В аккурат по этим самым приборам. Может помощи попросим? — Тот дал добро, телеграммой официальной запросили — и от химиков тоже — добро, привозите мол, посмотрим.

Спустили барказ, химик мой с рожей серьезной прибор принес, к нему вся трихомудия прилажена, в виде инструкций, формуляров, и т. д. и т. п.

Па-а-а-ехали.

Барказ до парохода дошел благополучно, постоял там минут несколько. Крики оттуда вдруг пошли. В основном матерные — пароход-то тот на ветру стоит, хорошо слышно.

Ладно.

Возвращается барказ — химик на трап подымается — в полной прострации... Вот, мол, хотел как лучше, и не удержал... уронил. Утопил...

Ну, я его конечно, растоптал тут же, принародно. Слова всякие наговорил. И объяснительную писать отправил.

Потом — от брата и его химиков — тоже объяснительные взяли, акт составили, и — списали бедолагу КРБГ напроць.

Пришли потом в базу, отдохнули, я химика — в отдел отправляю, акты на списание у главного химика утвердить.

Является к вечеру — довольный.

Докладывает. Прибыл, по результатам боевой службы — доложил, сувенир — маску лично из пальмы вырезанную — вручил. Начали акты подписывать. Дошло до КРБГ — и тут начальник отдела — на дыбы. Да знаешь ли, сколько он стоит, да как новая «Волга» да то, да се.

Толку-то. Утоп, блин, на глубине 105 метров — вместе с принадлежностями и формулярами. Вот акт. Вот объяснительные.

А начальник — мол да не может быть, да не подпишу... — и, тут химик мой паузу сделал — тут, за столом у него, у начальника — старлей сидел. Вроде — лицо знакомое. Вот этот

старлей — и говорит вдруг:

— Товарищ капитан первого ранга. Все при мне было. Я сам видел, как прибор в воду упал... И вообще. Старпом этот — мой брат. Помогите?

Начальник на одного посмотрел — на другого — и - подписал.

.....

Но что больше всего с годами меня интересует — куда ж этот самый источник делся.

И не найду ли я его когда нибудь — по закону подлости и всей прочей диалектики — в своем кресле. Ведь говорят эта зараза с громадным периодом полураспада...

А то что-то не то последние годы...

То есть — еще пока ничего — но...

Лисс...

Мой Лисс...

Встречавший меня вечнозелеными лианами и желтыми обрывами, теплом нагретого камня парапетов своих набережных и лабиринтом улочек и переулков цветных горок, тенистыми аллеями над йодистым запахом бухт...

В который раз пытаюсь я вырвать с корнем из памяти долгие годы восхищения твоей ослепительно белой красотой, твоими незабываемыми закатами, бесконечными лестницами, ведущими кажется прямо в твое бледно-голубое небо и твоими брусчатыми гранитными мостовыми, по которым так трудно было идти строевым шагом. и по которым так легко бродилось с юной красавицей, в глазах которой горели кусочки твоего солнца, мой Лисс, и щеки которой были покрыты нежным пушком — как у твоих молодых персиков, мой Лисс...

Есть люди, которых предают...

И есть люди, которые предают...

И есть города, которые предают...

Твои сыновья предали тебя, мой Лисс...

...Их, рожденных в этом городе, встречали плакатами:

«Родину в аренду не берут!»

А они взяли... Как и чем объяснить предательство...

Как и чем его объяснить?

Те, кто когда — то произнес «Если я нарушу эту торжественную присягу, пусть меня постигнет гнев и презрение...»

И нарушили ее. И остались с тобой. Как ты их терпишь, мой Лисс...

Как ты терпел тупое, мерное движение по твоим улицам колонн захватчиков — сначала под «Юнион Джеком», потом под свастикой, а.....

Так терпел только Иисус — страдая за всех нас, — а за что страдаешь ты, мой Лисс...

Может быть тоже за все наши грехи, грехи твоих сыновей и дочерей, если верить старой легенде...

Прости нас, своих неразумных детей. Мой Лисс...

Ты живи.

Ты воспитывай новых капитанов Греев — с летящей душой, влюбленных в море, с капелькой твоего щедрого солнца в крови...

.....

...на окне — косые капли дождя. Сумерек. Но еще не скоро

зажигать лампу...

В расплаве дождя — фонари, фонари большого и сырого города...

А перед глазами другой, пропитанный запахом моря и солнца, с белыми колоннами, и извивами виноградных лоз, лежащий у моря на теплой ладони, город бескозырок и фуражек, камней и платанов...

Мой Лисс...

Прощай...

Мудрый как змей

В разгар борьбы с пьянством на флот прислали борца с употреблением алкоголя среди офицеров и мичманов. Целого полковника — психолога от медицины...

Взялся за дело он весьма рьяно. Несмотря на лето Севастопольское с его солнцем, пляжами и морем — все предложения по этому поводу отверг с негодованием, затребовал из комендатуры данные о задержанных в нетрезвом состоянии офицерах и мичманах, и стал вызывать их.

Разговор происходил всегда по одной схеме:

— Вас задержали в нетрезвом состоянии?

— Так точно!

— Вы много пьете?

— КАК ВСЕ!

— Как это как все? На Новый год пьете?

— Да!!

— А на день рождения?

— Да!!..

— А на 23 февраля?

— Да!

— На восьмое марта?

— Да...

— На первое мая?

— Да..

— На девятое?

— ...

— На день ВМФ?

— ...

— День рождения жены?

— ...

— Детей?

—

.....

.....

И так далее, и так далее...

И в заключение:

— Значит, КАК ВСЕ? Вы пьете круглый год! Вы — законченный алкоголик!

.....

Выявлял он алкоголические массы флота всю неделю, а тут и командировка к концу подходит... С водичкой в Севастополе всегда неважно было, уговорили его в общем на баньку.

Но! Борьба с алкоголизмом — и главный борец!

Так что ни-ни!

Однако на всякий случай запаслись...

И вот, когда московский борец очередной раз с видимым отвращением принял, после парилки, стакан минералки, самый решительный из флотских осмелился:

— Юрий Васильевич, а Вы сами-то как к выпивке относитесь?

Тот помолчал, минералки глотнул.....

— Как, как, КАК ВСЕ!...

Ну вот, мы вспомнили всех, и перебрали все, что вспомнилось.

И оба смотрим на пустую сейчас Городскую бухту. И нам обоим кажется, что в ее пустоте не хватает...

...Глухое, басовитое гудение нагнетающей вентиляции котельных отделений.

— Товарищ командир, до бочки сорок!

— Отдать левый! На клюз семьдесят! Правая вперед самый малый, левая назад малый!

— Барказ пошел к бочке!

— Есть! Обе стоп!

И легкий вестовый бриз плавно понес корму твоего крейсера к кормовой бочке...

И гуляющий по Морскому бульвару народ задерживался. Чтоб полюбоваться на этот элегантный пирует четырнадцати тысячетонной махины... Ведь тогда в нашем Городе каждый первый ходил в море. А каждый второй не понаслышке знал, что такое швартовка...

Я всегда стоял у тебя вахтенным офицером на швартовках...

Я тоже вспоминаю это...

А как мы летели из — под Одессы?

За сутки перед этим, ты заглянул в кают — компанию, и, улыбаясь, сказал:

— Кто знает, чьи друзья куда пошли, в какие кабаки, к каким бабам — срочный выход, собираем всех кого успеем!

И мы ушли.

А потом никто не мог понять, куда мы так торопимся?

Все было просто — ты хотел сдержать данное слово. И ты успел...

Я тогда не понимал, что ты учил меня, как учил и всех остальных. Учил тому, что надо держать слово.

Чокнемся, командир!

Сделаем по глотку ароматного «Борисфена»...

Медленно вползающее в море солнце вдруг высветило белые пряди в твоих светлых волосах.

Я никогда не замечал твоей седины. Твои черные подглазья, после бессонных ночей на «мосту» — да, опухшие, не влезающие в тропические тапочки ноги — да, «стекшие» вниз щеки — да...но не видел седины.

А ты увидел мою.

Помнишь, мы встретились случайно на причале, через год

моего командирства?

И ты сказал:

— О! Седеешь! Нелегко дается?

Мы посмеялись тогда, и я ушел от ответа.

А сейчас могу сказать.

Да.

Ой, как нелегко дался тогда этот первый командирский год, с семимесячной боевой службой, с ломающейся матчастью, с заботами и бедами всего экипажа, и тысячами тонн корабельного железа, и тем особенным командирским одиночеством, которое может понять только тот, кто через него прошел сам, вдруг как — то разом свалившимися на плечи, еще не привыкшие все это держать.

Нелегко.

А твой первый командирский год? С тем страшным пожаром?..

Чокнемся еще.

И помолчим...

Ну да.

Я тоже вспоминаю тот выход.

С Канонерского стенда — когда поднявшийся шторм рвал стапятидесяти миллиметровый «капрон» как нитку, когда налетавшие шквалы швыряли корму из стороны в сторону, когда нос крейсера плясал между выходных молов, и казалось, что мы никогда не сможем их проскочить...

Наверное именно тогда ты ощутил, что можешь. Именно тогда родился тот выход из Алжира — так никто до тебя — и никто после тебя на таких больших кораблях из Алжира не выходил...Расписавшись латинской «S» между молов, там, где казалось и буксиру — то трудно развернуться...

Это был блеск высочайшего уровня умения управлять кораблем, тот, который приходит к настоящим морякам, отдающим всю свою душу этому казалось бы неповоротливому стальному монстру — и стальная душа вдруг раскрывается, и начинаешь чувствовать все ее движения и порывы, и еще до того, как нужно будет, ты уже знаешь, что нужно скомандовать...

Иногда мне кажется, что я тоже ощутил душу своего корабля.

Не сразу. Совсем не сразу, но он стал вдруг понятен мне, и все его движения я ощущал как движения своей руки, и не надо было думать, чтобы махнуть рукой, или сжать пальцы в кулак...

И этому тоже научил меня ты. За те годы, когда ты «дергал» меня на мост на все швартовки, на проливы, на каналы...

Спасибо...

Надеюсь, я чему — то научился.

Ну, еще по глотку.

Солнце только узким верхним краем еще цепляется за горизонт.

За нас! За моряков!

— Я завидую тебе... У тебя сын. Моряк.

А вот этого я не ожидал.

Не завидуй, командир. В чем — то те, кого учил ты, а потом учили те, кого выучил ты — твои сыновья и внуки. И они ходят в море!

Пойдем. Пройдемся еще несколько минут Морским бульваром...

Я знаю — и ты тоже видишь в сгущающихся сумерках громаду нашего — твоего крейсера на флагманских бочках Города.

Ты слышишь приглушенные расстоянием команды с вахты.

Распев склянок...

И все постепенно скрывается в южной ночи.

Не грусти, командир.

Ведь мы хорошо делали ДЕЛО.

Правда?...

Давай поговорим.

Это ничего, что между нами две с лишним тысячи километров.

Я надеюсь, что ты услышишь меня сегодня — давай поговорим.

Скоро Новый Год.

Скоро наши с тобой дни рождения. У тебя — в последний день года, у меня — еще через несколько дней.

Мы стали старше, еще старше, на целый год. Это в молодости не замечаешь лет и радуешься дням рождения, — а мы почти старики.

Я старше тебя — но твой век короче. И если не по годам — ты все — таки старше...

Мы уже давно не вместе. Скоро, через два года — двадцать лет.

Доживем ли?

Доживем. Хочется дожить. Хоть до какой — то дурацкой, выдуманной даты, какого — то рубежа, грани.

Да ладно об этом...

Просто повспоминаем.

Помнишь, как мы познакомились?

Хмурый зимний средиземноморский денек...Честно скажу. Ты не очень понравился мне тогда. Я думаю, ты это почувствовал.

Может быть, поэтому и сердился на меня немного...

Я даже слегка побаивался тебя. Я не понимал тебя — твои повадки, движения.

Правда, ты не подводил никогда меня в ответственный момент — ни разу за те семь с половиной месяцев. Но правда, признай — взаимопонимания у нас тогда не выходило.

Наверное, тогда мы еще только притирались друг к другу. И мы справились...

Ты помнишь, какое счастье было, когда мы вернулись?

Как ты согрел нас с женой в ту ночь. Ночь прихода.

Может быть, именно тогда в наших с тобой душах, что — то изменилось... И с той наверное, ночи мы и стали ближе и ближе друг к другу. А может быть и позже.... Но все твои — как точно сказать не знаю даже — порывы, выверты, да мысли, в конце концов — оказывались мне все понятнее, как свои собственные, и все меньше становилось сомнений и неуверенности...

А помнишь, как мы встречали тот Новый Год?

Когда нас с тобой двое суток мотал циклон, а надо было

принять груз — новогодние елки для других...Здорово мы тогда спрятались под Гавдосом, в том маленьком кусочке нейтральных вод, и построили новогоднюю гирлянду.

Вас тогда было трое — борт о борт...

И потом, в Хамамете, в новогоднюю ночь, у твоих бортов матово отсвечивали две твои подводные подружки...

Он принес нам расставание, этот год. Но тогда мы не жалели об этом.

..Смешно, а ведь американцы тебя побаивались. Помнишь, как этот плавучий остров «Америка» удирал от нас?

Он наверное думал, что мы с тобой не одни, что где — то рядом, здесь наша подруга с черной спиной, спрятавшаяся от всех за твоим шумом. Не зря они так тщательно обвеховывали нас буями...

А ту безумную работу, когда надо было снимать все с еще одной хищницы, в Триполи...

Когда мы с тобой так торопились — и не успели совсем немного.

Но зато ты успел увидеть, как с плавучих островов поднялась стая маленьких злых зеленых мушек. Десятки мушек.

А я успел передать об этом — «массовый взлет авиации с авианосного ударного соединения».

Нам тогда сказали спасибо.

И на том спасибо...

Мы ведь для этого с тобой и служили?

А потом мы все же расстались.

Тебя я отвел на лечение — это у вас называется ремонт — а сам уехал.

Были ли у тебя еще такие же, как я? Наверное, да. Такая уж у нас судьба — тебя не спрашивают, когда дают Командира...

А вот у меня больше таких не было. Никаких не было.

Нет, конечно, ты помнишь, я еще долго приходил и к тебе, и к твоим друзьям, и я был в твоём и их мозгу — на ходовом — но никогда уже я не был тем центром, тем метрономом, к которому тянется вся твоя железная душа...

И я тоскую по тебе.

Как ты сейчас там?...в серо — зеленых водах Троицкой...

Я знаю, ты стоишь, утопив якоря в мягкий, засасывающий ил. Горько наверное.

Ведь мы с тобой вряд ли снова пойдем в море.

Вряд ли снова ощутим пронизывающие кожу и сталь, сердце и душу соленые брызги...

Не качнемся согласно навстречу волне, не полюбуемся на синеву Средиземноморской воды, на пронзительно желто —

зеленые острова Эгейского...

Жаль, правда?

Но давай не будем больше грустить.

Мы хорошо поговорили сегодня.

И ведь скоро Новый Год.

И наши дни рождения.

С Новым Годом.

С днем рождения.

Будем жить.

Пойдем, товарищ.

Перенесемся на тридцать лет назад.

Пойдем.

«Поводим обезьяну».

Помнишь, мы говорили так, когда собирались прогуляться по городу, заходя во все те места, где наливают.

В любые годы, какие бы указы и постановления не принимались...

Это сейчас Город заполнен заведениями.

А тогда...

Честное слово, я все больше и больше люблю их.

Годы нашей молодости, Годы беззаботной юности.....

А начнем мы конечно с «Холла» в гостинице «Краина».

Для разминки фифти-фифти, коньяк с шампанским.

Да какие там трубочки, залпом, это ведь так, для хода, мы не собираемся пока нигде задерживаться...

И потихонечку, мимо «Пятачка» на «Адмирале» — мы еще вернемся сюда, пройдя полный круг, по солнечной стороне Большой Океанской, двинемся к площади под ёлкой...

Вот он, «Бочонок»...

Спустимся, открыв тяжелую дверь, с коваными петлями...

Ликер, ликер, именно здесь мы выпьем по пятьдесят ликера, чтобы потом уже не возвращаться к этому напитку, нам еще долго бродить по городу...

И снова, поднявшись на солнце — а интересно, почему на Океанской почти все заведения на солнечной стороне, пойдем все дальше и дальше, любуясь на серые от времени стены, решетки и колонны. Мы будем нескромно заглядывать во дворики, где запущенные и давно не работающие фонтаны, полусгнившие рейки скамеек и неторопливые городские старушки...

Городские старики умирают рано...

А старушки живут, и с ними живет память и история этого города, дважды возрождавшегося из руин усилиями всей страны... и преданного своей страной... Но он еще не знает своей судьбы, этот город, что ему, ведь на дворе семидесятые, бесшабашные семидесятые...

Пройдем мимо пивбара, заглянув на секунду, нет ли там знакомых... вон они, уходящие вглубь земли лампочки, куда — то далеко в полусумрак... сколько легенд ходило о Городских подземельях, и одна из них связана как раз с этой штольной... Ладно, нам — дальше, уже совсем рядом, вот она, «Снежинка», и

мы не пропустим случая...

Как там у нас кофе с коньяком? А то же самое без кофе? Очень хорошо. Постоим у стойки, смакуя «Чайку», и снова полюбуемся известковыми сосульками и снежинками в слюдяных блестках на светло — голубом фоне стен.

Но вперед, вперед, дружище! Нас уже ждет «Льдинка».

Здесь еще в пятидесятые была стограммовочная...и сюда любил заходить мой отец. Зайдем и мы, и закажем кофе с коньяком...без кофе естественно.

И двойную порцию.

И посидим минуту.

И помолчим.

И просто поглядим в стекло стен на неторопливо текущую городскую толпу, на поднимающихся к «Победе» людей... на тормозящие городские троллейбусы.

Если бы я был поэтом,

Я написал бы оду

Посвященную городским троллейбусам...

Набитой в дни увольнения «шестерке», неторопливой «двойке», рабочим «единичке», «семерке» и «девятке», вечно кружащей «пятерке».

Но я не поэт.

Поэтому просто — за городской троллейбус, за те мимолетные знакомства, за разлуки без печали — и... дальше, дальше...

К площади под елкой, и мы пойдем, неторопливо, покуривая «Ту-134»...

Вот и «Ключик»... Естественно, мы заглянем сюда, и попросим кофе. Да, с коньяком. Да, с двойным.

Отсюда начинается самое интересное на нашей дороге.

И смотри — наша «обезьяна» уже начинает подниматься на задние лапы, и пытается на них ходить...

Нда-а-а-а...

В канонербухтенную стекляшку мы сегодня конечно не заглянем...мы гуляем, и еще не пришло время посидеть и поговорить...

Мы наконец-то вышли на городской «брод», но сначала, не переходя на морскую сторону, зайдем в ближайшую арку. Для тех, кто не знает — это просто столовая № 1. Пусть им...

Но мы-то знаем.

Волшебный дворик, с зеленой верандой, увитой еще спящим сейчас виноградом... и виноградным вином. Возьмем по чуть-чуть, полстаканчика. И отломим уже набухшую почку винограда

на закуску... и терпкость древней ягоды войдет в нашу кровь...

И снова, вперед и вперед, нам еще идти и идти, по «броду» и дальше, «по вождю», возвращаясь туда, откуда мы начинали...

Мы сегодня не будем почти нигде подолгу останавливаться...

Но в «Чайку» мы конечно же зайдем, и присядем ненадолго и возьмем бутылочку «рислинга».

Что может быть лучше рислинга в этот солнечный весенний денек, когда деревья на бульваре уже покрылись легким малахитовым налетом, но еще свеж норд-вестовый ветерок, лениво шевелящий воду канонерской бухты...

Мы посидим и полюбуемся на редкие еще паруса у яхт-клуба, на желтые откосы Хрусталки, на белый равелин на той стороне бухты...

Но нечего засиживаться, тем более, что наша обезьяна уже вполне встала на задние лапы — встанем и мы...

И мимо застывшего навеки над бухтой орла, якорей, и камней бывшего городского пляжа потихонечку пойдем к «Прибою»...

Сколько сиживало здесь народу — и мичмана, и лейтенанты, и адмиралы. Его так любил Чурсин...

Но мы туда сегодня не заглянем, мы по самой кромке набережной подойдем к гроту под «Прибоем», и возьмем по стакану «Городского игристого», и посмотрим на склоняющееся уже к входу в бухту солнце сквозь его рубиновые пузырьки...

За нас!

За Город!

За флот!

И выпьем не спеша, врасстяжку — как торопиться с этой солнечной радостью — и посмакуем терпкую кислинку во рту...

И под Поцелуевым мостом — мимо «Яиц», двух уродливых стекляшек направимся прямо в «Рванный парус».

По полстаканчика муската — и все.

Нам уже пора перекусить, и хоть наша обезьяна вождественно осматривается в поисках еды — мы таки пройдем еще совсем немного, прямо под «Фантомасом», сокращая дорогу, оставив слева грустного Павла Степановича, которого развернули после войны спиной к так горячо любимым им кораблям — прямо в «Козью жопу»...

Привет, привет, наша старая знакомая буфетчица. Как лихо она наливает «четыре по сто-пятьдесят» из одной полулитровой бутылки! Это класс... это надо видеть...да бог с ним, не в пятидесяти копейках дело...

Здесь, под старым деревом, здесь, где по рабочим дням, после восемнадцати встречается весь флот — и дивизия, и гидры, и

овсига, и штаб — здесь мы перекусим.

Здесь место не назначенных встреч и долгих разговоров.

Будь а американским шпионом, я бы спился именно здесь — и ценней моей информации не было бы в анналах ЦРУ.

Ну вот. Наши ноги стали тяжелеть.

Но еще зовет нас дорога по «Вождю» к «Станюковичу», чтобы зайти в «Лакомку».

И выпить кофе с эклером.

Здесь всегда самое вкусное кофе и самые свежие эклеры.

Осторожно, осторожно, что-то наша обезьяна пытается съехать с высокого стула...

Пора...

Уж короткие южные сумерки цепляются своими щупальцами за штык героев-комсомольцев.

И мы побредем, здороваясь со знакомыми домами и памятниками к Поэту — мы еще помним, как он горделиво стоял посередине площади, встречая всех, поднимавшихся в город с пересыпи... мимо комендатуры, пельменной, библиотек, и снова выйдем на «Адмирала».

Ну как?

Никто не хочет попить?

На «Пятачке» сегодня на счастье работает пивавтомат...нет? не хочешь? И обезьяна тоже не хочет...

Тогда — на «двенадцатый» — и по домам.

День кончился.

Обезьяна идет в клетку.

До встречи...

Неглавкомовская стрельба

Раз уж пушка на корабле стоит — значит должна стрелять хоть иногда.

Как у Чехова в пьесах ружье. Висит себе на стенке, для красоты вроде бы. Но когда — то же да и стрельнет.

Конечно, конечно, не дивизия крейсеров, и калибр помельче, и задачи пожиже — но раз в курсе боевой подготовки прописано — пожалте бриться.

Вот и стреляли. Причем чаще всего на боевой, в Средиземке. Нам ведь обеспечения не надо, по имитатору пальнули — и слава богу, да и штабу бригады полегче, не надо в базе с нами возиться, полигоны заказывать, прочую ерунду.

Да и задачи тоже в Средиземке сдавали, а уж без выполнения стрельбы — всяко не сдать.

Ну так вот, на боевой, начало учебного года (а он в Вооруженных Силах, кто не помнит с первого декабря начинался), задачи сдаем потихоньку, осталась малость сущая — артстрельбу выполнить.

За неделю до срока вызываю командира БЧ-2, артиллериста, старшину команды радиотехнической, мол как дела, проблемы какие. Те — все по плану. То есть готовимся, проверяем, личный состав отрабатываем... Добро.

Только вот радиотехнический мичман мой что — то подергивается слегка вроде, когда «Все в порядке» докладывает.

Чувствую не то что-то.

Дня через два корабельное учение по отработке артстрельбы назначил. Тревогу сыграли, старпома на мосту оставил, а сам в пост стрельбовой. Захотелось собственным выпуклым военно — морским глазом посмотреть, что у них там и как.

Спускаюсь.

Мичман дергается вполне уже явно.

Молчу пока, наблюдаю. Цель от имитатора запустили, команды нужные даются — а дело не идет. Не сопровождает пушка наша цель.

То есть дергается куда — то совершенно бессмысленно. А это одно значит — счетно — решающий прибор не задачку стрельбы, а чушь какую — то решает.

Надо сказать, что командиром я тогда был молодым, во все вопросы сам влезал — порой совершенно не на пользу дела. Вы мол все тут дураки набитые, а я — иерой на белом коне, вишнёва косточка. И прошлое, кстати, у меня вполне ракетно — артиллерийское. Старпом кстати той же породы был.

В общем. Вы тут все. Стоять рядом, смотреть зорко. Я сам.

Взяли мы со старпомом книжки умные, как счетно — решающий прибор настраивать, сели, начали крутить.

...Забыл я тогда в своей командирской гордыне, как зеленым еще лейтенантом на крейсере одной простой отверткой так матчасть раскурочил, что потом бригада мичманов три дня налаживала.

Мой командир БЧ-2, первый ракетчик Черноморского флота сказал тогда — как диагноз поставил. Эту фразу мне долго потом вспоминали. Если отбросить все эпитеты и прилагательные, то звучала она так: «Этого лейтенанта с отверткой в посты не пускать!»

Оказалось что диагноз тот был пожизненный...

Крутим.

Чем больше крутим — тем соответственно хуже дело. То есть если раньше хоть в первом приближении, то теперь цель в одну сторону, пушка — совсем в другую. Полезли всерьез. Опять же отвертка в руке, умное лицо...

И вдруг в какой — то железяке что — то ощутимо щелкает. То ли сельсин это был, то ли синусно — косинусный вращающийся трансформатор — уж не упомяну за временем.

А железяка эта — ну самая вредная оказалась — задающая во всем счетно — решающем приборе. То есть от нее все ноги и росли. А случилось с ней как раз то, что одним словом называется — откуда ноги и растут. Подпружинена эта сволочь была. Обыкновенной пружинкой спиральной, типа часовой, как в будильнике. Вот эта пружинка и лопнула у самого основания.

Да какая беда, казалось бы! Обломанный кончик вытащили, выкинули, по — новой пружинку в железяке закрепили, ее саму — на место.

Тогда и пришел флотский зверь. То есть полный окончательный и бесповоротный писец.

Счетно-решающий прибор не решал вообще больше ничего.

Нет, конечно, вполне возможно, что он решал задачу ориентирования какого — ни будь спутника земли на отдельно взятом участке траектории. Все может быть, но нам это совсем не помогало.

Стрельбу не отстрелять.

Можно конечно было, если бы на эту как раз стрельбу не должен был придти флагманский артиллерист эскадры, так как стрельба наша закрывала план боевой подготовки.

В общем жопа в полный рост.

Делать нечего, вызываю на связь флагарта, так мол и так, прошу направить ко мне вашего техника — инструктора для

оказания помощи.

Тот помолчал-помолчал, соображал видно что-то — и: "Хорошо. Пришло".

Пришел под вечер его мичман. Посмотрел на наш безобразие. Да, говорит. Это все.

Зарядил я ему пару бутылок шила корабельного, чтоб доложил обстановку правильно, отправил назад...

Он видно совсем правильно доложил.

Уже не я, а меня флагарт на связь зовет, как мол дела?

Работаем, отвечаю.

Он осторожненько так, ты, говорит, понимаешь, что план боевой подготовки всей эскадры под срывом?

Понимаю...

Так вот вы там давайте решайте, стрельба должна быть выполнена. Как понял? Понял, чего уж тут не понять.

Ну а пока суть да дело — уж и не знаю, как мичман мой радиотехнический добился того, что по курсу пушка мишень сопровождает. Но вот по углу места — по возвышению то есть — никак. Торчит как х... перед свадьбой.

Время впереди — ночь.

Как уж мы решение принимали — долго описывать. У ученых это «мозговым штурмом» называется. Если б у нас мозги были... а так ведь сплошная кость.

Ладно.

В конце концов решили, что гений наш главный радиотехнический спиной во время стрельбы счетно-решающий прибор прикроет, и вручную будет ручку угла места крутить.

Попробовали пару раз. Вроде получается, только от усердия мичман слегка по прибору елозит задницей.

Ну да не театр Вахтангова, обстановка боевая.

Тем временем утро на дворе.

Доложили — готовы...

Пришел флагарт, снялись, вышли. Рожи у нас конечно те еще были — как будто всю ночь водку пили, перед стрельбой артиллеристы по традиции не бреются, глаза от бессонной ночи красные. Кролики, блин. Всю ночь трахались.

От точки якорной отошли миль на несколько, тревогу сыграли.

Флагарт — в пост, мы со старпомом на мостике, откомандовали, что надо, из поста доклад, что «залет» пошел, то есть цель имитированную запустили, цель сопровождается устойчиво, соответственно — огонь!

Артустановка лихо боезапас через каналы стволов за борт выгрузила, и по курсу, и по углу места цель сопровождает, то есть

двигается. Отстреляли в общем.

Пушку проверили, дали отбой тревоги.

Спустился я в каюту, флагарт из поста поднялся. Сидим, пьем чай. Молчим. Время на якорь становиться, меня на мост вызывают, тут флагарт заговорил:

— Стрельбу на четверку оцениваю. Уж больно твой мичман здорово танец живота на счетно-решающем выдавал. Лихо задницей прибор полировал... Конспираторы хреновы...

Так и закрыли мы план боевой подготовки эскадры. На четверку.

.....

Работяги с артзавода, в базе, оценили разрушение матчасти в шесть литров спирта.

При этом отметили, что такого талантливого разгрома боевой техники в мирное время встречать еще не приходилось...

Остановите музыку

Это песня такая была, если кто не помнит.

А у нас проблема была из-за музыки.

Пароход из ремонта выходит, ходовые испытания крутятся, а нас работяги задрали. Мы, офицеры БЧ-2 — в одном отсеке жили. А палубой выше — рабочих-наладчиков поселили.

И каждый-то у них вечер, переходя плавно в ночь, часиков до двух — музыка, песни, топот, девки — монтажницы визжат. Тут спать сил нет как хочется, на мост через четыре часа, и вот тебе.

Попросили ребят пару раз, мол потише, те пообещали, да толку — то в обещаниях после первой — второй рюмки спирта для протирания налаживаемой боевой техники...

Надоело.

А надо сказать, был у нас настоящий инженер. То есть в принципе в БЧ-2 двое инженеров было, только один из них — так, вроде и инженер, а вроде и нет, а зато уж второй — инженер. Вечно какие-то железки, запчасти, радиодетали у него.

И родилось у него решение инженерное.

Где он свистнул «головку» от динамика стационарного мегафона — не знаю. А надо сказать, что штука это — кто не видел, весом килограммов двадцать, высотой сантиметров сорок.

И вот инженер наш, снял в подволоке каюты своей технологический лючек, головку мегафонную эту прижал к подволоку — то есть получается к палубе вышележащей каюты, где народ гулеванить возлюбил, раскрепил соответственно... Магнитофоны у нас в БЧ-2 были, но чтобы большего эффекта достигнуть — у начальника оркестра усилитель взял.

Нас всех конечно предупредил о готовящемся действе, возражений не было...

И в четыре часа ночи.

Сменившись с вахты — ВРУБИЛ!!!!

На полную.

То ли «Ти-рекс» — то ли «Лед зеппелин». Он к року тяготел, причем не самому легкому.

Уши у нас хорошо подзаложило, и переборки завибрировали, а уж что творилось у работяг в каюте — не знаю.

Но представьте, что будит вас, через час, как заснули, приняв на грудь грамм по четыреста, тем, что палуба вдруг начинает вибрируя орать что — то по аглицки человеческим голосом.

Нда. Работяг, когда они к нам влетели надо было просто видеть.

И что конечно... характерно — как бабка пошептала.

Кончились у нас над головой гулянки.
Вот, как техника на людей облагораживающе влияет.

Говорят в «роял нэви» офицерам в личном деле пометку делают — везучий-невезучий.

Правильно, наверное. Вопрос невезучести в море остро стоит, и уж ежели пароход какой невезучим прослышет, как например «Орел» в российском флоте — это навсегда.

Но и у офицеров тоже невезучесть проявляется.

Причем кому-то в службе не везет, а кому-то...

Вот я про инженера нашего рассказывал, как он работая шумящих по ночам успокаивал, да как спирт из закрытого сейфа добывали. Хороший в принципе мужик он был (назовем его Гошей, к примеру) но — невезучий, скорее всего.

«СлучАи» с ним разные были, а началось пожалуй, с того, что после ремонта мы задачи всякие выполняли, на боевую готовились, ну и стреляли, соответственно.

А инженеры в аккурат за «объективный контроль» выполненных стрельб отвечали. То-есть контрольно-записывающая аппаратура, прочая дребедень... вот в числе этой самой КЗА были и кинокамеры, три штуки. Каждая — по семнадцать килограммов весом, то есть нормально военная техника. Одна в посту стрельбовом ставилась, а две — на антенну. Так вот, отстрелялись мы как-то, едем дальше по плану, смеркается... У Гоши — мысль возникла, что раз стрельб не будет сегодня — надо бы камеры с антенного поста снять, да пленку — в проявку. Антенна его комплекса как раз на крыше ГКП стояла. Послал он моряка камеры эти снимать (напоминаю — 17 кг каждая), моряк на антенну залез. Гоша конечно никого особенно предупреждать не стал, так что Кэп пароходом спокойно рулил... ну и видимо то ли повернули мы резко — то ли просто качнуло неудачно — короче говоря наблюдают с ГКП в иллюминаторы пролет сверху вниз, то есть с антенны на пост управления кранами (он палубой ниже ГКП был) тела матросского, с какой-то железякой в обнимку. То что железяка — по звуку слышно было, когда с палубой вся конструкция соприкоснулась.

Пролетел. Народ на ГКП — в недоумении. Кэп — вахтеному, запроси, говорит, что это у ракетчиков за полеты такие.

Тот соответственно:

— Второй дивизион, что у вас тут матросы летают?

А надо сказать, готовность сняли, то есть в посту один Гоша и сидит, ждет, когда камеру принесут...

Ну и отвечает (думал шутят):

— Летают — значит, к дождю.

Дальнейший диалог, плавно перешедший в монолог ГКП я по соображениям сохранения нравственности опускаю. Отмечу лишь, что ни камера ни летавший с ней матрос не пострадали совершенно. Пострадал Гоша вкупе с командиром дивизиона, показательно отдираемые впоследствии неоднократно на всех совещаниях за нарушение техники безопасности. Самое смешное было в том, что матрос заинструментированный перед «подвигом», был привязан таки шкертом страховочным, но...к палубе. Вот на всю длину этого шкерта он и летел.

Да. Но это был как говорится «первый звоночек».

Второй прозвенел, когда в день выхода на боевую службу Гоша на пароход не прибыл. Случай совершенно неординарный, и даже выход задержали на полчаса, пока не прошла достоверная информация, что Гоша не изменник родины и дела КПСС, а находится в госпитале, травматологии, с резанной раной руки. Ушли мы без него, и догнал он нас месяца через полтора, придя в Средиземное с какой-то оказией.

Резаная рана действительно присутствовала у основания большого пальца, причем в результате повреждения сухожилия палец этот не сгибался. Впрочем это не сильно умаляло природного добродушия Гоши, который поведал, что буквально в ночь перед выходом, дома, будучи совершенно трезвым (здесь ему не поверили даже самые доверчивые) он, открывая дверь из комнаты в коридор, высадил стекло.

Наверное третьим звонком следует признать, что на той же боевой, когда в свободное время занимались кто — модели делал, кто — еще чем, Гоша занялся изготовлением цветомузыкальной приставки.

Звонок прозвенел в тот счастливый момент, когда он, имея в зубах сигарету, и что-то мурлыкая копался во внутренностях своей цветомузыки. По свидетельству очевидцев «звездануло» его с такой силой, что окурок сигареты вылетел изо рта, описал баллистическую траекторию и конечно попал на коврик, пропитанный каким-то раствором, которым Гоша обрабатывал переднюю панель своего детища, немедленно принявшийся — пока Гоша сползал с кресла в шоке от удара — тлеть. Хорошо, что рядом были указанные очевидцы, и дело не кончилось «возгоранием в жилом помещении».

Так уж получилось, что в следующем «звонке» ваш покорный слуга принимал участие — хоть и опосредованное.

Дело в том, что после боевой Гошу опять положили в госпиталь, так как эскулапы решили палец ему починить — чтобы сгибался то есть.

Дело было перед Ноябрьскими, которые во времена оны

широко отмечались советской общественностью.

Так как боевой товарищ находился в госпитале, решено было устроить коллективное посещение последнего. В соответствии с этим решением взяты были с собой шило корабельное — и легкая закуска.

В «травме» да еще и в праздничный день народу было немного. Гоша «выскакал» к нам на костылях, чем естественно вызвал немедленное изумление — палец на руке — и причем здесь костыли. Предположения, что в процессе лечения он сломал еще и ногу Гошей были тут же развеяны, оказалось, что кусок сухожилия для починки пальца эскулапы ему из ног вырезали, пришив два пальца на ноге на одно сухожилие.

Обсудив ряд проблем в процессе употребления принесенного мы разошлись по домам, оставив недопитое Гоше, для «внутреннего потребления» с коллегами по несчастью, т. е. «сопалатниками».

К сожалению продукт не пошел впрок, о чем мы узнали сразу на подъеме флага после праздников, когда отпустив экипаж командир оставил офицеров и начал нас — посещавших Гошу беспощадно драть, за то, что мы принесли в госпиталь спиртное. Факт этот несомненно наружу не выполз, ежели бы не Гошино невезение. Оказалось, что с ним в палате лежал курсант пятого курса со сломанной челюстью. Для кормления последнего в гипсе была трубочка, в которую Гоша и влил малую толику шила, пожалев мученика, который не может достойно отметить славный революционный праздник — с полного одобрения подопытного.

Последствия не заставили себя ждать, и когда возмущенный желудок бедалаги попытался извергнуть назад совершенно ненужную по его мнению жидкость — владельцу пришлось проявляя недюжинную силу, говорят пробуждающуюся в людях в критические моменты, руками разломать гипс на челюсти, чтобы наконец излить все просящееся так настойчиво наружу.

Следствием был срочный вызов травматолога из-за праздничного стола, а последствием — звонок Кэпу с жалобой на раздолбаев, споивших всю «травму».

Наверное так бы и шло все дальше, с заслуженным клеймом чудака продолжал бы Гоша служить на крейсере, если бы в один прекрасный день — Не заступил на вахту.

Мы стояли на бочках, день был воскресный и, по меткому выражению классика «ничто не предвещало беды».

Кой черт занес меня в рубку дежурного поздно ночью — не упомяну, но что поразило — это свежий можжевелевый дух, который распространял вокруг себя Гоша, мирно подремывая на диванчике.

Факт потребления джина перед вахтой конечно же не мог не привести к последствиям, которые не заставили себя долго ждать.

Начало им было положено ранним утром. Надо сказать, что в последнем ремонте, когда убрали у нас торпедные аппараты, а вместо них построили дополнительные каюты, для сообщения между правым и левым трапами оставили довольно узкий коридор, с тамбурами. Вот, утречком, услышал Гоша, что командир вахтенного поста на левом трапе вдруг четыре звонка дает. То есть- комбриг к левому трапу подходит. Бросился на левый трап по коридорчику этому...

Как он сам рассказывал потом — очнулся он лежащим перед тамбуром. В прыжке через комингс не рассчитал, и башкой своей неразумной — в верхний комингс двери вписался, — рядом фуражка валяется, краб на ней — всмятку, он то на себя весь удар и принял. А над фигурой его лежащей — какой-то каприз незнакомый причитает, мол да что с тобой сынок, да живой ли...

Живой. Была у Гоши такая поговорка — «Инженеров не убивает».

Живой-то живой. Но вот ключи от сейфа вахтенного офицера — как ветром сдуло. Не может найти.

Время к смене. Сменщик — давай ключи, будем вахту передавать. Нету ключей..

Ну вот. Смениться побыстрее хочется. Попытались старпому проблему озвучить, а тот — да пошли вы. Открывайте сейф как хотите.

Опять же в отступление — после ремонта Гоша от рабочих систему орошения погребов принимал.

Как хотите — это запросто.

Уговорил сменщика пять минут постоять, в каюту сбегал, принес что-то, поколдовал над сейфом, проводочки какие-то... Потом машинку присоединил, ручку покрутил — ка-а-а-ак ахнет.!!!

Замок сейфа вывалился внутрь, сейф открылся... Сдал вахту.

Однакож четыре часа проходит — следующему принимать. Теперь уже не закрывается сейф. Опять старпома тревожить... Как? — Да так... А-а-а-а...

Короче говоря ворвался к нему в каюту особист, с горящим от азарта глазом, и к изумлению честной публики извлек из сейфа кучу каких-то пиропатронов, или еще чего — на месте не разбирались — проводов, еще какого-то взрывоопасного барахла, и в довершении ко всему — книгу «Учебник подрывника».

На вопли возмущенного командования Гоша спокойненько ответил, что всю эту взрывоопасную бурду, включая и книгу, ему подарили рабочие, с которыми он испытывал систему орошения

(а там пиропатроны применяются) почувствовавшие его неподдельный интерес ко всякого рода пиротехническим эффектам.

Как говорится чаша была переполнена...Гоша пошел служить на берег.

.....

Мы встретились снова через несколько лет, я был уже командиром корабля...а Гоша — все тем же неунывающим капитан-лейтенантом.

Единственно, в чем он изменился — так это в том, что стал довольно заметно заикаться, и при разговоре отчетливо был виден тик, дергающий угол губ и веки...

По его рассказу, идя как-то со службы и будучи слегка «выпимши», он просто не поделил дорогу с «УАЗ»-иком. УАЗик оказался чуть крепче, и Гоша отделался семнадцатисантиметровыми трещинами в черепе, переломом руки, да вот такими видимыми последствиями.

Он готовился к увольнению по болезни.

Надеюсь, что его невезение кончилось в другой жизни, после увольнения.

А если все же нет — «Инженеров не убивает!»

* * *

«И это последний рассказ о Маугли».

«Остановите музыку» — «Эх, инженеры» — «Невезение»

Слово это обозначает «Подводные Диверсионные Силы и Средства». Проще говоря, диверсанты подводные. Ну, а если у врагов такие диверсанты есть — то и бороться с ними нужно, соответственно.

Ну да в базе когда стоишь — вахта ПДСС только при учении каком — то выставляется. Другое дело в море, да еще и в Средиземном. Тут уж обязательно: и матросы с автоматами на палубе на постах, и гранаты профилактически за борт бросали — как водится. Рыбы, бывало, глушеной всплывало — немеряно. Но о рыбалке такой как-нибудь в другой раз.

А сейчас другой случай вспомнился.

Баню мы, конечно, все любим. Так вот в Средиземном, на эскадре, баня по субботам — неперменный элемент распорядка дня. С утра — большая приборка, подведение итогов недели, выставление оценок, и, наконец — баня. После бани эскадренное начальство без нужды не дергало, только уж в крайнем случае, завет Петра четко выполняли, насчет бани и как после бани — не без того, нужно же в конце недели душой и телом отмякнуть...

Суббота, в баньке помылись, мероприятия вечернего распорядка дня выполнили, «Команде отдохнуть» — лепота и покой.

Лежу, перед сном книжку почитываю — звонок.

— Товарищ командир, вахтенный офицер. Вахтенный по борьбе с ПДСС на баке доложил, что слышал три удара по корпусу корабля в районе якорь-цепи!

Ну, нелегкая! Но раздумывать нечего, с такими вещами в Средиземном шуточки не получаются...

— Учебная тревога!

Забегал пароход, зафырчал, задвигался.

Штаб эскадры — рядышком, на соседнем пароходе. Вызываю оперативного на связь, докладываю, что так мол, и так...

Тот помолчал, потом остороженько говорит, что мол, ладно, разбейтесь там...

Ну, а дальше — как в букваре написано — подобрали якорь-цепи, осмотрели — норма, машинами покрутили, реверса подавали — тишина. Гранат несколько штук за борт пошвыряли — погрохотали они, рыбка поплыла кверху брюхом — больше никого...

Мероприятия, вроде, все выполнили. А дай-ка, думаю, с воином поговорю вахтенным бдительным, то есть. Вызываю на мостик. Воин как воин, фамилия — Уразаков, узбек, четыре курса института за плечами, не debil...

Ну и что говорю, радость ты моя, слышал? — А тут старпом с крыла моста входит — и дверью хлопает.

Лицо у воина аллаха аж засветилось от счастья:

— Вот так стучали, тащкомандир. Только три раза...

Мы со старпомом переглянулись — хватает он трансляцию

— КХП! (Командный химпост) — а он у нас в аккурат в носу был.

— Есть КХП!

— Химик, сука, ты в пост после отбоя лазил, дверями стучал?

— Да...

— А что молчал, гад, когда мы тут все на ушах стоим?

— А я думал — а вдруг не я, еще кто-нибудь...

— ...

Отбили тревогу, оперативному эскадры доложил, что, мол, разобрались, тот «Ну-ну, хорошо, отдыхайте» — затихло.

В воскресенье, ни свет ни заря — то есть часов в восемь с небольшим — оперативный на связь выходит:

«Вам с замом немедленно прибыть на флагман. Баркас за вами отправлен».

Естественно, морду лица и фигуру тела в порядок привели, тут и баркас подошел, туда — и на штабной пароход.

Прибыли... К оперативному. Он на нас посмотрел... Идите, говорит, к начпо.

Прибыли... Тот за руку тщательно с обоими поздоровался, на диванчик в каюте усадил, и минут сорок нес какую-то откровенную ахинею, при этом как-то странно на нас поглядывая. Закончил.

— Все поняли?

Мы с замом переглянулись — ну ни черта не поняли, но на всякий случай:

— Так точно!

— Ну, идите.

Убыли. Недоумение — полное.

...

После обеда прибывает штабной баркас, в нем флагманский минер — старый знакомец, на крейсере у нас командиром БЧ-3 был. И прибывает он с проверкой организации несения вахты ПДСС. Хотя чего проверять, на эскадре не первый месяц, отработано все давно и проверено неоднократно...

Но проверил, в вахтенном журнале запись сделал.

Спустились в каюту, предлагаю чаю попить — и к чаю — как водится.

А он — мол, чаю попью, а к чаю — ни-ни, сухим пайком давай... И так, говорит вас в алкаши записали.

У меня — волосы дыбом — за что?

А, говорит, ты вчера доложил оперативному, тот с докладом не стал торопиться, командира эскадры ночью субботней тревожить. Ну, уж когда утром тот пробудился, и спросил, были ли за ночь случАи — доложил с юмором, мол нажрались после бани наверное, вот и мерещатся диверсанты спяну...

А тут недавно в Атлантике командир тральца какого-то напившись до последнего изумления доложил в Москву, что подвергся атаке авиации, и весь боезапас свой через каналы стволов за борт выгрузил — расстрелял то есть... Кому ведь черти зеленые, а морякам по определению голубые «Интрудеры» да зеленые «водолазы» в «белочке» являются...

Короче, решили, что и нас «достало» на шестом месяце...

Решили вызвать, да посмотреть на ваши рожи с утречка...

Так-то. Слава богу, что в норме оказались.

...

Проявляйте после этого бдительность при несении боевой вахты.

Хорошо, хоть без последствий...

О службе морской, о жизни такой

— И молодые лейтенанты!
Опережая собственный визг!
И наступая друг другу на уши!
Мчатся в кают-компанию!
И там жрут!!!
А потом в каюту!
Рога в подушку!
И завязывают их, чтоб от подушки не оторвать!...
И после, рожи не разгладив — к личному составу!!!
Лучше уж бы к нему жопой встали.
На ней хоть одна вмятина!!
А мыслей — ни там ни там нет!!!

* * *

Фрахтованный танкер вышел из Италии, должен подойти на эскадру...

На связь не выходит...

По «мосту» на флагмане мечутся начальник тыла, начштаба, подтягивается командир корабля, командир эскадры...

— Где «Бугуруслан»? (название танкера).

Ну где «Бугуруслан»??? — командир эскадры — начальника тыла — тот — командира корабля — тому...блин...он — вахтенного офицера:

— Где «Бугуруслан»?

Вахтенный...(морда нарочито тупая, непонимающая) — пожал плечами...

— Не знаю... На Урале где — то...

* * *

Рассказывают подводники...

«РТ»-шка должна подойти утром к плавбазе. Ночью всплыли... Оперативный эскадры — бывший подводник инструктирует:

— Командир, не опозорьтесь, корабль — один из лучших на эскадре, высокая морская культура, блестящая организация службы, порядок... Не ударьте в грязь лицом...

Светает, заходят на швартовку.

На плавбазе — тишина... Вдруг открывается дверь надстройки, и — в бинокль видно: вылезает на палубу волосатый мужик в цветных трусах и зеленых! тапках... Закуривает...тупо смотрит на подходящую лодку...брюхо чешет...

Штиль, тишина. Слышно далеко...

Мужик вдруг:

— Вахтенный офицер!!!...ё...!..б...!..х...!..я...урод...! ...Чтоб...! Забегало...

Командир лодки, облегченно старпому:

— Фу, б...! Наши люди!

* * *

— Ты хороший парень, но ТАКОЙ ДОЛЖНОСТИ НА ФЛОТЕ НЕТ!!!

* * *

Выпито уже хорошо...

— Я пеми. тьфу...меси...тьфу...пети...

— Ты что сказать-то хочешь?

— А...а...а что сейчас все херово, а дальше еще херовее будет...

— А... так ты — Письмист!

* * *

— Мне порядок на любом пароходе навести — семь минут надо...

— Почему семь?

— А вот команда — «Команде вставать, койки убрать», а через пять минут — «Команде на физзарядку»... Выбегают, а на нее пара человек, в петле висят. И таблички на груди — «Они тянулись по подъему».

Две минуты — на обалдение...

Порядок и воинская дисциплина — гарантируются...

* * *

Семидесятые, застойные...

Стоим под Италией, в кают-компании накурено, сидят штабные, корабельные (в основном молодежь), смотрят телевизор...

По телевизору — какая — то итальянская поп — дива поет, принимая эротические позы...

Кончилась песня...

Из лейтенантского угла:

— Вот это баба...

Из флагманского:

— Молодой, таких женщин е. ут только ОТЛИЧНИКИ БОЕВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ!!

* * *

Ракета у нас упала...

Грузили — и упала. Лежит веточкой сломанной на площадке пусковой установки...

Погрузке — дробь. Разборка...

Ну и разобрались...

По решению младших офицеров БЧ-2 — по 15 рублей с каждой получки от жен удерживать... На погашение долга за ракету.

И удерживали...

* * *

Конец 80-х. Сборы вспомогательного флота ВМФ СССР в Севастополе...

Все докладывают — столько — то судов отправлено на боевую, оценки — отличные...воспринимается спокойно — работа и есть работа...

В заключении сборов — показательной строевой смотр.

Экипажи, задроченные строевой подготовкой ходят, поют, «рубят» шаг...

Начальник Вспомогательного флота на подведении итогов, в глазах — огонь:

— Вот!! Строевой смотр!! Сразу видно, ЛЮДИ ДЕЛОМ ЗАНИМАЮТСЯ!!

Блядь!

* * *

— Вот стоишь ты вахтенным на ходу... Командир на крыло моста вышел, и вдруг — брык за борт! Твои действия???

— Даю три звонка — командир сошел с корабля!

—!!!

* * *

Здравствуй, милая моя.

Уже три недели, как мы в море. Потихоньку привыкаю, только укачиваюсь немножко. Качает сильно, почти все время на ходу, на якоре не стоим, сильный ветер, волны, полетов нет.

Конечно многое совсем не так, как на берегу, но в общем жить можно...

Занимаюсь тем, что лазаю по кораблю — вернее по тем местам, за которые отвечаю. А вообще корабль очень здоровый, кажется его невозможно выучить весь...

Как там Люшка? Учит новые слова?

Берегите себя.

Я скучаю...

Декабрь 1977

Здравствуйте, солнышки мои!

Скоро уже Новый год...

Пришли письма из Союза — а мне ничего нет. Поленились написать?

А я пишу уже второе — редко, конечно, но когда отправлю — не знаю. Здесь это называется «оказия», когда какой-нибудь корабль в Севастополь идет. И когда это будет — не знаю...

Объявляют об отправке писем внезапно — через два часа мол будем отправлять, так что пишу заранее.

Потихоньку освоился. Корабельные офицеры — ребята нормальные, но общаемся редко, даже кают-компания у нас разные.

Были полеты. Вроде справился. Не ругали по крайней мере.

Очень тоскливо без вас. Уж и не знаю, когда нас сменят. Хорошо, что мы всего на четыре месяца.

Целуй Люшку, скажи ей, что что папа ее очень любит и скучает.

Целую вас крепко.

Декабрь 1977

Привет!

Получил наконец — то твое письмо. Читал несколько раз — сначала быстро и все сразу, а потом перечитывал медленно каждую строчку.

Так радостно, что у вас все хорошо.

Я тебе пишу, но письма в союз идут долго и редко, так что не обижайся, наверное уже получила первое?

Люшка молодец, вся в мать.

А мать я люблю, люблю, люблю!!!

Новый год встречали сначала всем экипажем в верхнем вертолетном ангаре, а потом посидели по каютам, я был с Сашкой и Витей.

Скоро увидимся, осталось немного, в конце марта замена.

Много ходим по морю и летаем, все нормально, мне нравится.

Погода в основном хорошая, иногда даже загораем.

Целую тебя.

Январь 1978

Здравствуйте, мои девочки.

Январь заканчивается, осталось всего десять дней. А потом коротенький февраль, и замена в марте.

Завтра идем в море, будут полеты, много работы.

Очень очень скучаю.

Жалко, что не было заходов ни в какие порты, хотелось бы Люшке что-нибудь купить в подарок...

Январь 1978, недописано.

.....

— Четверку он подготовил, проверил — и решил видно не уходить вниз, сел в верхнем ангаре на водило тягача, задремал. Ему кусок лопасти в затылок — и полбашки снес... Сначала не увидели, вертолет тушить бросились... А потом... В санчасть, да что толку, мозги на три метра по палубе размазаны были...

Убирали потом — моряки обблевались нах...

Б...! Ведь пошел бы вниз, на пост, жив бы остался...

.....

— Зам, ты объясни морякам, что в морозилке, куда Плотникова положили, никакого продовольствия нет... А то что-то шумят вроде в низах...

— Есть!

.....

Закключение комиссии.

По расследованию аварийного происшествия на
противолодочном крейсере «Юрьев»

21 января 1978 года, в ходе проведения поисковой
операции...

.....

.....

В связи с погодными условиями, близкими к
критическим для полетов, было принято решение на
проведение запуска вертолетных звеньев в воздух с
подворотом корабля по ветру. Одновременно
производилась проверка отсутствия контрслежения
многоцелевыми подводными лодками ВМС НАТО.

Взлет первой пары, ведущий — командир
эскадрильи подполковник Куликов А. Ю. прошел
успешно.

Учитывая рекомендации командира эскадрильи,
было принято решение полеты проводить.

В 05.07, 21.01.78 была подготовлена к полетам
четверка — первое звено.

По команде руководителя полетов двигатели
вертолетов были запущены и опробованы, руководитель
полетов сообщил на ГКП корабля о готовности звена к
повороту на курс взлета.

В момент поворота на курс взлета, вертолет
командира звена майора Шевчук В. В., находившийся на
первой взлетной площадке, по-видимому, под порывом
ветра, возникшим вследствие завихрений в районе
надстройки — дымовой трубы, упал на бок и загорелся.

Экипаж покинул вертолет через дверь пилота.

Пожар вертолета потушен в течении десяти минут
силами палубной команды.

При падении вертолета лопасти винта при ударе о
палубу разрушились.

Обломок лопасти длиной 50 сантиметров был
впоследствии извлечен из обтекателя радиолокационной
станции вертолета, находившегося на взлетной
площадке четыре.

Другой кусок лопасти, длиной 30 сантиметров
влетел в открытые двери верхнего вертолетного ангара и
отрикошетив от трубопровода системы орошения ударил
в затылочную часть инженера — оружейника лейтенанта

Плотникова С. М., находившегося не на своем боевом посту.

В результате л-т Плотников С. М. получил травму, несовместимую с жизнью. Реанимационные мероприятия успеха не принесли.

.....

Выводы:

.....

Председатель комиссии — контр-адмирал

Члены комиссии капитан 1 ранга.....

полковник.....

полковник м/с.....

.....

Тело Плотникова было доставлено в Севастополь рефрижератором «Бузулук».

У него остались жена и годовалая дочь.

Правила плавания

Все прекрасно знают, что такое проверки. Имеется ввиду конечно вышестоящие штабы. Как к ним готовятся, как их проводят, как после них замечания устраняют... Что рассказывать, сюжет один примерно.

Но возможны варианты.

То есть вроде бы начальники высокие у тебя в части, ходят, живут не один день, а с другой стороны — вроде ничего и не проверяют.

Состояние прямо скажем погранично — напряженное. Кто его знает, что какомунибудь из этих ребят в голову взбредет. К примеру жил у нас на пароходе как-то начальник ОУС (отдела устройства службы) ВМФ, вроде бы и не по нашу голову приехал, а все же как — то между двумя ударами кия, играя с кэпом на бильярде, озадачил его своим ответом на вопрос кэпа все ли нравится на и какие мол пожелания есть, заявив тому прямодушно в тоне пожелания, что мол все в порядке, но к утру все офицеры и мичманы должны быть пострижены...

Не лишне заметить, что со схода народ встречал парикмахер, и посидев у него в кресло полторы-две минуты народ приобретал сходство с теми самыми бильярдными шарами.

Кэп кстати с той поры зарекся с гостями на бильярде играть, а потом и вовсе развлечение это ликвидировал.

А случилось это по случаю прибытия на пароход Будущего Главкома. Сергей Георгиевич к тому времени уже к той черте подошел, когда не заменять его уже нельзя было, вот его будущий преемник и собрался посмотреть, что там и как на флотах, в том числе и на Средиземноморской эскадре.

Корабль у нас был первой линии постоянной готовности, кто на флоте служил — понимает, так что особо-то готовить его не пришлось, хотя конечно кое-какую аппаратурку дополнительно подкинули, ну и проверяли «ход подготовки» не за страх а за совесть, на уровне главных флотских специалистов.

Отвлекаясь слегка от конечной цели повествования, вспомнилось, что первая из этих проверок, проходившая весьма стандартно — весьма нестандартно кончилась.

Сидим на подведении итогов проверки в кают-компании, все командиры боевых частей, все главспецы флота, начштаба флота разбор проводит.

Как водится — штурмана — не готовы, артиллеристы — не готовы (это штаб флота выступает), и так далее, по порядку номеров, оканчивая службами и командами — не готов короче

корабль в море идти...

Начальник штаба флота сперва что-то на листочке рисовал, потом ручку отложил — так слушает. Головой покивает очередному выступающему — и - пусть следующий докладывает.

Доложились все. НШ:

— Командование корабля?

Встаем. Командир, зам, и я грешный — старпом то есть. Стою и думаю: «Сейчас решение о снятии примет — или просто отдерет, а потом — на решение комфлота?»

А тот тем временем:

— Командир, есть уверенность, что успеете устранить недостатки, и подготовить корабль к выходу?

— Так точно!

— Старпом?

— Так точно! (Куда уж нафиг, и так у офицеров с мичманами рабочий день до двадцати одного тридцати, мне доклад — в двадцать два, а я кэпу в полодиннадцатого докладываю... И ведь не просто сидит народ, дурака валяет — работает)

— Зам? — А, ладно...

— Так точно. Политико...

— Ладно.

— Главным специалистам флота — неготовность корабля — ваша недоработка. Объявляю местом пребывания штаба — на борту корабля. Сход на берег — запрещаю до устранения недостатков. Старпом!

— Есть!

— Каютами всех сможешь обеспечить?

— Так точно.

— Ну и хорошо. Устранение недостатков докладывать старпому. Я пошел.

Взял фуражку — и на трап, в машину — уехал.

Главспецы — на борту.

Потом конечно расползлись потихоньку по своим береговым делам. Но никогда ни до ни после этого у меня — капитана третьего ранга капризы добро на сход не спрашивали, и не просили прикрыть, если что...

Зато после этого разбора все вопросы во всех штабах решали — ух!

До сих пор душа радуется, когда вспоминаю... Жалко только, что за всю службу такой случай — единственный...

Но однако ж подготовились — вышли.

Дорога знакомая, кэп по традиции на мост только к Босфору да подменить меня на обед-ужин поднимался, да еще и гости на борту — с ними занимается.

На мосту — вахтенный наш, два вахтенный офицер походного главного штаба, да я.

Что чего народу штабному помочь — дежурный бегают, рассыльный, еще толпа народу обеспечивает.

Все вроде ничего. Только этим самым штабным — в кои веки в море вышедшим — на мосту нейдет. Заступает через четыре часа очередной и понеслась. РТС-овец помнится до шлюпки дободался. Да как закреплена, да заведен ли бакштотный конец, а есть ли вода в анкерке. Блин! Лучше бы своей локацией занимался... А то вспомнил, чему в училище учили...

Да и другие не лучше. Причем не по специальности достают, а так, в сопутствующих вопросах. Единственно — зам начальника УРАВ(управления ракетно-артиллерийского вооружения), погуляв по верхнему мостику — у нас там автоматы 2 м-3 да счетверенные «Стрелы» стояли, прямо сказал, что не будь у него хорошего настроения — он бы всему флоту двойку поставил за наше содержание матчасти. Хотя оно в общем вполне приличное (этим он закончил).

В общем весело. Как в песенке, где мы везем с собой кота, чижика, собаку — и далее по тексту...

Но к вечеру — дело пролетарское, народ подготовленный и закаленный долгими годами офицерской службы — вопросы несколько в другую плоскость стали переходить — в основном насчет соленых огурчиков — и сопутствующих изделий пищевой промышленности — как твердых так и жидких. Их у нас как говорится было, так что успокоилось.

Ну да суть да дело — Босфор прошли, вопросов нет, единственно, вместо якобы «прогулочного катера» с разведчиками на борту, в этот раз военный катерок сопровождал. Из уважения видимо. Мы хоть флаг старшего на борту — по его приказанию конечно — не поднимали, но ведь связь так «светила», дуракам ясно было, кто тут едет.

Подходим к Дарданеллам. Пролив этот в принципе широкий, хоть поперек плавай, но есть там одно местечко.

Ну да подошли, я к Будущему Главкому в каюту спустился — тот Рэя Бредбери сидит читает, доложил, что мол можно на мост. Поднялся тот. Едем. Катерок турецкий опять же рядышком тянется.

Подходим к этому самому мерзопакостному местечку, про которое в «Правилах плавания..» написано, что в поворот надо входить плавно, с перекладкой руля не более чем на пять градусов.

Уж и не знаю кокая беда кэпа в голову стукнула, но командует он смело это так:

— Лево руля!

Конечно, рулевой руля положил, пароход резвенько так скатился... Куда не надо.

Едем потихоньку.

Ощущение какое — то необычное, вроде не так чего.

Штурман на мост выскочил, мне на ухо шепчет, что мол выкатились. На встречную в смысле полосу.

Да что там шептать — невооруженным глазом видно, что в аккурат к косе Чанаккальской причаливать целимся.

Кэп это дело тоже осознал, но посчитал видимо, что время есть еще, руль — право пять скомандовал, пароход послушался, выправляемся потихонечку.

Все на мосту делают вид что все так и должно быть — а может действительно не сразу поняли, они — то, Главштабовские, не так часто Дарданеллами ходили, да и когда...

И умолчалось бы все, да только турок проклятый не дремал.

Выскакивает эта скотина — катерок турецкий ввиду имею — на левый борт. Весь во флагах каких — то разноцветных. Будущий Главком этим делом заинтересовался.

— Это что они там?

Что они, что они...х-х-хрен его знает, что они...Б...!

Смотрю — сигнальцы лихорадочно МСС (Международный Свод сигналов) листают...

К ним. За мной — пара капразов подтянулось...

С-с-с-у-уки!!! и капразы московские, и сигнальцы...все вместе.

На том месте, где эти самые флажки были нарисованы наверное были — сигаретой дырка прожжена. Причем не на самих флажках, а в аккурат на тексте поясняющем...

Капраз один книгу эту схватил — и как икону на крестном ходу к груди необъятной прижав — к Будущему Главкому кинулся..

Другие, опоздавшие с крашеным яичком к Христу дню — вокруг закружились, зажужжали... Будущий, смотрю, уже глазами меня ищет...

И тут один, самый опоздавший — на турок пальцем показывает.

Все туда смотреть.

А та-а-м!

Турки, бедные убедились видно, что никакими флажками этих русских дураков не проймешь — на палубу верхнюю катерка своего выскочили, карту Дарданелл развернули — один в руках держит, как бы в режиме подставки, а другой — пальцем — то в нас — то в карту тычет, и руками на нас машет, будто отодвинуть

хочет, мол отходите, отходите...

Пантомима называется, однако...

Будущий царственно эдак:

— Командир, надо отойти... Не раздражайте турок. В их террводах идем.

Кэп скомандовал...отъехали на свою полосу.

Дальше — без замечаний.

Прошли, в Эгейское, на простор вышли.

Тут меня конечно потоптали, и за незнание сигнальщиками МСС (А она когда им нужна, трехфлажка эта самая), и за дырку в книге (У вас курят на вахте!!!) и вообще за неготовность к плаванию в проливной зоне (Организация не отработана, никто ничего не знает!!!)

В общем бери лопату, старпом, копай могилу на юте, и засыпят тебя всяческим говном, только что вываленным из штабных глоток... И еще на памятник останется...

Слава богу, через пару суток — пересадили мы всю эту камарилью на крейсер имени великого флотоводца Жданова.

Но уходить — команды не. Пока проливы закажут, пока то — се.

А Будущий тем временем реконгсцировку закончил, и из Сирии — самолетом домой, в Москву.

На подведении итогов, на эскадре, когда про нас ему напомнили, что мол оценить как — то надо, он, видно вспомнил что — то, — и — «Да, — говорит — тоже нормальные ребята. Хороший корабль». Может книгу интересную вспомнил... А может пословицу, на теме «Не дери где живешь — и не живи где...»... ну сами понимаете.

Так что хорошо нас оценили. Никто перечить не посмел, естественно...

После этого я твердо решил — на берег...

Что угодно, как угодно, но только на берег, и чтоб уродов этих — подчиненных, любимого личного состава — и близко не видеть.

Конечно, может и не так все страшно, если по полочкам разложить, да вот только бывает иногда: капля, дрожит, дрожит, висит, висит, и вдруг — шлеп — и все. Больше уже не помещается, и некуда деваться, как только все накопленное обратить в одну мысль, одно действие, и бить, бить, бить в эту точку до конца...

На берег...

И начиналось то вроде все неплохо, новый кэп пришел, со своими правда загибами — но нормальный вроде, посмотрел, на чем мы работаем, сам пошел к главному специалисту флота, добился, кое-что новенькое дали, из матчасти, вздохнул хоть спокойно, перед боевой... Да не долго мучалась старушка...

Дали мне этого уroda, чтоб он всю жизнь оставшуюся икал, как я его поминаю... Чтоб у него хер на пятке вырос...

Били его на «систер-шипе». Что верно, у нас не били... Но уж после всего что было с ним — стал он — а может и был вроде как мешком пыльным пришибленный... Ни рыба ни мясо...

Да ладно, в общем — то, подготовились, на боевую вышли, и отходили больше полсрока — вроде бы ничего, жить можно, и тут Кэп пароход решил помыть, перед приходом в лоно так сказать, мы после долгого отсутствия — к штабному кораблю подходили...

Старпом наш — Бобер, его так за зубы бобриные в верхней челюсти прозвали, да еще за то, что любил он перед тем, как впилить кому — ни будь по полной схеме повторять «Человек по своей природе добр», при этом щерился так, что вместо «добр» у него «бобр» получалось...

Вот этот самый Бобер и предложил Кэпу систему СВЗ включить. А это такая на всякий случай гадость, что когда включаешь ее, пароход полностью как в облаке водяной пыли оказывается. В принципе — то она на случай «форсирования зараженных участков моря» — как в умных секретных книжках пишут придумана. Ну да не на всякого Бобра... книжки эти не писаны.

Кэпу идея понравилась, тревогу сыграли, дали команду, позадраивать все...

И ведь два раза скотину эту переспрашивал, «Все задраил?»...

Все...

Врубили в конце концов на мое горе СВЗ, ждем-с...

И тут вопль из передающего, где гад этот сидел

— Передатчики топят!!!!

Ля-ааа...

Понять не могу ничего, как это передатчики, что двумя палубами выше меня расположены топить может, по идее значит я в своем посту уж на три метра под водой, а ноги сами по трапам вверх несут...

Только и успел на мостик крикнуть, что передатчики залило...

В пост ворвался — а из передатчиков — что из пожарного рожка вода хлещет. На палубе уже вполне лужа сформировалась...

Потоп.

А тут и Кэп со старпомом нарисовались... Оказалось, как мои крики слышали — СВЗ выключили и тоже в передающий бегом.

А это чудище стоит, ничего сказать не может, пальцем в передатчик тычет, и мычит невнятно...

Кэп на это дело посмотрел...усами пошевелил... Что-то типа про мать пробормотал — и на палубу. Мы за ним...конечно... твою...Лючок вдувной вентиляции передатчиков отдраен.

Кэп мать помянул уже вполне внятно, причем явно мою...

— Вы докладывали, что вся вентиляция задраена?

— Я (а что еще скажешь. Хотя и вопрос глупее — некуда...)

— Ну и что делать будем?

Хрен его знает, откуда силы взялись ответить — вспоминаю сейчас — и понять не могу. В середине боевой службы — без передатчиков остаться. Без связи то есть... За такие вещи в войну сразу к стенке ставят.

— Промывать спиртом и сушить!

— Спиртом, говоришь? Старпом, сколько у нас осталось?

Дальнейший разговор у меня из памяти выпал слегка, но буквально минут через пятнадцать приволок старпом две двадцатилитровые канистры, лагун сорокалитровый, и началось..

Кэп — то ушел, а старпом остался, для контроля. Мы с передатчиков блоки снимаем, и в лагун. Прополощешь хорошенько в чистом спиртике — и на солнышко. Если где пятнышко белое — соль — снова появляется — опять в спирт.

А старпом над душой стоит, и сквозь бобринные свои зубы рассказывает, что он сделает со мной за порчу сорока литров ценнейшего продукта, совершенно не предназначенного чтобы полоскать в нем сраные железяки, а наоборот, для полоскания особо ответственных мест прибывающих на корабль комиссий, и о

том, каким особо извращенным образом он будет теперь любить весь наш дружный коллектив... В общем разные добрые и хорошие вещи говорит.

Понять его конечно можно, вон уж эскадра на горизонте, флагмана наверное лапы потирают, ввиду предстоящих проверок... Однако огрызаюсь, мне главное матчасть, будь она проклята во веки веков, да еще этот, виновник торжества, его туда и растак...

А по юту народ ходит, собак с верховым чутьем изображают, спиртовый — то дух хорошо к корме разносит...

Суть да дело, помыли мы матчасть, собрали, запустили... часа через полтора...

Стерли трудовой пот со лба, обошлось.

Спирт оставшийся я к доктору унес. Он чего — то помараковал, дистиллятор свой запустил, спас короче говоря часть продукта.

Кое-что конечно старпом забрал, но кое — что и нам с доком осталось.

Обошлось и обошлось, дни идут потихоньку, в славный город Тартус нас наконец направили, а то уж совсем мы одичали без земли, крыша вполне явственно едет. Дошли, встали, на следующий день — погрузка свежих овощей.

Старпом на юте народ построил, доктору слово дал, тот произнес речь, что мол сирийские овощи. Все заражены дизентерией, и есть их немывыми никак нельзя, а то заболеешь.

Старпом после его выступления сморщился, как от уксуса, и говорит.

— Я конечно не доктор. Вся эта ихняя медицина — ритуальные пляски над трупами и заклинание туч, но от себя скажу. Зубы у всех болели? — толпа вроде «А-а-а» промычала — Так вот, дизентерия — это полная жопа больных зубов. Всем ясно?

Толпа опять «А-а-а» — Ну тогда на погрузку!

Погрузились, все вроде в порядке, денька через два сидим с доком, славненько так подтопленный передатчик вспоминаем, по чуть — чуть, для общего тонуса организма.

Тут фельдшер ему звонит...

Док пока трубку слушал, у него морда белее и белее становилась, и взгляд как у идиота стекленел.

Трубку повесил, и тихо так мне говорит, что все мои связисты — с лазарете. Причем явное подозрение — дизентерия. Моя очередь в ступор впадать настала...

Рассказывать дальнейшее — даже сейчас, по прошествии стольких лет — язык не прворачивается. Но уж «флекснер шесть»-

помирать буду вспомню.

Док по пароходу мечется, на борт врачей из Тартусской группы усиления приняли, мероприятия все как при применении противником биологического оружия — а что ни день — еще три-четыре человека в лежку.

Кэп уже даже не ругается. Только каждый день у дока «Сколько?» спрашивает, и все.

Через неделю нервы у него видимо не выдержали, высказал он на совещании офицеров все, что думает про доктора, со всеми его клистирами. А потом спрашивает:

— А вообще, Шишигин (это доктор значит) вы учились чемунибудь? У вас левомоцитин есть?

Док мол да, есть, НЗ, целых 273 грамма — эту цифру я точно запомнил.

Тут кэп проговорил еще минут сорок, поминая всех врачей от Гиппократы в самых что ни есть сопрягательных наклонениях, а также их старших родственников по женской линии.

А в конце концов приказал — нам всем обеспечить, а доку, под свою ответственность — каждому члену экипажа в пасть четыре раза в день — по таблетке.

И как бабка пошептала. Кончилось у нас «распространение»...

А тем временем, как карантин с нас сняли — опять загрузка продовольствия, подъели, пока с этим самым флекснером боролись.

Подошел водолей наш, подали на кран — палубу жратву, матросики ящики носят в рефкамеры.

Я как раз на левом шкафуте стоял, с артиллеристом младшим болтали о чем — то.

И вижу вдруг боковым зрением — летит что-то вдоль надстройки. Поворачиваюсь — а из иллюминатора передающего поста торчит довольная рожа уроды моего, и рука, а в руке — тушка куриная...

И тут на меня озарение снизошло. Ведь не могли понять никак, почему связисты в погрузке не участвовали, а дизинтерия — с них началась...

А эта дрянь, оказывается конвейер наладила, прямо со шкафута — подкинуть то всего на метр — в иллюминатор, и, минуя все обработки — на стол.

Даже и упомянуть не могу, как я в посту оказался... А вмятины в обшивке переборки то тела этого чудовища только в ремонте заделали... До сих пор не понимаю, как я его не убил...

А кэп с той поры нас с доком ...весьма, скажем так... невзлюбил.

Раньше хоть иногда «Сан Саныч», а после этого — только

«Вы», «связист», «товарищ старший лейтенант»...
И тогда то я и понял. Все. Надо уходить.
И ушел.

Пропущенное

Очень трудно, наверное, говорить о своих переживаниях другим людям. Еще труднее сказать об этом, удержавшись и от патетики и от пошлости. Честно. И когда ты говоришь об этом, и видишь или чувствуешь в собеседнике ехидство, желание посмеяться, откровенное грубость или хамство — во много раз труднее.

Но все же, если вдруг ты почувствуешь в собеседнике малую толику участия, сопереживания тебе, когда кажется он проживает с тобой все то, что вновь проживаешь ты — на душе становится теплее, и к сердцу собеседника протягивается ниточка духовного родства, которую не разорвать ни расстояниями, ни годами...

И ради этого стоит говорить.

Наверное поэтому я и пытаюсь.

* * *

Гренландский антициклон, прорвавшийся далеко на юг запорошил южную Европу, слегка зацепил Крым, и, теряя наколенную влагу, укрыв редким в этих местах снегом Босфор, понесся дальше и дальше, срывая с верхушек поднятых им самим волн пену, неся ее водяной пылью по Эгейскому, все южнее и южнее, к берегам Египта.

.....

Пароход не хотел идти. Хотя обычно путь домой казался более коротким, что там всего-то, «день простоять да пол ночи продержаться», и вот уже на экран радара, сначала кусочком, а потом все больше и больше заполняя экран, будет вползать вожаденный берег родного полуострова.

Только не в этот раз. Видимо устают не только люди, но и железо, тяжелое корабельное железо с трудом продиралось сквозь порывы ветра, гулко входя в волну каждые несколько минут. Ветер и усталость техники задерживали возвращение, и ясно было, что к Городу они подойдут к вечеру.

Оперативный флота вызвал на связь, когда ощутимо темнело. Доброжелательно поинтересовался, все ли в порядке, нужны ли буксиры для швартовки, и лишь в конце спросил, почему так медленно шли.

Буксиры не нужны. Медленно — все время встречный ветер. Как погода.

На удивление погода в базе была штилевая. В это не поверилось, после недели непрерывных штормов, от самой Сирии. Да-да, ветер-1–2метра в секунду, море-штиль.

Странно.

Но когда пароход тяжело повернул на херсонесский створ, и, вдруг, удивленно качнувшись в последний раз, пошел в полной тишине по лишь слегка рябящейся воде, наступило, наконец, какое-то странное облегчение. Казалось, что вместе с чрезмерным напряжением машин в последние четверо суток, натужно боровшихся с ветром и в Эгейском, и на подходе к Дарданеллам, когда даже не удалось встать на якорь из-за ветра, и в Босфоре, и в Черном море — отпустившим вдруг, отпустила и напряженность последних суток.

Теперь все должно быть хорошо. Теперь все будет хорошо.

Надо подготовиться к приходу.

В каюте привычно побрился холодной водой. Новое лезвие. Как всегда поцарапался. Теперь на ворота рубашки будут бурые пятна.

Это ничего. Все будет хорошо.

Сигнальный доложил об опознавании с Херсонесским маяком.

Посидеть спокойно в каюте. Покурить. Осталась швартовка. Механик божился, что машины не подведут.

Жена конечно не придет.

Она знает, что в день прихода не до нее.

Давно уже сказал, что день прихода и день ухода — не ее. Они корабля и людей. Не ее и не мои.

Да и время — девятый час.

Если чьи-то жены на причале — наверное, сошли с ума от этой задержки...

Старпом с мостика — добро на вход. Пора.

На константиновском — зеленый-белый-зеленый — «заходи, брат, заходи» Захожу.

Пустая бухта в странной после шторма тишине, машины застопорены. По инерции вползти под «второй горбатый» — кран на причале.

Машины враздрай. Машины назад. Пошли. Стоп. Вперед самый малый.

До стенки 10.

Подан бросательный. Проводник. Основной. Машины стоп. Пришли.

Снег. Снежные сугробы по всей причальной стенке, с кое-где прочищенными тропками... Оглушительная тишина, сменившая эхо команд и докладов с бака и юта.

Но всего на несколько секунд, потому что со стенки вдруг слышались женские и детские голоса... Все — таки пришли, и все-таки дождались... Жены. Дети.

Голоса, подзабытые за семь с половиной месяцев, и звучавшие лишь в сознании, когда читаешь письмо...

Трап.

Два зам комбрига — строевой и политический. Встретить Доложить.

Комбриг в море.

Построить экипаж.

Благодарят.

А-а-а — ..как всегда. Пока вы там находились, мы, здесь... За...бали. Одно и то же в который уже раз.

Отпустить экипаж.

Офицеров собрать. Что им еще нужно??? Все хотят домой, к женам. Женщины мерзнут на пирсе...Ладно. Офицеров — ко мне в каюту. Старпом. Потихоньку, встречающих — на корабль. Пусть прогреются.

Ну долго они будут...задачи...воинская дисциплина... борьба с неуставными отношениями...**ЛЮДИ ХОТЯТ ДОМОЙ!!! ОНИ НЕ ВИДЕЛИ СВОИХ СЕМЬ МЕСЯЦЕЙВ!!!**

Дошло вроде. Хоть и молчал.

Командиру завтра в восемь тридцать — доклад по итогам боевой. С корабля не сходить.

Не понял. Первый сход — всегда командира. Они что... Так точно.

Проводил.

Старпом, кто по кораблю сегодня? Тарасенко. Хорошо.

Ты график схода составил? Отлично. Во изменение. Всем добро на сход. На борту остаюсь я и дежурный по кораблю. Вопросы?

Нет, завтра по плану, как обычно.

...

Сошли. С шумом, смехом, со своими любимыми...

У них всех впереди ночь. У меня тоже.

И все же хорошо, что можно доверять своему экипажу. Не подведут. Сегодня — не подведут.

Поверка. Подъем завтра в семь...довольны... Отбой.

Дежурного. Игорь, проверь, чтоб все были в койках. Доложишь.

...

Все спят? У тебя кто по низам? Буди. Давай его сюда. Нормально все, выспится завтра.

Касым, я что тебя поднял... я дежурного отправлю по делам в

город. Справишься?... Ну давай. С дозорным по переменке постоянно по кораблю ходить. И чтоб никаких ночных подвигов. Всем спать. Иди.

Игорь, быстро — форма одежды, вот тебе десятка, такси, — твою жену и мою жену — на корабль. За час справишься?

...как долго тянется этот час...

Как он тянется...

Рубка дежурного! Касым, подними котельного, пусть пароход протопит, да воду горячую в магистраль...Доложишь мне.

Здорово все-таки, что есть ванна...пошла горячая. Наберем побольше...

Как долго тянется...

Приехали.

Еще не зная, каким-то неизведанным чувством — приехали. Каблучки по линолеуму командирского коридора...

Встать. Открыть дверь.

Это ты...

И посмотреть в глаза... И...

Секунду.

Игорь, в пять ноль ноль — проводишь.

Хорошо.

И снова — в глаза.

И неважно, что она говорит, это неважно.

Просто смотреть и смотреть на эту красивую и слегка чужую женщину, о которой думал все эти месяцы, чей запах вспоминал в ночном мучении..

А она пусть говорит.

Знаю, она потом будет обижаться «почему ты спрашиваешь, ведь я тебе рассказывала», но это потом.

Зачем объяснять сейчас, что в эти минуты нет смысла слов, есть только интонации, есть только узнавание, есть поиски чего-то незнакомого, что могло появиться за эти месяцы, и что пытаешься уловить, и не чувствуешь, и радуешься этому...

Шампанское. Наш традиционный напиток прощаний и встреч...

Да..

Еще по бокалу...

И снова вглядываясь, в движения, повороты головы, мягкие взмахи рук... Птица, моя большая птица, ты опять прилетела... Так и хочется обнять, прижать к груди, просто чтобы чувствовать лихорадочные стуки сердца, видеть краешком глаза ресницы и ощущать легкое дыхание у плеча..

Согреть...

Тебе было холодно, птица?

Мы снова вместе, и я согрею...

Нам вместе тепло, да?

Третий час ночи.

У нас еще есть время...

И снова и снова слушать о том, как они были вдвоем с сыном эти месяцы, и снова и снова — уже воспринимая слова как слова и, вставляя иногда свои, слушать, слушать и слушать...

И прижимать к груди, с той необъяснимой нежностью, которую и самому понять кажется невозможно...

Как объяснить, как высказать то, что где-то в сердце копилось все это время, все эти дни...

Я здесь.

Мы вместе.

Мы все сможем.

Мы все сумеем.

Все будет хорошо.

Ты веришь?

Тоненько пропиликал будильник.

Половина пятого.

Надо собираться.

Начинается новый день.

И уже не повторится эта ночь, с ее волшебством, с ее сказкой.

Пора...

Стук в дверь. Пора.

До вечера.

Вечером придут друзья, и мы будем пить, есть, смеяться, говорить наперебой, и петь песни, и шутить.

Но.

Когда мы будем встречаться взглядами, в них будет жить эта ночь...

До вечера.

Есть такие события в жизни, что помнятся долго-длого.

Например — первое купание море. В Средиземном.

Меня призвали сразу после техникума, ну и попал со своим «средне техническим» в штаб, писарем.

Служба, честно говоря — класс. Бригада в бухточке удобной стоит, штаб — на берегу, катера — рядышком.

Пляж. Крым. Нет, не санаторий конечно, но было время и отдохнуть, тем более при штабе.

И девчонку хорошую нашел — на узле связи радисткой служила...за полгода до увольнения женились...

С этого то и началось все. Я ей, мол уволюсь — ко мне поедет, а она (местная конечно) — давай здесь останемся. Что и говорить, убедила в конце концов.

А тут ко всему — на одном пароходе (у нас в бригаде две плавбазы были) — секретчик, мичман, по возрасту увольняется.

Навалились тут на меня всем кагалом — жена, теща, да и начштаба в ту же дудку дудит, мол оставайся мичманом, оставайся...

Убедили. Подписался.

Приказ вышел, мичмана присвоили — и отбыл на тот самый пароход, дела принимать. Принял, предшественника моего проводили на пенсию — началась моя мичманская служба.

...Очень непросто сперва пришлось. Еще бы, недавно совсем сам мичманов «сундуками» называл, да над тупостью посмеивался — и вот сам — мичман. С одной стороны матросы косятся, что мол за явление природы такое, моря не нюхал (а они все почти — вокруг Европы прошли, значками «За дальний поход» красуются), с другой стороны — мичмана вроде еще за своего не принимают, матрос бывший, мичман без году неделя. Проще говоря — не особенно уважение чувствовал.

Ну да скоро скучать не пришлось. Корабль на боевую готовился, в море ходили, задачи решали, отрабатывались всяко, и я пообтерся слегка. Налаживалось в общем.

А недели за две до выхода — вообще про все позабыл — каждый день — почта для Средиземного. И не какими — то там пакетами — мешками. Все принять надо, разложить. К выходу всю секретку завалили.

Вышли. Пока до Средиземного дошли — я все разложил

аккуратненько. По адресам. Сначала в бумажные мешки, потом в дерюжные. В каждом — опись, документы на передачу. В общем пять минут работы — мешок вскрыть, по описи проверить — расписаться — и все.

Пришли мы в точку под вечер, на якорь встали.

Кэп вызывает — готовь мол свое барахло к передаче. Сейчас подойдет пароход — на него все отдадим, а уж он по эскадре развезет..

Докладываю, готово мол, все уже разложено.

Похвалил, дал команду — расписанным при эвакуации секретной части построиться, ну в общем всех кто нужен был...

Подходит тем временем пароход. Так, по внешнему виду — раза в четыре побольше нашего барказа... Встал под корму... Трап подали — с кормы нашей тому пароходу как раз на надстройку... обговорили все... Шаман(спс-овец) туда перешел, принимать и следить...

А солнышко село тем временем. Ветерок слегка поднялся. Нам — то ничего, и не чувствуется даже, а пароходик под кормой — ощутимо так вверх — вниз заелозил. Но не страшно.

Начали таскать.

И вот где — то мешке примерно на пятнадцатом — поддала волна пароходик тот самый очередной раз. Да так, что трап поехал слегка.

Ну и — святое дело, как раз в тот момент на трапе — моряк с мешком секретов... Одной рукой — за леер держался, другой — мешок на плече удерживал. И конечно, как трап под ногами у него поплыл — он мешок бросил — о обеими лапами за леера...

Мешок — в воду.

Как я рядом с ним оказался — не помню. В воде то есть. Народ потом рассказывал, что никто нечего мявкнуть не успел — я на леера вскочил, и с воплем типа «Я-я-я»... или «Е-е-е...» — следом за мешком.

Тот плавает, однако. Я в него вцепился одной рукой, другой гребу к корме нашей. Течение то хоть и маленькое, а сносит постепенно... Наверх, на борт взглянуть пытаюсь — не вижу ничего, прожектор в морду светит... Вода черная... Быля-я-я... Жутко стало. И еще мысль — утонет мешок — все. То есть трибунал как минимум...

Тут по башке стукнуло что — то. Круг спасательный рядом шлепнулся, «Держись!» — сверху орут.

Конечно. Так вцепился — клещами не оторвешь. Одной рукой — мешок, другой — круг.

Так на круге, зацепившегося рукой, меня и вытащили. Благо, круг согласно устава шкертом оборудован был.

Вытащили.

Мешки так перетащили на тот пароход, сдал я их все. «Утопленника» выкрыли, посмотрели — нормально все, документы не промокли, не зря я их в бумажные — то мешки упаковывал.

Решили в общем о приключении этом наверх не докладывать...

Где там.

Прошла информация конечно.

Кэпа прямо на боевой вдули за то что не доложил.

А уж меня потом, в базе, начальники по секретной линии, с применением особо изощренных форм...во все дырки...

Так вот, старпом из этого случая — целое занятие с экипажем потом провел, на тему «все веревки на корабле должны быть по уставу, и все должно быть прочно привязано и промаркировано»...

А ко мне — отношение после всего этого изменилось...

То есть и моряки зауважали, и мичмана коситься перестали... Вроде как вырос я в чем-то.

Да...

Так что это вот первое купание — как первый поцелуй не забывается... Хотя уж сколько лет прошло.

Только вот вспоминаю — и ежусь до сих пор.

Сосиски в томате

Консервы такие были — а может и сейчас есть, суть — то не в этом, а в том, что не ем я их. Хотя говорят вещь вкусная..

Когда урод меченный борьбу с пьянством объявил — я в море был. И нас это вроде бы и не касалось, что они там, на берегу беснуются, у нас свои заботы были, мы дело делали.

В море — и в море, а кушать хочется всегда... а надо отметить, что проблема эта достойно решалась. Фрахтовался в каком — то пароходстве танкер, совершенно гражданский, под красным флагом, и ходил он по всем Средиземноморским странам, куда военным «вход воспрещен», закупал дешевое продовольствие и воду, и развозил по эскадре.

Вот, стою под Тунисом, а тут как раз свеженький танкер, из Союза, в Палермо идет...ну и меня попутно заправить назначили.

Утречком снялся, швартуюсь, приглашают на борт.

Поднимаюсь. На мосту — старпом и зам. Мастер мол отдыхает. Но щас..

И действительно, приглашают в каюту.

Маастееер!

Роста среднего, рыжеватый...а в талии... Ни до, ни после таких не видел. Итальянцы потом на него два месяца джинсы искали, а ремень так и не смогли найти — ну нету таких размеров «во всей честной Италии» — пришлось мне потом ему ремень от офицерского снаряжения подарить, в вооруженных силах все есть. Если хорошо поискать.

Но это к делу не относится.

Сели, закурили, служебные вопросы порешили, заправка идет, все путем...

Мастер на меня оценивающе так посмотрел, и говорит:

— Ну и как тут у вас с антиалкогольным указом?

Я ему, что мол, никак. Не дошло это все до нас. То есть бумага дошла, а так...

Он тут же — бутылку «Московской особой» на стол...

Я:

— Не рано в десять утра?

Он:

— Не рано. В самый раз.

Приложились.

Буфетчицу он вызывать не стал, сам говорит сделаю. И ставит в салоне у себя на электроплитку — была у него там такая — банку сосисок в томате. Подогреть чтобы.

Еще приложились. Кончилась бутылка. Вторая объявилась.

Хорошо сидим... Разговариваем.

Вдруг — кааак шарахнет что — то...

Взрыв...на танкере...во время заправки...!

А под бортом — мой пароход — та еще пороховая бочка...

Реакцию капитана описывать не берусь — а я протрезвел в секунду.

А секунды идут...и тревоги не у меня на пароходе, ни у него на танкере нет...Тишина.

Помидорами запахло...Ёёёёё...

Если слоноподобные птицы бывают — то мастер ту птицу изобразил, когда из — за стола — в салон вылетел...

А там!...

Салон сверху до низу в томатном соусе горячем. Ключья сосисок — по палубе валяются, и в середине — банка консервная, на «звездочку» разорванная...

Вот так и посиделки кончились.

А тут и заправка к концу подошла.

Хорошо конечно посидели, только у капитана буфетчица потом три дня салон отчищала, а я вот разлюбил сосиски в томате.

Снова такой стресс испытывать что — то не хочется.

Как с пьянством бороться — вопрос всегда для Вооруженных Сил острый. И вот однажды выяснилось, что способы разные возможны.

У нас весь экипаж с полгода в рот не брал. Ни один матрос.

А началось — то все задолго до описываемых событий, когда еще в ремонте мы стояли.

Пароход у нас был «спицифский», напихано в него всякого много было. И была одна системка, так, ничего особенного, цистерночка на восемь тонн, трубочки по бортам через весь корабль, ну еще кое — что. И выяснилось уже в заводе, что проверить ее можно — согласно документов — только закачав туда четыре тонны спирта. И опрессовав затем азотом. Такая вот хитрость.

Ну да в заводе — какие хитрости. Написано — сделано. Спирт закачали, под давлением подержали, убедились, что все ладненько, и слили — в цистерну обратно.

Ну и списали, как водится — расходный же материал.

Жидкость в цистерне поначалу мутноватой была, за долгие годы в системе худо — бедно грязи поднакопилось...а потом осветлела...

Лючек технологический вскрыли бережно — благодать!

Черпай ее хоть ведрами...

Так и поступали.

Перед задачей командир меня вызывает в каюту и говорит:

— Старпом, завтра задачу сдаем, не сочти за труд, отнеси в штаб бригады, отдай минеру, он там самый старый флагман, правильно распределит.

И кивает на эмалированное ведро под крышкой, что у его стола стоит. А там — двенадцать литров благодати.

Что и говорить, задачи мы все сдавали с первого предъявления и не хуже чем на «хорошо». Но, по правде говоря, и экипаж старался немало — всем уже этот ремонт надоел — дальше некуда. Так что не только благодаря спирту. Да и время такое было — одним спиртом всех вопросов не решишь, надо было и дело делать.

В общем все в жилу шло, служилось в удовольствие — без всяких шуток.

Однако всему — и хорошему и плохому — когда — то конец приходит.

Вот и спирт когда — то кончился.

И оказалось, что в цистерне той, на дне, грязь со спиртом

вперемежку.

Видели ли вы когда — нибудь спиртовое болото? Нет, вы не видели спиртового болота...А уж запах.....

Нда-а-а... А чистить надо.

Вот, утречком, с подъема флага выделили личный состав, заинструктировали насмерть, чтоб значит ни — ни, обеспечивающих, старшего, изолирующие противогазы проверили — вперед!..

Где — то часа через два — три, старший над этой командой в каюту ко мне вваливается, и, запинаясь:

— Тащтан третьего ранга, разрешите доложить, чистить больше не можем. Все — в хлам.

И чувствуется, что он — тоже.

Как так — а так.

Цистерночка небольшая, грязи спиртовой в ней — по колено, лючек технологический — узенький, помещение, где происходило все это — тоже небольшое. Хорошенько не проветришь.

Матросики еще до «погружения» кайф ловить начинали. А уж в цистерну кое — как влезет, грязюку эту вонючую руками в ведро пособирает минут десять — и наверх просится — пьяный в дугу. А вы попробовали бы в атмосфере 96 % спирта посидеть десять минут. Кожа — то тоже впитывает...

Короче говоря, через два часа работы вся выделенная на чистку команда спала глубоким алкогольным сном.

А уж похмелье у народа было — словами не передать...

С того дня всех злостных нарушителей воинской дисциплины и склонных к употреблению — на работы по очистке спиртовой цистерны выделяли.

Через два дня зеленые «с бодуна» корабельные алкаши умоляли в цистерну их больше не посылать...

Так вот потом и не пили с полгода...

Память, ё...

Ну а цистерну таки почистили...

Покровский как-то верно заметил, что лучше на корабле иметь двух алкоголиков, чем одного спортсмена.

А вот командир наш не препятствовал, даже поощрял — мол если моряк спортом занимается — и слава богу — не бражку ставит.

Но все как говорят «до разу», до случая то есть. А они, «случАи» порой такими бывают, что мировоззрение перевернуть могут. Куда уж там отношение к спорту.

В Средиземном мы уже месяца два были, так что организация службы отладилась, все своим путем движется. Сидим как — то в кают — компании после ужина, зам фильму показывать готовятся, а мы — в домино пока.

Анекдот про домино на корабле все хорошо помнят, и вот как в том анекдоте: «Дурак ты боцман и шутки у тебя дурацкие!» — механик по столу лупит: «Рыба!!!» — и вдруг палуба кают — компании с грохотом подпрыгивает — Буууумс — и что — то мерзко шипеть начинает.

Обалдение секундное, а у всех в головах мысль одна: под кают — компанией — погребка. И шипит система орошения. Значит — пожар в погребках. Когда порою пишут про «квадратные глаза», я чаще всего этот момент вспоминаю, и глаза партнера напротив. Нет, квадратными они не были, но весь глаз — сплошной зрачок... Страшновато...

Мигом вниз, в пост контроля...Температура в погребе — норма, давление — норма...а шипит, сволочь. Из ПЭЖа вопли пошли — пожарники (пожарные насосы) на автомате включаются...

...Я писал уже, что пароход у нас был «спицифический», и погребка эти на неподготовленного человека серьезное впечатление производили. Так, на всякий случай, если переборки убрать — так хороший СКР можно спрятать было. Ну и всякого добра взрывоопасного — соответственно. Ну и система орошения — соответственно — с трубами в слоновью ногу... А перед погребками — тамбурочек небольшой, а в нем — иллюминатор, для «визуального наблюдения за состоянием изделий».

Решились в тамбурочек заглянуть...Норма вроде. К иллюминатору — ё... Лондон, блин. Туман водяной — ничего не видно. Пожара тоже не видно. Зашли в погреб — мокрые

мгновенно...Порядок. Ничего не горит. Ладно.

Выключили орошение, разбираться. Туда сюда. По системе, палубой ниже — мать! И еще раз мать, мать, мать! Моряк, сука, спортом занимается!

Резину тянет, гад!

А резину — за вентиль быстро вскрывающегося клапана включения орошения зацепил!!! И все два месяца он этот клапан дергал, пока не сорвал!

Неделю потом погреба сушили да электрику всю спиртом, слезами обливаясь...

А спорт командир с тех пор запретил.

Во избежание.

Хорошо орошение, а то в другой раз и еще что — то запустят, врагам на страх...

...Никогда не говорил о войне...

Даже когда просили собственные дети.

Только серьезнел и замыкался надолго — «Да как — nibудь потом...» Невысокий, плотный, с простецким «вяцким» лицом.

И всю жизнь, ту, которую я знал — заботился о семье.

Любил ходить на рынок..

Его в троллейбусе однажды обозвали «спекулянтом» — когда он с Центрального рынка вез домой две полные авоськи...

Он не обиделся.

Улыбнулся как-то виновато...

Проработал еще двадцать лет после увольнения. И был душой любого коллектива.

А как он бегал по Питеру — Ленинграду тогда еще, когда приехал к нам в гости...

Казалось, что он хочет объехать весь город, чтобы снова вобрать в себя его красоту...

Он будто чувствовал, что осталось мало...

Совсем мало...

Медали... «Отечественная»... две «Звездочки»... «Знамя»... «Невский»...

«Невский»... их было всего сорок две тысячи, за всю войну...

...«награждаются командиры Красной Армии, проявившие в боях за Родину в Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость и умелым командованием обеспечившие успешные действия своих частей»...

Мы уже не узнаем, за что...

Мой сын, его внук, приезжая из далеких своих Африк и Америк любит открыть эту заветную шкатулку — и перебрать ордена...

Но он не поднимет архивы.

Он еще помнит деда.

Может быть правнук... может быть...

...Не сдавался до последнего. И когда я приезжал в отпуск, с какой — то тогда не понятой мною болью интересовался: А не принял ли я присягу Украине... и как там флот... и Город...

И что вообще в вооруженных силах?

Наверное я обижал его, когда отмахивался, да мол все нормально, служим..

Мы всегда думаем, что родители — вечны...

А он плевал в телевизор, когда выступали «перестройщики».

Мы смеялись.

А не смешно. Горько.
И только за сутки до смерти
в бреду
с отрезанной — привыкшими кромсать привезенных с этой
уже, чеченской войны раненных — хирургами Ростовского
госпиталя, израненной в той, Великой войне ногой...
он воевал.
Всю ночь, что я сидел в полусне в его палате...
Он брал рощу. Отбивался на высоте.
Форсировал какую-то речку...
Всю ночь.
А утром — новая операция. И остановка сердца.
Сорванного войной...
С 41 по 45 — сердца.
«Ванька — взводный», принявший войну в лицо на Украине, и
шедший с ней на восток — а потом на запад, до Кенигсберга.
Кому жить-то на войне отпущено полдня.
И отмеривший все ее дни до донышка.
И пришедший к Победе начштабом полка...
И еще долго служивший...
И закончивший заочно школу...
И академию.
Что он не говорил...
Что не сказал...
И чем измерить меру нашей вины...какой — то душевной
черствости...
Остался военный альбом, где он веселый, молодой, с
друзьями...
И ордена.
И память.
Не хочу, чтобы она стиралась...
Помнить...

«Не служил бы я на флоте, если б не было смешно». Цитата. Я это в 74 году услышал, когда меня с «Железного» на «Юрьев» перевели, от того, которого менял. А сняли его прямо перед боевой, просто потому, что евреем он был. Так вот, по пятому пункту.

Вспомнил эту поговорку к тому, что смеются на флоте, и шутят, и подшучивают. И иногда зло очень.

Ну вот, а Ивана Ивановича Иванова нам тоже перед походом назначили. То есть командира БЧ-4 сняли — уж и не упомяну за что — а без связиста в море идти вокруг Европы тоскливо — и прикомандировали начальника берегового узла связи бригады Иванова И. И.

В связи он конечно как бог, не без того, и не только в связи... А в остальном — что возьмешь с прикомандированного, да тем более офицера вышележащего штаба. Так что как бы на отдельном положении «Иван в кубе» у нас оказался.

Вышли мы из Кронштадта, и в Лиепаю. Дошли, встали — задачи перед походом отрабатывать.

Тут как раз старпома нового назначили, приехал из Севастополя. Офицер крейсерский, ну и порядки стал крейсерские вводить. В принципе все ничего, на пользу, народ в рамки быстро загнал, одно только: «Блядство — говорит — среди офицеров и мичманов плодить не будем. Сход на берег — до часу ночи.»

Чтоб, значит, в кабаке где отдохнуть — пожалуйста, но чтоб заночевать где на стороне — ни-ни. Нравственность соблюдал. А сам, гад такой, на берег вообще не ходил. Ну, разве часа на два — три в воскресенье, жене позвонить, да пива попить.

Выворачивались конечно, решали вопросы — когда в «Журнале боевого замещения» друг отметит, что, мол прибыл, на борту где — то, а когда еще как.

А «Ваня кубический», со своим особым статусом, штабным, на берег каждый вечер — и до утра, тетку завел, жизни радуется.

Ну да ладно, дело житейское — каплейское. «Кто из вас без греха — пусть первым бросит камень». Все бы ничего, да вот делился он, Ваня то есть, всеми своими переживаниями. И сколько раз, и как, и что он ей, и как она ему. Кому — то вроде и ладно, а кому — поперек горла рассказы его. Не у всех психика одинаковая, да и способности у всех разные. Задевало в общем.

А народ в основном молодой, до тридцати еще. Играет гормон.

Зама естественно это больше всего заводило. К слову сказать, зам правильный был, строевым некоторым сто очков вперед давал. Какие бы проповеди о политике партии и правительства не читал, а заканчивал всегда одинаково: «Матроса надо драть, драть, и еще раз драть. Только до конца задранный матрос не думает о пьянках и самоволках. И если матрос ходит в самоволку, или пьет — грош цена его начальнику». И надо сказать, слова у него с делом не расходились, воспитательную работу среди личного состава он четко по уставу внутренней службы, вкупе с дисциплинарным строил. Жаловаться на начальников к нему бесполезно ходить было. Разве что дополнительное взыскание заработать можно.

Да и что касается остального — тоже не чужд был. Так что Ванины рассказы его доставали основательно.

Но суть да дело, задачи отработали «сдались» успешно штабу — и в Балтийск, под штаб флота, на проверку готовности к межфлотскому переходу.

Вот когда в Балтийск шли, зам ко мне приходит и говорит:

— Все. Задрал меня «кубический» своими повестями. Давай его от блядства отучим. Хоть ненадолго. Хоть на время, пока он у нас. Да хоть бы он язык, сука за зубами держал.

— Согласен. Какие предложения?

Тут зам идею свою объявляет.

Напечатать письмо, якобы баба Ванина в политотдел Лиепайской бригады обратилась, оформить его как надо, и по приходу в Балтийск — Ваню напугать.

Нет вопросов.

Взяли машинку, натюкали одним пальцем, что мол в политотдел обратилась гражданка такая — то, с вопросом, куда пропал ее любимый Иванов И. И., который два месяца назад вступил с ней в половую связь, и обещал жениться.

И просит она всей силой партии вернуть его, дорогого к ней, любимой.

Только так.

На угловом штампе парохода номер в/ч заклеили, тиснули на бумагу косо, дата, номер. Зам закорючку — за НачПО поставил. Потом — конверт, адрес прямой — наш, обратный — политотдела Лиепайского, «письмо солдата, бесплатно» — все.

Но командира конечно посвятили. Тот — а Ванины рассказы тоже поперек горла — поддержал.

Пришли в Балтийск. Зам в политотдел сбегал, о полморсоте доложил, возвращается — черный.

К командиру. Меня тоже пригласили. Взывает кэп Ваню. Прибывает. «Прибыл, мой командир».

Тот:

— Что делать будем?

— А что?

— А письмо вот получили, фельдъегерской связью доставлено.

И читает. У Вани — челюсть на пол, колени подогнулись, на диванчик рухнул...

— Дайте посмотреть...

Дали. В стрессе на «мелочи» оформления он внимания не обратил. Челюсть кое — как вправил

— Мужики, у меня же жена, дети, помогите, что — ни будь, хоть как, куда мне...я...ну...

Командир серьезно так:

— Ладно. Зам, напиши письмо, что в силу служебных обстоятельств Иван Иванович на ТОФ (Тихоокеанский флот) откомандирован. Укажи в/ч какую ни будь...

Ваня:

— Не надо в/ч, найдет сука такая...

Командир на него посмотрел, и со своим непередаваемым кавказским акцентом говорит:

— Ладно. Толко еслы еще раз в кают-компани рот откроиш пра баб сваих — всэ даннии в палытатдел дам.

Ваня конечно клясться, что ни-ни...

Еще бы, из — под гильотины можно сказать выскочил. Думаю у него в те секунды, что он в трансе был — все промелькнуло. И лишение партбилета, и снятие с понижением, и развод, с выселением из Севастопольской квартиры...Поклянись тут.

Затих он после этого.

И только уже когда в Бискае были, недели через три, зам ему правду открыл.

Соседи говорили, что минут пятнадцать в замовской каюте грохот стоял. А приборщик потом все бурчал, что стекла то графина и стаканов по всей каюте собирать приходится...

О национальной гордости чувашей

*«Шизофрения, как и было
сказано»*

(кажется, Булгаков)

«Ленин был чуваш»

(М. Иванов)

Все-таки народ поизмельчал нынче.

Это, может, и бурчание стариковское — но, кажется, доля правды в нем все-таки есть.

А к чему я это — да вон, недавно сообщение проскочило, что, мол, матрос с Российского корабля в иностранном порту пропал. Естественно, сразу — измена Родине, предательство... Разобрались, правда, потом — напился, оказывается, попросту в хлам, и отсыпался где-то, за углом валяючись.

Не интересно, в общем.

А что интересно, спросите? А попробую рассказать.

На корабль, в экипаж иногда фигуры попадают прямо-таки странные. У меня, например, был и мастер спорта по карате, и повар из какого-то киевского ресторана — но больше всего, конечно, художники запомнились. То есть нормальные художники, учились после художественной школы в институте заочно, — ну и призвали их. Их — потому что два их было, и оба — чуваш, Иванов и Ильин.

Пришли они ко мне перед боевой незадолго, причем штаб сразу сказал — мол, одного заберем, на боевую не пойдет.

А тут, как не грех, жена, когда сдуру ей ляпнул, что, мол, художники у меня объявились — чуть не с ножом к горлу.

Она в то время в детской неврологии воспитательницей работала — помоги, мол, раз дело такое, у нас там стенка пустая в холле, может, нарисуют чего. В конце концов — чего не помочь? Отправил я их туда, на так сказать принудительные работы... Проходит дней пять — выполнили они социальный заказ, о чем жена и проинформировала.

Только когда информировала — как-то странно на меня поглядывала — будто еще что сказать хочет — и в то же время... опасается вроде чего. Раз такое дело — решил сам посмотреть. Зашел к супруге на работу. Ну-ну. Нарисовали. То есть вроде бы все по-хорошему — птички там разные, бабочки цветные... мишка-медведь опять же с бочонком меда. Нда-а-а-а. Не то что-то с медведем. Вроде все исправно — а не то.

Чувство какое-то странное, при взгляде на роспись эту

стенную возникает. Тревога какая-то.

Жена — рядом. Ну и как, мол?.. Да ничего вроде... Только вот...

А она: «Вот-вот» — и - рассказывает, что, мол, когда заведующая этим самым нервным отделением результаты творчества увидела — тоже так себе, похмыкала, и говорит, что, мол, мужу вы (жена то есть) скажите, на всякий случай. Не все у художников этих его ладно. С головой то есть. То есть, если б они помладше были, в детском совсем возрасте, так диагноз «шизофрения» — в самый раз был бы.

Ну а так — люди взрослые, комиссию перед призывом прошли, может, и ошибка...

Ну мне — что делать, похмыкал тоже, в памяти галочку себе поставил — припомнить если что.

...А тем временем — пароход мой к боевой подготовился, вышли на пять с половиной месяцев, а перед выходом — одного художника — Иванова — забрали у меня.

На боевой мой художник, Ильин — ничем особым себя не проявил, служил как все, то есть не лучше и ни хуже. Вернулись мы, через пятнадцать суток — в ремонт в Болгарию ушли. Единственно, что запомнилось — так действительно в бригаде наглядная агитация на недосыгаемую высоту поднялась. Крепко оставшийся Иванов поработал.

Из Болгарии я в отпуск ушел, потом в академию поступать уехал — в общем, попал на любимую бригаду месяцев через шесть.

Мне — рассчитываться, а бригада — я, конечно, штаб имею ввиду — вся как пришибленная ходит. Стал пытаться, что да как.

А так, отвечают. Художника-то своего, Иванова, помнишь? — Как не помнить — (и сразу медведь этот безумный на стенке в неврологии вспомнился) — ну так вот...

...Разрисовал этот самый художник бригаду «в петухи»... служба идет... А его погодки — уже в море сходили, колониальными товарами привезенными из-за бугра хвалятся. Ему завидно. Пошел он к любимому непосредственному начальнику — НачПо(начальник политотдела, кто не помнит) в море проситься. Мол, все как люди, моряки, можно сказать, заграничагребё, бонны получают, подарки домой везут. А я, бедный — кроме как «волна выше сельсовета» — и рассказать-то ничего не смогу.

Тот прикинул — а ведь и можно моряка в море пустить. До ближайшего съезда или пленума, когда агитки переоформлять придется — не скоро. Да хай с ним. Пускай в Тунис в док на пару месяцев сходит.

Посадили, конечно, болезного на плавмастерскую — и пошли они, солнцем средиземноморским палимы, в славный город Мензель-Бургибу, родину главы Туниса, президента Бургибы.

...В общем, событие достаточно рядовое, но как верно заметил один флотский остряк-самоучка, всякая флотская беда, как правило, с рядовых дел начинается. Ну например, решили вы просто попить пива после напряженного трудового дня... попили... И проснувшись на следующее утро с жутчайшей головной болью и общей развинченностью организма в совершенно неизвестном месте, лихорадочно пытаетесь вспомнить, что же было после пива... и трехсот водки... и шампанского... и... — в общем, что рассказывать, думаю, что подобное чувство знакомо многим.

Так вот, возвращаясь к нашим героям — в один из дней, когда желание попить пива еще не созрело, начпо нашего безжалостно выдернули из обстановки благоденствия на фоне неуклонно растущей коммунистической сознательности в народных массах бригады и поставили перед очами главного флотского политбойца.

Надо здесь отметить, что уж не знаю в силу каких обстоятельств, но главный политбоец на флоте(и в войсках) — Членом назывался. То есть были командиры, начальники, флагмана, прочая разная нужная флоту сущность — а этот — Член. И все тут. Это как бы вся суть существовавшего политинститута, сконцентрированная в названии. Ни убавить — ни прибавить.

И вот, начинает этот самый Член — как начпо наш на пороге кабинета появился — исполнять действия, заложенные в собственном своем названии. При этом, учитывая наличие весьма солидного служебного опыта, делал он свое дело весьма виртуозно, и как принято в последнее время говорить — в особо извращенных формах, граничащих — да что там — прямо показывающих на знакомство с высшими степенями посвящения в разделы извращений в этой самой области.

Процесс продолжался весьма продолжительно, и к концу его начпо наш узнал, что с занимаемой должности он снят, назначен с понижением на береговую, а также очень много нового о сексуальной ориентации и наклонностях своих ближайших и далеких родственников.

Когда Член наконец слегка обмяк, кроме изложенного выше начпо уяснил, что известный ему матрос Иванов сделал попытку измены Родине.

...Док, да еще в забугорье, в те далекие времена был явлением весьма желанным. Дело все в том, что в технологию

докового ремонта этих самых забугорцев входило обязательное «выведение камбуза». То есть отключалось все на несколько дней, питание экипажа предполагалось в береговой столовой, для чего каждому члену экипажа выдавались ежесуточные пайковые — «всего-навсего» сорок американских рублей в туземной валюте, каковые, как предполагалось, каждый член экипажа и тратит на собственный прокорм.

Думаю, что всем понятно, чем питался экипаж эти десять дней, и на что он тратил валюту.

Но дело-то даже не в этом, а в том, что в эти десять дней от корабля действительно отключают все, на нем нет воды, пожарная магистраль кидается с берега, не пользуются ни умывальниками, ни гальюнами.

То есть, надо тебе справить нужду — пожалуйста в береговой гальюн.

Конечно, в целях недопущения и сохранения, моряки ходили в этот самый береговой гальюн по трое. Но ведь не всегда среди ночи наберется трое желающих...

Что и подвело всю стройную организацию.

Как уболтал Иванов среди ночи отпустить его в гальюн — не ведаю. Но пошел он совершенно не в гальюн.

Пошел он — что советскому матросу забор, да еще и без колючей проволоки — напрямик в консульство немецкое...

Это ведь говорится, что города разные, а от Мензель этой самой Бургибы до Бизерты — по нашим, русским понятием — как до околицы деревенской.

Так вот. Двинул он в ФЭэРГэшное консульство. Пришел, стучит. Там люди вежливые — дипломаты, что возьмешь — открыли ему калитку.

Нашли толмача, тот спрашивает, мол, что привело в наши пенаты, заблудился может, болезный, еще какая помощь нужна? — А он им излагает последовательно, что мол помощь нужна в плане предоставления политического убежища. Я, мол, совершенно не согласный с политикой партии и правительства, и вот, решил... Те — опешив слегка — а мол кто ты по специальности будешь, дорогой ты наш — А - художник я, говорит. Хочу внести вклад в развитие сумеречного немецкого гения...Те совсем обалдели — но — случай не каждый раз бывает — посовещались — и - отказывают. Ты, говорят, друг, со своими художествами нам не нужен совершенно. Вы, художники — люди подозрительные, вон, мы одного художника к власти допустили в 33-м году — вся планета потом долго икала... Вот если б к примеру ты связист был. Или еще какой полезной специальности — другой разговор, а так обойдемся мы без тебя... Ступай-ка во-о-

и тамочки — французское консульство. Они там всяких художников собирают.

Тому делать нечего. Пошел к французам. Та же история: он им — Монпарнас, Этуаль — а они ему — да нет. У нас таких монпарнасцев — пруд пруди, как-нибудь без вас, дорогой товарищ... Не будем мы босоту в Париже плодить...

Конечно, не без того, чтобы побаивались ребята консульские, было бы из-за такого ценного кадра отношения с СССРом портить...

Так что разговоры разговорами, а сами нашим позвонили. Мол, ходит тут один. Политического убежища просит. Заберите его, что ли, от греха подальше.

Наших долго убеждать не пришлось. Прискакали, побрали... и, как водится, давай вопросы задавать... Почему, да зачем... Почему-почему... по кочану.

Конечно, это понимать надо — в консульстве нашем тоже всякие спецы были. И советники всякие. В том числе — по разным наводящим вопросам — типа «А почему и зачем?» Может дело до иголок под ногти и не доходило — а вот яйца в дверь — и медленно кремальеру поворачивать — думаю, вполне могло, учитывая флотскую специфику города Бизерты. Не зря там наши флот топили...

Так вот, больше всего народ, задававший художнику этому вопросы, смущало то, что нес он на все вопросы одно и то же — несмотря ни на какие ухищрения спрашивающих:

«Все в стране неправильно. Ленин мечтал не об этом. Ленин — великий сын великого чувашского народа. Я тоже чуваш — и этим горжусь безмерно. Надо делать революцию по-новой. По Ленину».

То есть текст до боли «спецам» знакомый — и спрашивающим и медицинским, что смею думать при консульстве были.

Оно конечно. И перестройка уже началась. И все такое, но послушали его, и — готово дело. Диагноз то есть. Шизофрения.

Как уж там дальше события развивались — история умалчивает. Только на пароход бойца нашего не вернули, другим путем в Союз переправили.

Больше мы про судьбу его, да в общем-то, и начпо нашего, не слышали.

Лет пять.

А лет эдак через пять или больше — за временем не помню точно — кладет мне начальник кадров бригады на стол письмо. Мол, обратился к нам и т. д и т. п. господин (уж 90-е на дворе были) Иванов с просьбой... В связи с чем просим направить на него характеристику...

Начальник кадров не виноват, конечно. Но убегал он от меня быстро. А характеристику я сам написал. Постарался пообразнее, впрочем, без особого фанатизма в употреблении ненормативной лексики.

На этом наши взаимоотношения закончились... я надеюсь. Только вот когда вести по телевизору из Чувашии — у меня напрягается все... Вдруг знакомую фамилию услышу? В роли борца за светлое капиталистическое будущее, пострадавшего от гнусных сатрапов коммунизма... не дай бог такого.

Шизофрения... Как и было сказано.

Не вызовут...

Не вызовут...

Нет.

Не так.

Сначала — как будто кто-то там, наверху, веселый и улыбающийся — конечно улыбающийся — макает кисточку в желтую краску и слегка проводит по ней пальцем.

А здесь -

Здесь — мелкие желтые брызги вдруг вспыхивают в ярко-зеленой еще листве.

И — будто кипятком по нервам — каждое новое желтое пятно... шорох первых опавших вдоль бордюра... первые порывы ветра...

Ветер.

Он будет дуть теперь и дуть, раскачивая ветви и обрывая золото...

И с каждым его порывом, с каждой метнувшейся за окном изломанной тенью ветки, снова и снова в сердце будет нарастать мутная глухая тоска.

Но -

Не вызовут...

А по ночам все труднее и труднее будет успокоить этот глупый комок слева в груди.

Он не понимает, что -

Не вызовут.

Он — там.

Он слышит в шорохах за окном городской квартиры — Посвистывание ветра в неплотно задраенном иллюминаторе...

Стук — отдающийся вдруг дрожью в корпусе корабля — якорь-цепи по палубе...

Не ты.

Он,

Он не понимает, что —

Все кончилось.

Десять лет назад кончилось.

Он все еще сомневается -

Не сорвет ли? Держит ли якорь?

Свист ветра — стук якорь-цепи — ... нет.

Сегодня не сорвет.

Мостик.

Надо позвонить на мостик.

К телефону -

Нет.

Это не ты.

Это он.

А телефон — молчит... Уже столько лет.

По главной базе не объявлена штормовая готовность.

Ветер.

Нет.

Не так.

Не вызовут. Не вызовут по штормовой.

А этот глупый.

Он привык за почти двадцать лет -

Если ветер — надо идти.

Там, где-то там рвет с якоря корабли. Надо штормовать.

Где-то — бьет с размаху об стенку и рвет швартовы.

Он привык — надо штормовать.

Это не страшно, если рвется сорокамиллиметровый стальной,
он не убьет...

Хуже, когда рвется капрон — он как резина — и если не уйти
— как резинка может смять, сбить, порвать и железо — и
человека.

Это страшно... Людей надо убрать...

Нет.

Не вызовут.

Просто -

Опять, хоть раз в году, но -

Опять — нет сна.

Чай, сигарета.

И -

Мечущиеся за окном ветви...

И -

Свист и завывание ветра...

И -

Нет сна.

Хотя бы раз в году. Хоть и прошло десять лет.

Потом — все же сон.

Все равно придет, заставит забыться...

Но — и там, во сне — надо штормовать когда — ветер.

Шторм.

И ползущий якорь.

И ветер.

Ветер.

Штормовать...

Нет.

Не вызовут...

«Четыре года рыскал в море наш корсар»

Ну не четыре, конечно, нет, «всего-то» шесть месяцев... с одним заходом...

И вот — телеграмма долгожданная: «Вам сняться, следовать, проливы пройти...»

Это значит — все. Окончательно.

Проливы заказаны — уже не продлят, срок определен — так по «Соглашению о статусе Черноморских проливов»... Хороший город Монтрё в Швейцарии, и год 1932 — тоже хороший. Как подписали — так и живем...

То есть — кончилась боевая.

... «В боях и штормах не поблекло наше знамя»...

Не поблекло.

А что?

Задачи — все порешали. И неплохо. Хоть порой и на голодном пайке сидели, и ракеты по погребам врукопашную таскали... И за авианосцем следили... с нашим-то ходом и локацией. Нет. Не поблекло. Хорошо отслужили. И народ в общем-то не подвел...

«Мы научились штопать паруса, и закрывать пробоины телами»...

Ну конечно — не совсем — а ведь многому научились. Уж по крайней мере, экипаж — тот, что шесть месяцев назад — и тот, что сейчас — разница.

Ладно.

— Мостик — командир!

— Есть!

— Учебная тревога. Корабль экстренно к бою и походу приготовить!

— Есть!

Аж в трансляцию чувствуется, что улыбается. Улыбайся. Кончилась.

Все знают, все ждали.

Дзин... Дзин... Дз-з-з-з-з...

— Учебная тревога! Корабль экстренно...

«На нас глядят в бинокли, трубы сотни глаз»...

Что она прицепилась, песня эта...

Глядят...

А ведь и пусть поглядят!

— Мостик — командир! Трансляторщика ко мне!

— Есть.

...

— Товарищ командир, матрос Постнов...

— Коля, у тебя Высоцкий есть? Песня про корсара?

— Есть.

— Сейчас пойдя, приготовь — и по моей команде — по верхней палубе врубишь.

— Есть.

Аж пыль из-под копыт. Улыбается. Ну и хорошо — вместе поулыбаемся.

Пора на мост.

— Смирно! Товарищ...

— Вольно! Давайте, давайте, по плану.

«И видят нас от дыма злых и серых...»

А вот уж фигушки.

Ну а пока — как там... Телеграф сдали. Проверить. Утвердить ход. Машина готова. Часы и курсоуказатели сверены. Локация.

— Штурман, нанеси-ка на планшет позицию в точке поточнее.

— Есть.

Переглядываются. Не понимают пока. И хорошо.

Так. Якорь выберем — вперед — потом так... так... — и потом — сюда... Нда-а-а, за песню — не успеем, но...

— Корабль к бою и походу готов!

— Есть! Боевая готовность — два. Машине готовность к даче хода — немедленная, рулевому, радиометристам, боцкоманде от мест не отходить. Экипажу переодеться в первый комплект рабочего платья. Через десять минут — построить по большому сбору.

...

— Товарищ командир. Экипаж по большому сбору построен!

— Есть. Экипаж построить по правому борту, от юта. Интервал — полметра. Офицерам, мичманам — построиться на правом крыле ходового мостика.

— Есть!

— Пошел шпиль.

Построились. Ну:

«Но никогда им не увидеть нас — прикованными к веслам на галерах»...

— Якорь встал!

— Якорь чист!

— Обе вперед средний!

— Сигнал «Благодарю за пожелания» — до места!

— Сигнал до места.

Отреагировали. «Желаю счастливого плавания» на всех в точке...

Ну-ну... ну-ка...

— Рулевой — право десять. Держать на якорь-цепь танкера.

— Есть.

Сейчас, поближе, поравняемся...ну:

— Трансрубка!

— Есть

— Врубай!

И на всю точку, во всю мощь трансляции верхней палубы захрипел торжествующе Высоцкий:

«Лицо в лицо, ножи в ножи, глаза в глаза»...

— Проходим танкер.

Так, теперь — левее, вдоль сторожевика, и еще левее — к эсминцу...

А Семеныч все рвет душу:

«Чтоб не достаться спрутам или крабам»...

А мы — дальше, мимо буксира, плавамастерской...

«Кто с кольцом, кто с кинжалом, кто в слезах — мы покидали тонущий корабль...»

Все. Теперь — курс — норд. Нам — на север. Все время на север.

— Экипаж отпустить. Действовать согласно распорядка.

...

Тогда я не знал, что ухожу с флотилии в последний раз.

И больше не увижу синей воды Средиземного.

И вообще флотилии скоро не будет.

И много чего не будет.

«Мы покидали тонущий корабль...

Но нет, им не послать его на дно.

Поможет океан, взвалив на плечи.

Ведь океан-то с нами заодно.

И прав был капитан — еще не вечер».

©2005 Борис ВАСИЛЬЕВ.

И. Горбачевский.

notes

Примечания

Винтоотводы — бывают стационарные и вываливающиеся (т. е. «Складные») устройства, находящиеся в корме, выше ватерлинии, обозначают габарит винтов, т. к. выше ватерлинии, красятся под цвет борта, шаровой (серой) краской. Переменный пояс ниже ватерлинии красится кузбаслаком.

БОКА — быстроходный охранитель корабельный акустический, предназначен для создания мощного акустического поля, с целью инициации подрыва акустических мин.

«На рейде» — название ресторанчика с открытой площадкой.